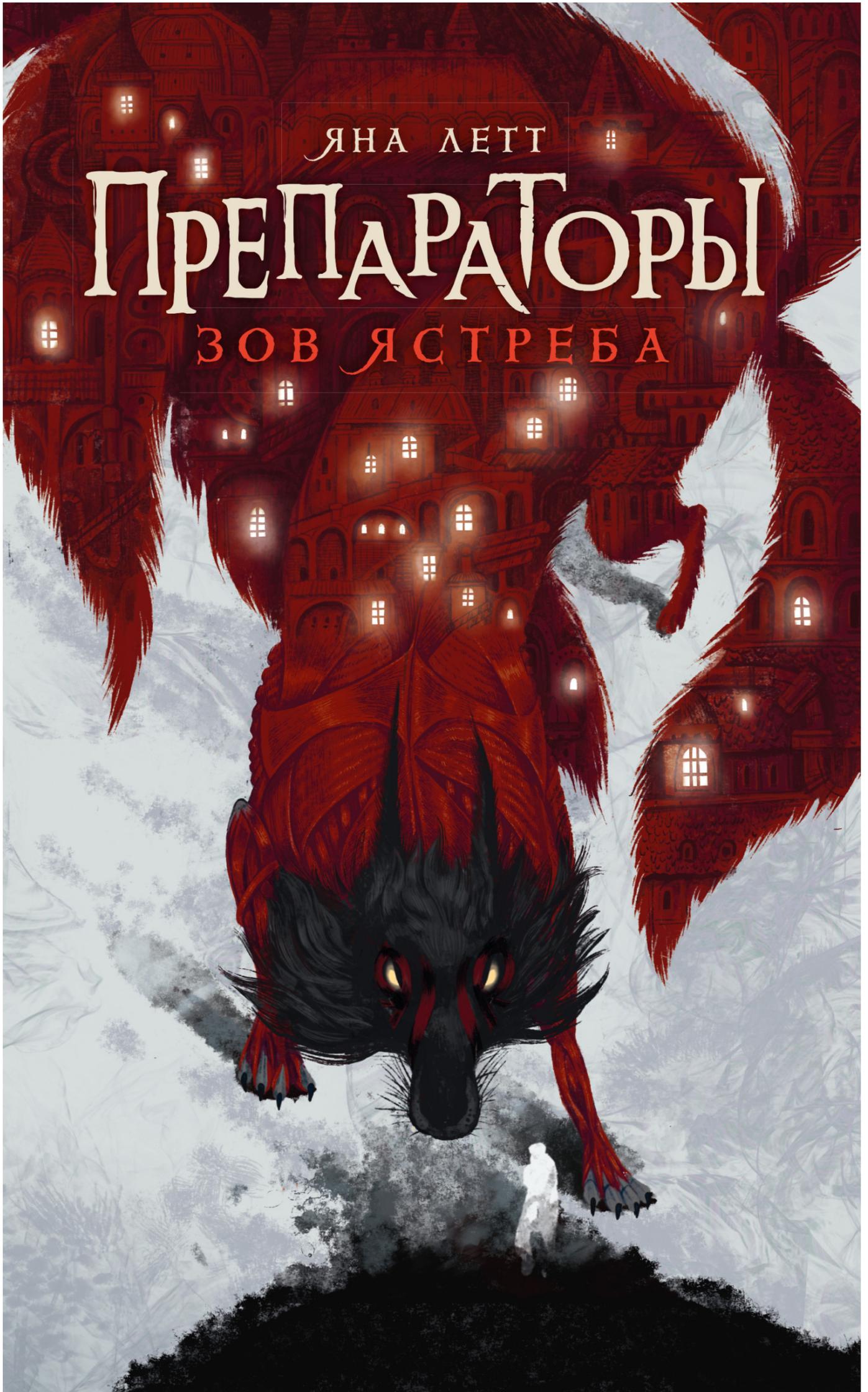

ЯНА ЛЕТТ

ПРЕПАРАТОРЫ

ЗОВ ЯСТРЕБА

Фэнтези нового поколения. Препараторы

Яна Летт

Препараторы. Зов ястреба

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Летт Я.

Препараторы. Зов ястреба / Я. Летт — «Издательство АСТ»,
2022 — (Фэнтези нового поколения. Препараторы)

ISBN 978-5-17-151526-3

Много веков континент Кьертания скован вечным льдом, а города обступает смертельная и манящая Стужа. В ней обитают только снитирь – необыкновенные звери, живущие сразу в двух слоях реальности, Мире и Душе. Части тел снитиров поддерживают жизнь на континенте. Их сердца бьются вместо моторов поездов и машин, а их глаза разрезают темноту вместо фонарей... Охотиться на снитиров могут только препараторы – люди, обладающие особыми физическими свойствами. Три рекрута-препаратора – Сорга, Ульм и Миссе – отправляются на обучение этой почётной службе. Но каждый ли из них выдержит испытания, уготованные судьбой? Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-151526-3

© Летт Я., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Эрик Стром. Охота	8
Газета «Голос Химмельборга»	19
Сорта. Разделка	20
Совет Десяти	33
Унелъм. Шествие	37
Сорта. Прощание	43
Омилия. Дворцовый парк	51
Унелъм. Поезд	60
Миссе. Поезд	63
Сорта. Поезд	67
Миссе. Химмельборг	72
Унелъм. Парящий порт	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Яна Летт

Препараторы. Зов ястреба

© Летт Я., 2023

© Савояр С., иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Любая история, написанная Кьертанией, – история выживания.
Но я сделала всё ради того, чтобы моя стала чем-то большим.
Оглядываясь назад, я вижу, как десятки чужих историй
слетаются друг с другом, чтобы это стало возможным.
Некоторые из них я никогда не узнаю.*

Эрик Стром. Охота

Четвёртый месяц 723 г. от начала Стужи.

Они дважды проверили всё, как обычно, прежде чем подойти к зоне подготовки у развилки коридора, как всегда уводящего Эрика направо, а Рагну – налево.

– Ты меня видишь?

– Да. Ты меня?

– Да.

Эрик скользнул пальцами по её руке, проверяя разъём под кожей, а потом она сделала для него то же самое.

– У тебя новый эликсир, так? – Рагна, сощурившись, разглядывала шприц. От неё никогда ничего не ускользало.

– Да. Экспериментальный. Из рогов эвеньев и хаарьей желчи. Пока не испытан... Но кропяр, который дал мне его, сказал, что всё должно пройти как по маслу.

Рагна покачала головой.

– Мне это не нравится. Зачем ты всё время лезешь на рожон? В прошлый раз всё и так было отлично.

Он пожал плечами:

– Путь – это развитие. Развитие – это путь. Неужели тебе самой не любопытно?

– Любопытство? Я бы назвала это по-другому. Тягой к саморазрушению, например. Или попросту глупостью, – она всё равно нажала на поршень шприца, потому что ему было не с руки, как делала каждый раз перед охотой. Эрик судорожно вздохнул, поморщился.

– Да брось, – он потянулся, чувствуя, как новый эликсир растекается по венам, горячий, щекочущий, едкий. – Всё будет отлично. Я доверяю этому кропарю.

– Лучше бы ты мне так доверял. Я, в отличие от него, не даю самоубийственных советов.

– Тебе я доверяю больше, чем себе, и ты это знаешь.

Она кивнула и протянула ему руку разъёмом вверх.

– Мне как обычно.

Некоторое время они посидели рядом, оперевшись друг на друга, ожидая, пока эликсиры подействуют, а препараты в их телах запоют, откликаясь на горячий разгон крови, быстрее бегущей по жилам.

Вдруг Рагна коснулась его руки, и он крепко сжал в ответ её пальцы.

– У меня дурное предчувствие, – тихо сказала она. – И в последнее время оно, знаешь ли, усиливается.

– Не о чем волноваться, – откликнулся он, хотя вовсе не был в этом так уж уверен. – Всё будет, как обычно. Мы всё проверили. И...

– Я не об этом. – Рагна на него смотрела. Её глаза, синий и золотистый, были устремлены куда-то вбок, как будто там, на белой стене, творилось что-то, что не дано было разглядеть никому, кроме неё одной. – Я о том, что творится в последнее время, Эрик.

Он молчал – не хотел обижать её ложью.

– Я не знаю, куда ты ведёшь нас, – продолжила она, – и чего добиваешься. Я никогда не задаю вопросов. Ты – мой ястреб так долго...

– Четыре года.

– Для препаратора – целая жизнь, – возразила Рагна с несвойственной ей серьёзностью. – Я верю тебе. И никогда не задавала вопросов. Но... Теперь я беспокоюсь за нас обоих. Скажи мне, что я волнуюсь зря. Скажи, что беспокоиться не о чем.

Эрик молчал, и она вздохнула:

– Почему-то я так и думала.

Они ещё немного посидели молча, прижимаясь друг к другу, и Эрик подумал, что наслаждается её запахом так, как наслаждался бы, наверное, запахом матери – близким, привычным. Запахом дома.

Ей – и только ей – ему хотелось сказать как можно больше.

– Мне хотелось бы сказать тебе как можно больше. Но...

– Как всегда «но», – проворчала она, пихая его в бок и роняя голову ему на плечо. – Стром, всё это тянется слишком давно. Ты сам это знаешь. Я насчитала уже три случая, когда ты повёл нас туда, где не было и не могло быть снитиров.

– Все иногда ошибаются.

– Ты никогда не ошибался.

– Видимо, я начинаю стареть. Или, может, препараты влияют на мой мозг?

Она закатила глаза.

– Работа твоего мозга определённо всегда вызывала у меня опасения, но препараты тут не при чём. В тебе их меньше, чем во мне, раза в три. Я вообще не знаю никого, кому всё это давалось бы легче, чем тебе, и это ты тоже знаешь.

Эрик удержался от реакции на это «легче». Рагна знала его слишком хорошо, и это была не первая её – и далеко не самая удачная – провокация в попытке узнать, какую цену он платит за своё исключительное *усвоение*.

– Стром, в Стуже мы ходим не туда, куда нужно, а в Химмельборге, наоборот, стали вести себя неожиданно прилично. Тише весеннего снежка. С чего бы это?

– Мне казалось, приличное поведение пошло нам обоим на пользу.

Она с наслаждением потянулась, и он услышал, как ус вала в её левой руке, туго переплетённый с венами, негромко гудит, запоздало отвечая на зов эликсиров.

– Есть немного. Я говорила, что завтра вечером встречаюсь с Хасаром? Это будет уже в третий раз.

– Звучит как серьёзные отношения.

Рагна снова пихнула его в бок:

– Не смейся. Может, и так. Служба закончится. Уйду в отставку. Заведём маленький дом в пригороде. Белые цветы... – её язык слегка заплетался. Тело настраивалось и перестраивалось – рассыпалось, чтобы уже скоро собраться воедино вновь – сильным, неуязвимым.

Эрик сильно сомневался в том, что мечте о белых цветах в пригородном палисаднике суждено сбыться. Совсем не потому, что Хасар должен был непременно оказаться таким же козлом, как все, в кого его охотнице не посчастливилось влюбиться – непобедимая, уверенная, расчётливая на тренировках и в Стуже, в столице, среди людей она, как по волшебству превращалась в робкую и неуверенную в себе недотёпу – или тем более не потому, что не верил в Рагнины силы. Она – определённо из тех, кому Стужа покорилась, но вряд ли из тех, кто сумеет от Стужи уйти.

– Я буду очень скучать по тебе. Интересно, мне можно будет навещать вас?

– А то.

– Все твои мужчины меня недолюбливают. Хасар исключение?

Конечно, время от времени они с Рагной спали друг с другом. Чаще всего – возвращаясь из особенно плохих переделок в Стуже. То, что тогда случалось между ними, было совсем не похоже на любовь – вряд ли это вообще мог бы понять хоть кто-то, ни разу не бывавший в Стуже.

Ревновать там было не к чему – Эрик был бы счастлив, найди Рагна кого-то особенного. В отличие от него, она-то всегда к этому стремилась, несмотря на препараты, эликсиры, Стужу, постоянную боль, тренировки, на то, что медленно, но верно происходило с её телом. Несмотря ни на что.

И всё же – на месте её мужчин – он бы тоже ревновал Рагну. Они с Рагной были незаменимы друг для друга в стольких смыслах уже давно. Такое и вправду невозможно повторить с кем-то ещё.

– Хасару я про тебя особо не распротра... Распространяюсь.

– Ты уже почти готова. Голова не кружится? Скоро идти.

– Ты опять заговорил мне зубы. Как всегда. – Она хихикнула, а потом вдруг разом посе-рьёзна – эликсир разошёлся по её телу, и взгляд стал жёстким, цепким, колючим, каким не бывал за пределами распределителей и Стужи.

– Стром, скажи мне правду. Что ты... – она помедлила. – Что *мы* ищем в Стуже?

Итак, вот оно. Рагна открыто предложила ему союз. Союз, который он сам предложил бы ей давным-давно – ничего ему не хотелось больше, чем посвятить её во все свои мысли, ни один союзник не был ему нужнее – если бы не то, из какой семьи она происходила.

Рагна никогда не гордилась родством, каким хвастал бы напропалую любой другой, почти не поддерживала связей с семьёй... И всё же, если дойдёт до дела, что окажется для неё важнее – кровь или союз препаратов?

Он стал слишком подозрительным, слишком недоверчивым? Возможно. Но Эрик Стром не мог рисковать, не будучи абсолютно уверенным в ответе.

Она вздохнула, и он почувствовал, как плечу стало холодно без тёплой тяжести её головы.

– Ты не доверяешь мне даже после всего того дерьма, через которое мы годами проходим вместе. Это... Обидно.

– Это не так.

– Это так. – Она покачала головой. – Что бы ты ни делал, чего бы ни искал, ты не можешь бесконечно справляться со всем один, Стром. Однажды ты это поймёшь.

Он вдруг посмотрел на Рагну, как будто впервые.

От глаза орма по коже расходятся тонкие золотистые лучи, как будто зрачок запрятан в глубину маленького яркого солнца. Обе руки, от кистей до локтя, испещрены узорами – пятнами, идущими от разъёма, изгибами валового уса, чёрными брызгами эвеньевых жил. Эрик знал, что такие же чёрные жилы туго переплелились под её правой грудью, что под коленом, если знать, где коснуться, вечно еле заметно вибрирует частица бьерана, убитого ими годы назад. Помнил очертания татуировки, сделанной кровью ревки, – путеводной звезды, знака ястребов и охотников, который они набили вместе на исходе их первого общего года. Знал, где искать шрамы в тех местах, где препараты не прижились или начали отторгаться через время – белые одинаковые аккуратные стежки, такие же, как и у него самого: ими занимался один кропаль, ушедший теперь в отставку.

Он представлял её голой без возбуждения или стыда – только с чувством глубокой печали.

Хасар, снявший с неё одежду – Рагне нравилось, когда её раздевали – изучал её тело, как диковинку? Чувствовал ли он болезненное, гадливое возбуждение, похожее на возбуждение мальчишки, представляющего одинокими ночами всякую грязь? Рассказывал ли друзьям о том, что теперь спит с охотницей?

Эрику не раз доводилось удовлетворять чужое любопытство такого рода. Он знал, каково это, – но это никогда не ранило его глубоко. Он-то, в отличие от Рагны, не искал ни сочувствия, ни нежности, ни тем более любви.

Эрик с трудом поднялся – в нём самом эликсиры всё ещё бурлили, прокладывая тайные тропы в теле, изучая его и друг друга – и, нашарив Рагнину руку, сжал в своей.

– Ты права, – сказал он ласково, про себя подумав: «Глупо будет, если я и вправду совершаю ошибку». – Прости. Мы поговорим, когда вернёмся. И я расскажу... То, что ты хочешь узнать. По рукам?

Она кивнула – мигнуло солнышко на её лице.

– По рукам, Стром.

Он и не ожидал, что ему сразу станет настолько легче – как будто тяжесть упала с плеч. До этого момента Эрик и не осознавал, как сильно в глубине души хотел довериться ей.

– Тогда – двух дорог и горячего сердца.

– Двух дорог и горячего сердца.

Новые рекруты редко прощались так, но они с Рагной отдавали должное старым традициям. С чего бы годами приносившим удачу ритуалам перестать работать сейчас?

Эрик привык думать о себе – да и о ней – как о глубоких стариках, хотя ни один из них пока не перешагнул порог тридцатилетия. Ещё одна издержка жизни препаратора – одна из десятков других.

– Мы с тобой – как старые супруги, правда, Стром? – сказала она, будто прочитав его мысли. – Может, это с тобой мне надо задуматься о домике в отставке, а?

– Может быть. – Он в последний раз проверил её разъём, свой разъём, *увидел* её – Рагна связь уже открыла – и взъерошил её короткие светлые волосы. – Ладно. Увидимся на той стороне.

– Да. Выход тридцать один.

– Тридцать один.

Она ни разу не оглянулась, идя по рукаву коридора, ведущего к площадке, с которой охотников забирали, чтобы отвезти ко входу в Стужу. Рагна была профессионалом – он учил её сам – и Эрик знал, что она уже не думает ни о нём, ни об их разговоре.

Сам он несколько раз глубоко вдохнул, выравнивая сердечный ритм, прикрыл глаза, погружая мир в полумрак, и зашагал по своему рукаву. Его путь лежал к лётному залу – каждая пара охотник-ястреб всегда приходила на охоту по заранее заданным коридорам и в заранее оговорённое время. Паре нужно было сонастроиться, и не стоило мешать друг другу.

Но теперь пора встретиться с другими ястребами, которым предстояла сегодня охота. Чем ближе Эрик Стром подходил к лётному залу, тем лучше слышал ровный деловитый гул – бормотание кропарей, чей-то нервный смех, жужжание инструментов, специфический звук капсул, больше всего похожий на тихое всхлипывание.

Он почувствовал знакомый зуд, горьковатое, терпкое возбуждение. Запах его тела изменился. Зрачки расширились. Волосы на теле и голове приподнялись, и по коже побежали мурашки.

Иногда он ненавидел себя за то, до какой степени любил всё это.

– Стром! Капсула тридцать один.

– Иду.

Новый кропарь – полный, неповоротливый, с постоянной одышкой – помахал рукой, похожей на связку колбасок.

– Как самочувствие?

– Полный порядок.

– Что-то новое в составе?

– Нет, – Стром соврал, не моргнув глазом. Его прежнего кропаря провести было бы куда труднее, но с этим они были знакомы слишком недолго и пока не успели друг друга изучить. Не слишком хорошо для охоты – но у всего есть две стороны.

– Хорошо, хорошо. – Пухлые пальцы одной руки с неожиданным проворством бегали по кнопкам на панели капсулы, пока другая деловито ощупывала разъём, мерила пульс, прикладывала трубку к сердцу. – Всё хорошо. Пульс немного учащённый... Ты нервничаешь?

– Нет.

Прошлый кропарь не стал бы об этом спрашивать. Стром никогда не нервничал перед тем, как отправиться в Стужу.

– Принимал какие-то лекарства? Снисс? Другой алкоголь?

– Нет.

Кропарь оторвался от кнопок и сделал пару пометок в блокноте. Кажется, он колебался, но всё же кивнул.

– Всё в порядке. Можешь проходить.

В лётном зале было прохладно, и Эрик привычно поёжился, снимая камзол, рубашку, сапоги, штаны и, наконец, бельё. Слева от него раздевалась пышногрудая ястреб по имени Лоис, с которой они пытались сработаться лет пять назад, и с тех пор не ладили. Эрик отогнал от себя мысль взглянуть разок на её грудь – скорее из вредности, чем из любопытства. В лётном зале препараторы не смотрели друг на друга – это было не принято. Каждый был сосредоточен на предстоящей охоте.

Зато взгляды кропарей, цепкие и липкие, мелькали, казалось, повсюду. Они то и дело останавливались не только на своих ястребах, но и на чужих. За указание на чужой просчёт полагалась премия – и кропари совершенно не стеснялись высматривать ошибки в работе друг друга. Слишком высока была у этих ошибок цена.

Кропарь Строма закрепил несколько уловителей у него на теле, пристегнул трубку к разъёму.

Капсула приглашающе всхлипнула, почувствовав приближение ястреба. Она была сделана из огромного валового желудка, покоившегося на постаменте из костей вурров, бьеранов, эвеньев. Жилы мелких снитиров пронизывали стенки капсулы, как реки – поверхность старой карты. Несколько впаянных в неё поверху целиком элемеров – все называли их попросту

«птичками» – тянули к Эрику свои мёртвые головки, разевали клювы, как будто им тоже не терпелось начать охоту.

В боку капсулы, как открывшиеся навстречу поцелую большие влажные губы, прорезалась щель. Каждый раз, готовясь к охоте, он представлял, будто заново забирается в материнское лоно – чтобы потом, вернувшись живым и с добычей, родиться заново.

Однажды он поделился этим с Рагной и она сказала, что ему нужно меньше думать об этом за пределами Стужи.

В этом и была разница между ними. Для него мира за пределами Стужи никогда настоящего не существовало. Весь мир был частью Стужи, пока она владела материком. Не наоборот.

Внутри капсулы было тепло, даже жарко, и Эрик лёг поудобнее, стараясь не смотреть в сторону кропаря, внимательно поглядывающего то на него, то на показания экрана и огоньки кнопок на панели.

Капсула снова всхлипнула, закрываясь, и начала источать нежную слизь, такую лёгкую, что, прикасаясь к коже, она напоминала пар в бане. Остро запахло рыбой и свежескошенной травой. Капсула заполнялась стремительно, и Эрик открыл рот, позволяя слизи скользнуть внутрь, заполнить его целиком. Прикрыв глаза, он представлял себе, как она заполняет носоглотку, движется по пищеводу, оседает в желудке. Он задышал размеренно и глубоко, отдаваясь, растворяясь в пространстве капсулы. Мыслей не осталось. Его как будто больше не существовало – возможно, именно за это он любил – и ненавидел – охоту больше всего.

Не было уже ни лётного зала, ни потеющего кропаря, ни всего центра препараторов, ни Химмельборга, ни Кьертании. Только Стужа, открывшая ему объятия...

И он полетел к ней.

Сначала, как всегда, было темно. Неестественная чернота – такой не добиться, даже занавесив все окна в комнате, даже изо всех сил зажмурив глаза.

Эрик Стром летел сквозь эту черноту, растворённый в ней, пока не чувствуя чьего бы то ни было присутствия – что уж там, даже своего. Он был ветром, холодным ветром, вихрем снежинок, звоном льда, ледяной волной, навсегда застывшей на пике полёта.

Некоторое время он двигался в тишине, а потом мир вокруг заполнили звуки – Стужа жила, дышала, пела, и этого не мог знать никто из тех, кто видел её только издалека, кто никогда не входил в неё – и не впускал её в ответ.

Сквозь тьму проступили первые контуры, очертания, лёгкие мазки мира Стужи. Уходящие в бесконечность ледяные горы и реки, холмы, окутанные снегом, груды прозрачных звонких льдинок, певуче катящихся друг за другом от малейшего движения ветерка. Все оттенки белого – не бывавший внутри Стужи не знает, что у белого вообще существует столько оттенков.

И серебрение – лёгкое звёздное мерцание на всём вокруг, отличающее слой Души.

Эрик осторожно опустился на снег – снег не скрипнул, не просел так, как на слое Мира, куда выходили охотники. Теперь он чувствовал себя – видел свои ноги и руки, моргал, дышал. Он чувствовал даже сведённые брови – так, как будто всё это было настоящим, телесным.

Ему не было холодно. Отделившись от тела призраку не страшен даже самый жестокий мороз Стужи. Впрочем, и для него здесь хватало угроз, не прощающих ошибок, – ошибок, отвечать за которые придётся беззащитному телу, плавающему сейчас в лёгкой зелёной слизи, пахнущей рыбой и травой.

Эрик Стром потянулся, чувствуя, как где-то там, далеко, в его жилах поёт и струится эликсир – его призрачная тень плавала сейчас в невидимых венах.

Он знал, куда идти. Но сначала нужно было найти её.

«Рагна. Рагна. Рагна».

Он повторял её имя снова и снова, нараспев, – не ртом, а всем своим прозрачным телом, которое словно бы стало резонатором, пропускающим через себя чужой зов.

Глаз орма в глазнице потеплел. Она откликнулась.

«Стром. Стром. Стром».

Теперь он видел ещё один слой Стужи – тот, что могла видеть в настоящий момент его охотница.

Это было то самое, о чём его постоянно спрашивали богатые бездельники на балах и светских собраниях.

«Каково это – видеть два слоя Стужи одновременно, а находиться только в одном?»

Даже если бы он хотел объяснить это чувство кому-то из них, у него вряд ли бы получилось.

Он видел руки и ноги Рагны, чувствовал, как вздымается её грудь, как мёрзнет и разогреется румянцем её лицо, как тяжело ей двигаться под струдом, с сумкой и плащом, как её ноги с каждым шагом глубже проваливаются в снег.

Будь он здесь физически, он мог бы коснуться её рукой. Слои Души и Мира никогда не сходились один в один, но расхождение было несущественным.

Ястреб мог видеть оба слоя – её и своими глазами – и они могли говорить, хотя и разговор этот не был похож на обычную речь. Их мысли текли, как вода, соприкасаясь друг с другом. Эрик скорее чувствовал мысли Рагны, чем слышал, время от времени выхватывая отдельное, самое важное.

Сам он тоже не забывал выделять, *подсвечивать* то, что было необходимо донести до Рагны.

«В сторону тридцать третьей. Тридцать третьей».

Она послушно двинулась туда, куда он сказал. Ему, его особым призрачным зрением, на своём слое было видно значительно больше, чем ей – на своём. Эрик видел мерцающие вдали души ревок – очень много, целая стая, но далеко, для Рагны не опасно. Ещё дальше, у самой линии горизонта, змеился сияющий след вала – он быстро шёл глубоко под снегом, время от времени выбрасывая вверх фонтаны мелких льдинок, острых, как бритва. Эти фонтаны были куда опаснее самого вала – самого крупного, но и самого миролюбивого из обитателей Стужи.

Сегодня вал их не интересовал, и Эрик двинулся дальше, не забывая слушать и *видеть* Рагну.

«Бьераны?»

«Нет».

Маловероятно, но возможно – Рагна могла заметить нужную добычу первой. Душа зверя могла на время спрятаться в тело, и тогда оказывалась бы недоступна ястребу на его слое.

Они двигались вбок и вглубь – по дорогам, прочерченным подземными течениями дравта, не нанесёнными ни на одну карту.

Конечно, попытки составить карты Стужи предпринимались с завидным постоянством – но постоянное изменение течений и рельефа позволяло расставлять лишь приблизительные вешки, по которым они двигались сейчас. Рагна – продумывая каждый шаг. Он сам – внимательно всматриваясь в мерцающие движения дравта глубоко под землёй своим призрачным зрением в надежде вовремя предупредить её, если понадобится.

Увы, возможности зрения ястребов на слое Души были ограничены – и даже ему, с его исключительными способностями, приходилось ошибаться, как бы Рагне ни хотелось верить в обратное.

Но сейчас думать об этом не стоило. Они двигались в глубь Стужи, ястреб и его охотница, и Стужа приветствовала их треском наста, звоном льда, далёким бормотанием зверя.

Они шли долго – до сих пор, даже годы спустя, труднее всего из прочего в Стуже Эрику Строму давалось понимание того, как долго он находится в ней. Проще всего было сверяться с ощущениями охотника.

Рагне приходилось сейчас труднее, чем ему – она шла через снега Стужи в своей физической форме, и, хотя ощущения притуплялись препаратами и эликсирами, чувствовала и холод, и боль. Его черёд расплачиваться наступит позднее – когда он откроет глаза в капсуле из валового желудка.

Они миновали пятидесятую вешку. Прошли озеро Плач – один из немногих ориентиров, не менявших своё положение уже многие годы. Миновали Расколотый лес. Деревьев там, разумеется, никаких не было, но вставшие дыбом тонкие иглы льда высотой в три человеческих роста напоминали о них. Под Расколотым лесом вечно что-то тряслось, взрывалось, содрогалось где-то в земляных недрах, и границы и форма «леса» всё время менялись. Ещё одна проблема с ним – на слое Души он постоянно «гулял» туда-сюда, не желая полностью совпадать с Миром. Из-за этого следить за обоими слоями одновременно тут было очень трудно – даже из состояния относительного покоя.

Кажется, даже снится, плоть от плоти этого ненадёжного и вечно меняющегося мира, Расколотый лес был не по вкусу. Стайки элемееров и одинокие ревки – вот и все, кого там можно было встретить. Но сейчас Эрик не видел никакого свечения. Возможно, в глубине – но сейчас это его не интересовало.

Рагна обходила лес по широкой дуге – приближаться к нему было бессмысленно, лишний риск.

«Стром».

«Рагна».

Эта переключка не имела никакого смысла. Рагна и без того знала, что он всё ещё здесь – чувствовала его присутствие своим пульсирующим нагретым левым глазом.

И всё же время от времени они окликали друг друга, не сговариваясь, не объясняя.

Я здесь. Ты не один.

Он вдруг вспомнил, как когда они только начинали ходить в Стужу в паре, она сказала: «Совершенно несправедливо, что ты видишь оба слоя через меня, а я через тебя – нет».

Тогда он отозвался: «Если бы кропари и механикеры сделали что-то с этой несправедливостью, мы, безусловно, стали бы непобедимы. Но до тех пор – работаем с тем, что есть».

В то время оба они верили, что до этого торжества прогресса – всего шаг, потому что каждая газета в Химмельборге пестрила сообщениями о новых и новых успехах экспериментальных методов. Но прошли годы, а новые впечатляющие разработки в этой области так и остались буквами на бумаге.

По докладам, исправно делающимся Десяти, Эрик знал, что некоторые кропари и механикеры не сдаются – но сам он давно уже не верил в их успех.

«Обойди глыбу слева. Справа – души эвеньев».

Их было много, пара десятков, не меньше – тела должны были находиться где-то неподалёку, хотя Эрик пока не видел их глазами Рагны. Охотиться на такое стадо парой, не отделив от него добычу, было самоубийственной затеей – кроме того, сегодня Эрик и Рагна пришли не за ними.

Рагна послушно повернула влево – быстрее, чем он успел до конца *высветить* мысль. С каждой новой охотой они чувствовали друг друга всё лучше, и Эрику досадно было думать о том, что рано или поздно они наткнутся на предел возможностей ястреба и охотника, положенный их телами.

Но пока до этого было далеко.

«Завтра. Вечер».

Он сразу понял, что она хотела сказать, *высветив* именно эти слова. Рагна берегла силы, но Эрик легко представил себе, что она сказала бы ему, не будь в этом необходимости: «Шевели задницей, Стром. Я надеюсь вернуться к встрече с Хасаром завтра вечером, а не замёрзнуть тут насмерть».

Нет, Рагна не сказала бы «замёрзнуть тут насмерть». Как и все препараты, входящие в Стужу, она была слишком суеверна для этого.

«Вперёд».

Не время было думать о мужчинах или женщинах, тепле или постели, Химмельборге или возвращении в лётный центр, и он, ястреб, должен был напомнить об этом охотнице.

Сейчас есть только Стужа – и, чтобы Стужа позволила им вернуться домой с добычей, нужно отдаваться ей всем сердцем, а не мечтать поскорее уйти.

«Да».

Они продолжили двигаться вперёд. Эрик видел пар, вылетающий из Рагниных губ, перед собой, и мерцание звёздного света слоя Души, и чёрно-белые равнины слоя Мира – а где-то там, в зелёном скользком нутре капсулы, его тело вертелось, как непоседливое дитя, не рождённое ещё на свет, от боли, отзвуки которой начали понемногу долетать до него, как далёкое, слабое эхо.

Неважно. Он начал чувствовать присутствие бьерана – кажется, даже более, чем одного, но им и одного хватит, даже лучше, если бьеран будет один, по крайней мере поначалу...

Эрик Стром заставил себя остановиться, почувствовать, одну за другой, ноги, руки – свои, а потом Рагны, и вернуться в равновесие.

«Порядок?»

«Да».

А потом это случилось. Свечение было неярым – но очень сильным, пульсирующим, как если бы одна из дорог, проложенных дравтом, вырвалась из-под земли и повела из снегов прямо в небо, к далёким ледяным звёздам. Синее, зелёное, лиловое, беспокойное в беспрестанном движении, свечение звало его так настойчиво, будто появилось здесь для него одного.

«Эрик».

«Эрик».

И оно сияло левее и выше пятьдесят девятой вешки – там, где заканчивалась размеченная часть Стужи, и в стороне, противоположной той, где он почувствовал присутствие бьеранов.

Выходить за пределы разметок, преследуя снитиров, не запрещалось, но, как говорилось в своде правил, там «препаратор действовал на свой страх и риск».

Эрик Стром засмеялся бы при мысли об этом, будь для того подходящее время. Можно подумать, вступая в мир Стужи, хоть когда препарат действовал *не* на свой страх и риск.

«Эрик».

Эта тяга была нестерпимой, и в ней растворялось всё остальное.

«Стром?»

Он вспомнил, что пообещал всё рассказать Рагне, и почувствовал радость. Ещё одна попытка – но теперь это казалось куда менее нечестным по отношению к ней.

«Влево. К пятьдесят девятой».

Она послушно двинулась влево. Пульс Рагны участился, и Эрик чувствовал, как солёный пот стекает вниз к её губам. Если бы не действие эликсиров и препаратов, её лицо покрылось бы ледяной безупречной маской уже через пару мгновений в Стуже.

«Порядок?»

«Да».

Но Эрик знал её, *был* ею, и понимал: стоит действовать быстрее. Рагна была не так собрана, как обычно. Что-то её отвлекало. Мысли о предстоящем разговоре? Встреча с Хасаром? Это он выяснит потом.

«За вешку. Вперёд».

Она помедлила всего мгновенье, но он заметил.

«Вперёд».

Охотник не должен сомневаться в ястребе – никогда. От этого зависит выживание обоих. Сам ястреб тоже не должен сомневаться в себе, поэтому Эрик Стром двинулся вперёд, туда, куда звало его свечение.

Он продолжал следить за мерцанием душ бьеранов – теперь он точно видел, что их двое, один покрупнее, другой поменьше – оставшихся позади. Их тел зрением Рагны видно не было – но бьераны никогда не разделяются надолго и не уходят далеко. За ними они с Рагной вернутся позднее – и к их возвращению добыча будет готова к началу охоты.

Вперёд.

Эрика затрясло – смесь эликсиров как будто быстрее заструилась по призрачным венам, и по мерцающей коже бежали мурашки – тени, призраки настоящей дрожи, сотрясавшей его тело в валовой капсуле.

Он сглотнул и почувствовал вкус соли, как будто рот наполнился кровью.

«Эрик».

На этот раз – совсем близко. Он чувствовал это, как будто знал наверняка. Никогда ещё ему не удавалось подобраться так близко, и тяга стала нестерпимой. Быстрее, быстрее – его тело как будто превратилось в магнит, летящий навстречу гигантскому железному бруску. Сияние звало его, только его – на этот раз он достигнет его и получит вознаграждение за долгие годы поисков, наяву и во снах.

«Эрик».

Душа Стужи засветилась ярче, чем когда бы то ни было на его памяти. Теперь он видел всё. Движение каждой дравтовой жилки под землёй, даже на тех глубинах, что никогда прежде не были ему доступны. Следы душ, прошедших здесь когда-то давным-давно.

«Стром».

Тени тех, кто сгинул в Стуже. Они парили, тёмные и прозрачные, высоко-высоко в чёрном небе, завиваясь в бесконечные призрачные кольца, танцуя, маня, выпевая его имя.

«Стром».

Сияние звало его. Разгоралось всё ярче, как огромный, горячий, щёлкающий дровами костёр, пульсирующий теплом, яростью, ликованием.

Он видел ход времени – время проплывало мимо него белёсыми длинными сгустками молочного света, толкалось, как пёс, приглашающий поиграть...

«Стром!..»

Он открыл глаза. И *увидел* Рагну.

Бьеран вскрыл её от шеи до паха. Внутренности выпали на снег, и от них в морозный прозрачный воздух Стужи поднимался пар.

«Рагна! Рагна! Рагна!»

Его душа кричала, кричала и кричала, сколько было сил. Он рванулся к бьерану, ещё не сознавая до конца, что помочь охотнице невозможно.

Сияние увело его далеко, слишком далеко от Рагны, и следуя за ним, он забыл о ней, о глазах орма, соединяющих их... Обо всём на свете.

Бьераны, несмотря на свой размер, только кажутся неповоротливыми. Когда нужно, они движутся очень и очень быстро. Их светлые тела легко сливаются цветом со снегами Стужи – и они могут долго оставаться в абсолютной неподвижности, выслеживая добычу.

Эрик Стром плакал и не чувствовал слёз – невидимых слёз на невидимом, призрачном лице.

Он всё ещё видел бьерана – и это было самое страшное. Это значило, что Рагна всё ещё жива.

Морда бьерана была перепачкана красным. Казалось, он улыбался. Его душа парила чуть выше, кувыряясь в поднявшемся вихре снежинок, и пела от радости.

Его охота оказалась удачной. Тёмный нос, пасть, полная острых зубов, погружалась в Рагну снова и снова, и Эрик ничего не мог с этим сделать. Все его препараты, все эликсиры – старые и новые – были сейчас бесполезны.

Где-то далеко, сейчас казалось – на другом свете, его тело содрогалось, ломалось от чудовищной боли, рвалось и булькало, захлёбываясь криком.

Он ушёл слишком далеко, поддавшись сиянию, положившись на свою волю – и совершил ошибку.

«Рагна».

Когда он наконец добрался до неё, бьеран уже убирался прочь. Он насытился, забрав самые лакомые куски, не хотел вступать в бой и теперь, почувствовав присутствие ястреба, стремительно скользил прочь, унося в себе свою душу. На уровне Души её больше не было видно.

Глаз в правой глазнице Строма гас, остывал – и в конце концов остыл целиком. Теперь он не видел бьерана – без Рагны он не мог видеть слой Мира.

Но тело и душа у снитиров не могли соединяться надолго – а значит, несмотря на то, что бьеран теперь знает, что его преследуют, рано или поздно она вернётся на его слой, и тогда они снова встретятся.

«Рагна».

Эрик преследовал бьерана долго – или верил в то, что преследует – с тупым упорством, идя наугад, не чувствуя ничего, через осыпающиеся горы льда, через тёмные равнины, сияющие дравтовыми прожилками, через заполненные обманчиво твёрдым снегом овраги.

Его вернули в лётный зал в соответствии с протоколом – через несколько минут после смерти Рагны, показавшимися ему вечностью.

Эрик Стром, выпав из со всхлипом распахнувшейся капсулы, слепо полз по полу, уворачиваясь от рук кропарей, и повторял, что должен вернуться, на этот раз во плоти, на слой Мира – сейчас, немедленно, пока зверь ещё близко к телу Рагны, пока их обоих ещё можно найти. Эрик повторял, что должен идти, пока его кропарь, отдуваясь и кряхтя от натуги, не ввел большую дозу успокоительного в разъём, погружая его в глубокий, тёмный сон без сновидений.

Эрик всё же пошёл – позднее, придя в себя. Это противоречило правилам – но никто не посмел помешать ему, потому что он был одним из Десяти. Он знал, что бьерана уже не найти, но хотел отыскать тело Рагны и вернуть домой. Это казалось важным, как будто могло что-то изменить, и несколько дней, разыскивая её, Эрик чувствовал пугающую приподнятость духа – как будто в глубине души надеялся, что найдет охотницу живой, что её страшная смерть ему только привиделась.

Но никто никогда не нашёл её. Такое случалось часто. Стужа любила подарки. Должно быть, тело Рагны стало её частью уже через несколько часов после встречи с бьераном – причудливой ледяной фигурой, новой складкой на снежном саване. Но Эрик Стром всё равно ещё долго искал её – даже тогда, когда уже наверняка знал, что нечего больше искать.

Газета «Голос Химмельборга»

Седьмой месяц 723 г. от начала Стужи

«...Благородная динна Ассели выступила на заседании городского совета в присутствии владетеля Химмельна, его жены и дочери. Динна выдвинула предложение о пересмотре срока обязательной службы препараторов. Особенный акцент в краткой, но очень экспрессивной речи был сделан на ястребах и охотниках. Госпожа Ассели утверждала, что, по результатам независимого исследования государственных препараторов, потенциальный физический ущерб тех, кто пожелает выйти в отставку по окончании обязательной службы, можно уменьшить на 15-20 %, если сократить её срок до 6 лет.

Господин Магнус выразил сомнение в целесообразности такого решения с точки зрения удержания целостности границ, а также экономической стабильности.

Господин Орт, глава Десяти, от лица всех препараторов выразил общую готовность умереть за благополучие Кьертании, если это будет необходимо. Его заявление было встречено овациями и удостоено личной благодарности владетеля Химмельна и его семьи.

Предложение динны Ассели было отклонено. В повторном слушании отказано.

Динна Ассели заявила специально для «Голоса Химмельборга», что планирует подать повторную просьбу о рассмотрении предложения на ближайшем заседании совета.

Наш специальный корреспондент особо отметил, что динн Ассели на заседании не присутствовал. Надеемся вскоре получить его комментарии по поводу выступления супруги...

Читайте дальше на стр. 3. Блестящий дебют!

Юная Омилия Химмельн становится звездой Золотого бала в Химмельборге.

Читайте дальше на стр. 4. Очередной триумф главного кьертанского промысла.

В Дравтсбодде поставлен новый четвертной рекорд по добыче дравта.

Читайте дальше на стр. 5. Столица тепло поприветствует гостей.

Первые же две недели ежегодных традиционных Шествий уже подарили препараторам Кьертании 112 новых рекрутов».

Сорта. Разделка

Восьмой месяц 723 г. от начала Стужи

Стужа была очень близко.

Она всегда была близко, и я, как и все, привыкла об этом не думать. Но на ежегодную разделку, перед Шествием, все жители Ильмора приходили именно сюда – на границу между городом и стеной ледяной белой пустоты, поглощающей все цвета и звуки. По-своему она была красивой – как будто с неба на землю плеснули ледяного молока, и оно застыло в полёте – навеки. В его глубине быстро двигались неясные тени. Не снитирь – они не подходили так близко к границам поселений людей, чтобы их можно было разглядеть. Некоторые верили, что эти тени – души погибших в Стуже. Версия не такая уж безумная, если вспомнить, что души всех обитателей Стужи легко отделялись от тел, а ястреб и охотник, по сути, становились душой и телом, чтобы их поймать.

Другие считали, что все умершие уходят в Стужу – даже те, кто ни разу не пересекал границу. Эта версия нравилась мне даже больше. В конце концов, все мы принадлежали Стуже.

Иногда по белой ледяной поверхности, за которой гуляла снежная мгла, проходила рябь, и тогда всем нам становилось страшно. Мне кажется, даже приедем препараторам было не по себе, хотя они лучше других знали Стужу.

Накануне Шествия многое происходило один-единственный раз в году.

И хорошо – не думаю, что хоть кто-то хотел бы разделять привезённые из Химмельборга тела снитиров чаще. Как будто отвечая на эту мысль, кто-то из соседей по разделке – из-за защитных очков и костюма не понять было, кто – звучно блеванул на снег. И сразу – кто-то запрочил, кто-то побежал за помощью к препараторам.

Напрасный страх – защитные костюмы делали своё дело. Конечно, какое-то воздействие снитиров на людей сохранялось, но не более серьёзное, чем сильное похмелье.

Против традиции не пойдёшь – каждый год все жители Кьертании работают с препараторами плечом к плечу, как будто это может как-то компенсировать, что в остальное время они одни спасают всех жителей континента.

Мне никогда не становилось плохо во время разделки – но иногда я притворялась, что чувствую себя нехорошо. Слишком глубоко и часто дышала, пока не начинало темнеть в глазах – пока не начинала и в самом деле чувствовать, что мне плохо. Мне и в самом деле становилось плохо – потому что каждую разделку призрак Гасси, всегда маячивший где-то за моим плечом, становился особенно ярким.

Разделочная площадка была похожа на доску для игры в тавлы – белые квадраты утоптанного снега, красные – крови. Люди перемещались между ними, как фигуры, по заданным препараторами траекториям, не поднимая головы. Они стремились скорее закончить работу, вернуться домой и долго смывать с себя запахи разделки, готовясь к празднику. От губ поднимался пар, и от крови на снегу поднимался пар; таял снег, по спинам струился пот.

Влага, течение, кровь и снег, смерть и рождение – это действительно ощущалось, как ритуал, но от этого дело не становилось приятнее.

В этот раз мне досталась особенно противная работа – извлекать глазные яблоки из хаарых глазниц. Нужно было действовать очень осторожно, чтобы не повредить перед тем, как механикеры повторно нейтрализуют их – подлатают места, которые обнажатся – и сделают пригодными для использования.

Не живые, не мёртвые – страшно делать то, что приходится, когда обледеневшие ресницы слегка трепещут под пальцами, как крылышки насекомого. Хаары, похожие на огромных зайцев – обзаведись, разумеется, зайцы смертоносными клыками и надёжным панцирем крепких, как кость, щитков, защищающих тело – лежали рядами, и их раскинутые в разные стороны голенастые ноги жутковато напоминали человеческие.

Я представила ряды мёртвых препараторов, белых и холодных на снегу. Всех тех, кому пришлось погибнуть ради того, чтобы в этом году даже в Ильмор – маленький городок на отшибе Кьертании – снова привезли достаточно препаратов.

На площадке стоял шум: пилы работали вовсю, и мир вокруг стонал и выл так, что зубы сводило. Воздух там, где шла эта работа, становился белым и плотным от костной пыли, и даже несмотря на защиту, здесь работали только самые здоровые и крепкие мужчины.

Я старалась не обращать на пилы внимания – сосредоточиться на глазах, которые нужно было извлекать осторожно, почти нежно. Для этого нужна предельная сосредоточенность – и умение не думать о том, что хаар, которого ты разбираешь на части, как и остальные снитеры – ормы, эвеньи, элемеры и прочие – по сути, жив, и останется жив, даже когда части его тела распределяют между домами. Там они будут работать, постепенно угасая, до следующего года – выделять тепло, регулировать влажность воздуха, запускать механизмы...

Необязательно было заниматься глазами – по жребию мне выпали лапы орма, единственного привезённого в Ильмор, а отделять когти куда приятнее. Но Миссе Луми, которой выпали глаза, так побледнела – того и гляди, вывернет наизнанку ещё до того, как дошло до дела – что я решила: почему бы и нет.

Мне следовало тренировать самообладание при каждом удобном случае. Я понимала это уже давно – с тех самых пор, как узнала то, что не положено было знать.

Морда хаара дёрнулась под моими руками, и я с силой втянула воздух, но продолжила давить на его глазницу инструментом, похожим на огромную ложку. Хаар не мог причинить мне никакого вреда – его душа была поймана и убита препараторами, а значит, тело – не живое, не мёртвое – принадлежало людям.

– Привет.

Из-за визга пил я не сразу расслышала, что подошедший человек – из-за маски и очков не поймёшь сразу кто – обращается ко мне.

– Сорта, надо поговорить.

Теперь я узнала голос и ещё ниже склонилось над своим хааром – глаз не желал поддаваться.

– Давай помогу.

– Не надо. – Кажется, первые слова, обращённые к Унельму Гарту, за последние года три. Не меньше.

– Как скажешь. – Он опустил на корточки неподалёку и подвинул к себе хаарью лапу, безвольно скребущую когтями по снегу. – Тогда просто поговорим. Это нужно сделать, сама знаешь. Потом может быть сложнее.

Приходилось признать: он прав. Ильмор – маленький город, где любое отклонение от ежедневной рутины привлекает чужое внимание.

Но, как известно, лучший способ спрятать что-то – положить на виду. На разделку собирается весь город, но каждый слишком погружён в неприятную работу, чтобы отвлекаться на чужие разговоры. К тому же – как на мрачном карнавале, где все наряжены одинаково – с двух шагов и не разглядишь, что Иде Хальсон, по прозвищу Сорта, и Унельм Гарт, несколько лет ходившие по разным сторонам улицы, вдруг решили побеседовать перед Шествием.

– О чём ты хочешь поговорить? – Я свирепо вонзила ложку глубже, и глаз наконец поддался.

– О росте показателей дравтодобытчиков уходящего года.

Унелъм был в своём репертуаре – ничуть не изменился за эти годы – как я и думала, время от времени наблюдая за ним издали. Ярко-синие глаза весело блестели даже сквозь заляпанные брызгами крови очки, и – я могла бы поставить на это – под маской он наверняка улыбался нагло и весело – как всегда.

Когда-то – в детстве – я любила эти его улыбки. Пока одна из них не провела между нами черту, которую не стереть никаким разговором.

– Твои шутки уже всем надоели, если ты пришёл ко мне?

Он наклонился ниже, и теперь я могла разглядеть даже широкий светлый шрам у него на лбу. Я помнила, как он появился. И не сосчитать, сколько раз за последние годы мне хотелось подойти к нему, встряхнуть за плечи изо всех сил.

«Ты что, забыл? Как ты мог об этом забыть?»

– Мои шутки популярны, как никогда. Но мне нужно отточить их на новых слушателях... Знаешь, перед тем, как мы с тобой уедем в столицу.

– Тише ты! – но никто на нас не смотрел. Никто не слушал.

– Да расслабься. – Воспользовавшись тем, что я отвлеклась, Унелъм наклонился к моему хаару и вонзил разделочный нож в его жилистое трепещущее бедро.

Я глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

– Если тебе на всё плевать, то мне – нет. Я хочу уехать в Химмельборг, мне это нужно, а если кто-то узнает, что мы сделали...

– Сорта, мы были детьми. – Он потянул на себя мышцу, и тёмная кровь упругими толчками полилась на снег. – Это было давно.

– Это не имеет срока давности.

– Смотрю, кое-кто так и не научился отпускать...

– Зато ты научился этому за нас двоих.

Унелъм вздохнул, и его защитные очки затуманились сильнее.

– Я не ругаться пришёл. – Он понизил голос ещё сильнее, и мне пришлось придвинуться ближе. Теперь наши головы почти соприкасались, и Унелъм, как и я, то и дело поглядывал по сторонам.

– Неужели мы подобрались к сути?

– Подобрались, и это несмотря на твои постоянные колкости. Сорта... Мне не по себе.

На мгновение даже визжание пил, кажется, зазвучало слабее. Унелъм Гарт, самоуверенный и самодовольный, дерзкий на язык, обожаемый одной половиной Ильмора и раздражающий другую... Говорил, что ему не по себе, и не кому-то – мне.

Значит, дело и вправду было плохо.

– И чего ты ждёшь от меня? Утешений? Помощи?

– Мы уже не дети, Хальсон. И ты не моя старшая сестра – я думал, тебе младших и так хватает.

Мне удалось задеть его, но никакой радости я не почувствовала.

– Тогда чего ты хочешь?

– Заключить договор. – Унелъм аккуратно отделил ещё одну мышцу от лапы хаара, не обращая внимания, как когти судорожно взрывают снег. – Мы двое едем туда, где никого не знаем. Все эти годы у нас была общая тайна...

– В Химмельборге она перестанет иметь значение.

– Да. Но разве ты не чувствуешь то же, что и я? Мы связаны, Хальсон. Он связывает нас, нравится тебе это или нет. Мы никуда от него не денемся. Нас всегда было трое, со дня, когда мы все научились говорить – и выбрали говорить друг с другом. Трое нас и останется.

Я немного помолчала – не потому, что не знала, что сказать, а потому что говорить было бы слишком больно.

– Что за договор?

– Давай будем помогать друг другу, – просто сказал он, и глаза под очками казались бесстрастными. – Мы земляки, и в детстве, долго... Мы были друзьями. Я знаю, что ты злишься на меня...

«Злишься на себя».

– ...Но другим там тем более не будет до нас дела.

Хаар смотрел на меня с мёрзлой земли, и в его ни живых, ни мёртвых глазах застыли мерцающими льдинками капли слёз. Плачут ли снитеры, грустят, радуются? Насколько они умны на самом деле?

Лучше не знать.

– Мы не сможем снова стать друзьями, Ульм. – Его детское, старое, ласковое имя вырвалось само.

«Ульм! Иде! Вас домой зовут!»

– Я на это и не надеялся. Но чтобы спасти друг друга, друзьями быть необязательно.

«Зато можно быть друзьями – и не суметь спасти».

– Ладно, по рукам. – Я протянула ему руку в перчатке, перепачканной слизью и кровью, и он её пожал. Это был первый раз за годы, когда мы коснулись друг друга, – при том, что наши отцы продолжали сидеть у кого-то на кухне за пивом и табаком каждые выходные, лишь изредка переговариваясь, а чаще просто глядя за окно, на белое сияние Стужи над тёмной линией теплиц и городских крыш у самого горизонта.

– Вот и хорошо. Торжественно обещаю не злоупотреблять твоей помощью – и не слишком открыто радоваться, когда тебе понадобится.

В этом весь Унельм. Я не успела ответить ему, потому что он легко поднялся с колен, сжимая в кулаке пучок хаарьих мышц. Говорить с ним громко мне не хотелось – кто-то, неузнаваемый в защите, проходил мимо.

– Зайди к госпоже Торре, Сорта, – сказал он, уходя. – Ты сама знаешь, что это нужно сделать.

Не ему было говорить мне, что нужно сделать – и всё же Унельм Гарт был прав. Возможно, и договор был хорошей идеей – хотя уже тогда, пожимая его руку, я подумала: обращусь к нему только в самом крайнем случае. И всё-таки хорошо знать, что тебе есть, к кому идти. Я никогда прежде не покидала Ильмор – а теперь должна была уехать надолго, возможно, навсегда.

И хотя последние годы всё, что я делала, в той или иной мере было подготовкой к отъезду, я могла бы ответить Унельму: «Мне тоже не по себе», и это было бы совершенно честно.

Вдали затихали пилы – одна за другой, как голоса, ведущие разные партии в хоре. На подходе была следующая смена, а значит, можно было покинуть, наконец, площадку, сдать препараторам костюмы и очки, а дома мыться, пока не остынет вода.

Я сдала препаратору в коричневом камзоле механикера хаарьи глаза, и он пересчитал их, не глядя на меня. Для него всё это, должно быть, было рутинной. Просто в кои-то веки грязную работу делал кто-то другой. Отворачиваясь, я заметила, что на правой руке у него не хватает пары пальцев – часть перчатки была мягкой и пустой.

– Спасибо вам.

«За вашу помощь мне и Кьертании. За ваши пальцы».

Он кивнул, по-прежнему не поднимая головы. Возможно, боялся сбиться со счёта.

Вообще все препараторы, приехавшие в этом году в Ильмор, показались мне усталыми и недовольными. Можно понять – живи я в столице, должно быть, тоже не хотела бы очутиться в таком захолустье.

Препараторов каждый раз распределяли по городам Кьертании – интересно, по какому принципу?

Возможно, Ильмор был карой за плохое поведение.

По крайней мере, один из препаратов сиял улыбкой – не смотря на шрамы, испещрявшие его лоб и левую скулу, несмотря на прихрамывающую походку и левый глаз с радужкой темнее, чем на правом. На пару лет старше меня, он стоял у входа на разделочную площадку и собирал защитные очки.

Я протянула ему свои:

– Привет, Дант.

Он не ответил – как будто и не слышал. Дело не во мне – с момента приезда в Ильмор Дант вёл себя так со всеми, даже с собственными братьями и отцом. Конечно, дома его всегда лупили почём зря, и всё же...

Вряд ли это совпадение – оказаться распределённым в город на окраине, откуда уехал после Шествия пару лет назад. Дант так показательно не замечал никого вокруг – как будто все эти серые дома и усталые люди не имеют и не имели к нему никакого отношения – что я впервые подумала: может, он и сам хотел вернуться сюда... Чтобы они все увидели, каким он стал.

Припадающим на одну ногу, изуродованным – и всё же на голову выше любого здесь.

Я знала – потому что в Ильморе все знали почти всё про всех – что он не отправил отцу и братьям ни химма с тех пор, как уехал служить в столицу.

Если бы мне предстояло оставить дома только отца и брата, пожалуй, я бы могла это понять.

Ильмор лежал передо мной в ожидании – и я пошла ему навстречу. Было странно думать, что я вижу всё это в последний раз. Храмы Мира и Души, приземистое здание магистрата, главную площадь с памятником Химмельну в центре фонтана, из которого, на моей памяти, ни разу не появилось ни капли воды – для этого всегда было слишком холодно.

Чёрное, серое и белое во всевозможных комбинациях. Дома из дерева и камня, заборы и сараи, школа и библиотека, кабак и лавка, снова дома, дома и дома.

Потом бесконечные ряды теплиц – главное сокровище нашего города и – с этой стороны – своеобразный буфер между ним и Стужей. Если бы граница сдвинулась, у людей было бы куда больше шансов спастись – гибель картофельных грядок выиграла бы им время. Мне всегда было интересно – случись так, как скоро пришла бы помощь? Пришла бы она вообще – за лишними ртами, которые больше ничего не смогли бы дать Кьертании?

Ильмору не повезло – несмотря на все поиски, у нас никогда не было собственной дравтовой скважины, и всё, зачем был нужен городок, – это обслуживание более успешных соседей.

Лес, росший между городом и теплицами, я любила ещё и потому, что всё, что он давал, он давал только нам. Хворост, ягоды, грибы, мох, дичь – и место для игр...

Мой с детства лес, исхоженный вдоль и поперёк, и снова чёрное и белое на сером – крепкие стволы в накидках из ягеля, снег и лёд, тёмная вода Ильморки с течением таким быстрым, что никакой холод её не брал. Пар – тяжёлое дыхание реки – и алое мигание капелек кислицы в чёрном мхе тут и там.

Я любила всё это – но сейчас мой путь лежал в центр города, туда, где на площади препараты устанавливали большие костяные арки, через которые уже скоро мне предстояло пройти.

Улица, на которой стоял мой дом, ответвлялась от главной площади. Звучит так, словно я родилась в богатом районе, и когда-то, при прадеде, построившем его, мой дом действительно был богат – во всяком случае, по меркам Ильмора. Мама рассказывала, что в те времена погреб ломился от запасов, а у кур был большой стоявший отдельно курятник, а не хлипкая пристройка, лепившаяся к одной из стен. В детстве мама жила на чердаке со своими сёстрами – тогда там было уютно и тепло, а сейчас крыша так прогнила, что туда никто даже не загляды-

вает. Чердак заполнился хламом, вытеснившим детские воспоминания. Неудачи начались ещё при деде с бабушкой, а потом катились по нарастающей, как ком снега.

Возможно, стань хозяином муж одной из маминых сестёр, дом не пришёл бы в упадок. Но обе они стали хозяйками собственных домов – мама оказалась единственной, кто привёл мужа, а не переселился под его кров.

Когда мы с Седки, Гасси и Унельмом были маленькими, именно наш двор единогласно признавался лучшим местом для игр. Из старых досок можно было сооружать любые, даже самые фантастические шалаши, и жердины от забора легко превращались в мечи или ружья – смотря что именно было у нас тогда в чести. Для меня одно не менялось.

В этих играх я всегда была ястребом. Смелым, непобедимым – и свободным.

Отец мог наорать, если мы шумели слишком сильно, но зато ему было плевать, даже когда мы выломали пару досок прямо из забора, чтобы залатать дыру в шалаше на дереве.

Кажется, калитку не чинили с тех самых пор – она осела на один бок, и мне пришлось изо всех сил упереться ногами в снег, чтобы открыть её. Она отворилась с обычным оглушительным скрипом, и некоторое время я подождала в дверях, чтобы убедиться, что отец ещё не вернулся с разделки и можно идти домой.

– Эй! – я вздрогнула, но это был всего лишь Седки, мой старший – и единственный – брат. Волосы взъерошены, лицо покраснелось – мне не нужно было подходить к нему ближе, чтобы почувствовать запах спиртного.

– Чего тебе?

– Мне-то ничего. – Он подошёл ближе, протиснулся в калитку, отодвинув меня плечом. – А вот ты что делаешь тут так рано? Препараторы говорили, ваша смена закончится через час.

– Я справилась быстрее, и меня отпустили.

– Вот как? Отцу это не понравится. Он наверняка захотел бы, чтобы ты предложила им помощь в следующей смене. Ну, знаешь, чтобы показать, как предана наша семья Кьертании. «Сам-то ты, смотрю, из кожи вон для этого лезешь».

Я молчала – но Седки не унимался. Видимо, снисс – или что именно он выпил, улизнув с разделки пораньше, с друзьями – будил в нём желание прицепиться к кому-нибудь, а мне не посчастливилось очутиться рядом.

– ...Если бы отец узнал...

– Если хочешь, скажи ему. Мне всё равно.

Оставить позади Седки, разинувшего рот от изумления, было первым подарком грядущего праздника.

Обычно я бы говорила с ним мягко – ради мамы, не ради себя – но сегодня ни он, ни отец меня не пугали. Я знала: в день Шествия отец ни за что не станет набрасываться ни на меня, ни на кого другого. Весь Ильмор соберётся в здании магистрата на праздник, и если для местных чьи-то синяки и ссадины – не новость, приедем их никто не хочет показывать. Для отца – как и для многих других людей, в окружении которых прошло моё детство – видимость имела большое значение. Это всегда казалось мне странным – ведь Ильмор был так беден. Впрочем, может, в этом и было дело.

Я вошла в дом, приоткрыв дверь совсем чуть-чуть, чтобы не впускать холод. Напрасно. Седки, направляясь к себе в комнату, даже не подумал бы об этом.

Мама была на кухне – где же ещё. Я расстегнула ворот, размотала шарф. Препарат, гревший наш дом весь год – кусок хаарьей печени, заверенной печатью владельца – дотягивал последние часы, но на кухню его мощи всё ещё хватало. Огонь в очаге тоже делал своё дело – но его одного было бы недостаточно.

«Смотри и запоминай. Вот откуда ты пришла – и куда ни за что не вернёшься».

– Иде, – у мамы был усталый вид, но другой я её не помню. Судя по свадебному фототипу, когда-то она была редкой красавицей. Статной и стройной. Те времена давно прошли.

Восемь родов – две мои сестры родились мёртвыми – состарили её раньше времени, и она всегда ходила, слегка согнувшись и уронив голову набок, как птица, готовая вспорхнуть в любой момент. Она выглядела старой женщиной, хотя ей не было и сорока.

– Чем тебе помочь, мама?

Она слабо улыбнулась, дёрнула кистью, как будто собиралась потрепать меня, как в детстве, по щеке.

– Работы хватает. Вдвоём до праздника управимся.

Стол перед ней был посыпан мукой. На большом глиняном блюде лежали две подтаявшие рыбины с ледника. Десятки крудлей – пирожков с рыбой и зелёным луком – уже жались друг к другу на противне. На соседнем были лепёшки с картошкой и цветами стланника. По старому кьертанскому рецепту в такие добавляют свиные шкварки, но их на столе нет и не предвидится.

– Не надо было столько готовить. Нам это не по карману.

Мама вскинулась, и прядь волос, белых от муки, упала ей на лоб.

– Сегодня праздник Шествий, Иде. Мы благодарим магистра, столицу, препараторов. И, может быть, провожаем кого-то из наших детей в дорогу. Лепта каждого важна, – в глазах Ильны Хальсон всего на миг вспыхнул огонёк, напомнивший о том, какой она могла бы стать, если бы не Матис.

Гордой, красивой, смелой. И свободной.

А потом мы обе услышали тяжёлые шаги отца, идущего мимо кухни – видимо, по нужде.

И огонёк погас – мама снова превратилась в женщину, большая часть жизни которой оказалась трудной и несчастливой – и этого было уже не поправить, даже если я стану лучшим препаратором Кьертании.

– Да, мама. Думаю, ты права. Прости. Давай я разделю рыбу? А ты сядь к очагу, отдохни.

Разумеется, та и не подумала отдохнуть – пока я занималась рыбой, мама толкла травы в ступке, месила и без того идеальное тесто, резала мёрзлый жир на куски, чтобы смазать противень, дробила жёлуди и то и дело проверяла противни, уже уехавшие в очаг.

Мы почти не разговаривали – но в такие моменты, когда рядом не было ни отца, ни сестёр, ни Седки, нам было хорошо друг с другом.

– Ну вот, крудли готовы. Я сейчас задвину их... Думаю, вкуснее никто не принесёт – они ведь по бабушкиному рецепту, верно?

– Верно. – Мама наконец распрямилась, охнула от резкой боли в спине. – Ты хорошая девочка, Иде. Спасибо тебе. Баня скоро будет готова. Иди, сестрёнки ждут тебя. Возьмёшь их с собой?

Я надеялась побыть в одиночестве хоть во время купания, но кивнула.

– Конечно, мама.

– Хорошая девочка, – повторила она и отвернулась к очагу. Я знала, что прямо сейчас мамин взгляд стекленеет от усталости, и больше всего на свете ей хочется остаться одной.

В нашу с сёстрами комнату вела маленькая тёмная дверь – меньше той, за которой была комната Седки. Прямо к стене нашей комнаты со двора лепился курятник, поэтому я привыкла засыпать под кудахтанье и хлопанье крыльев, в облаке запаха птичьего помёта и старого сена.

Сёстры ждали меня – с порога мне в колени ткнулся мягкий говорливый ком, и я присела на корточки, чтобы обнять их, вдохнуть их запах – запах молока и хлеба, трав и тепла – после холодных и солёных запахов разделки.

– Сорта!

– Ты принесла?

– Сорта! Посмотри!

– Я нарисовала орма, но Ласси сказала, что это не орм, а хрюшка.

– Хрюшка и есть, только с крыльями.

- А Ада стащила у мамы из шкафы старую шаль и испортила.
- Я не портила! Это будут платочки! Красивые!
- Такие платочки красивые только Вильниной хрюшке носить...
- Это не хрюшка! Это орм!
- А Иле...

Странно, но их ор, который наверняка с ума бы сводил кого-то другого, никогда меня не раздражал.

Все четверо, светловолосые, голубоглазые, с носами-кнопками и бровями, приподнятыми домиком в вечном изумлении, соседям и учителям, вообще взрослым, даже отцу – особенно отцу – казались почти одинаковыми. Но мне – никогда, даже когда они были совсем крохотными.

Я сунула руку в карман и достала кулёк из газеты. Печёные каштаны – далеко не самое изысканное лакомство, но девчушки пришли в восторг, как пришли бы в восторг, даже реши я попотчевать их дохлыми тараканами.

- Мне!
- И мне!
- А если я свои каштаны принесу, их на костре можно так же запечь?

Они вдруг осеклись, умолкли, и я почувствовала, что воздух за моей спиной изменился.

– Иде. – Отец смотрел на меня из коридора, покачиваясь. Кто-то, может, подумал бы, что он припадает на давно покалеченную ногу, но я точно знала: Матис успел выпить, и побольше Седки, который сейчас, должно быть, спал у себя в комнате.

- Некоторое время я ждала, но продолжения не последовало.
- Отец.

Он ещё немного покачался, и его глаза – когда-то ярко-синие, а теперь цвета линялой ткани, затуманились больше обычного. Он походил на кабана. Обрюзгшего, потрёпанного, но всё ещё опасного. От него мне хотелось отвести взгляд куда больше, чем от пульсирующих органов на разделочной площадке, но я знала: делать этого не следует.

- Что ещё за «Сорта»? Её зовут Иде, или вы что, не знаете этого?

Сёстры за моей спиной испуганно засопели. «Сорта» – прозвище, означающее «тёмный» в переводе со старого языка, давным-давно дал мне Гасси за чёрные глаза и волосы, необычные для кьертанки. Мне оно нравилось, и, возможно, именно поэтому отца – бесило.

– И чего вы здесь шумите? Я спрашиваю, шумите здесь чего? Вам заняться нечем? Ваш брат отдыхает.

Именно в тот день мне как никогда хотелось ответить ему иначе, но у меня за спиной были девочки, и поэтому я сказала только:

- Прости, отец. Я сейчас пойду купать их. Мама велела.

Слава Миру и Душе, он позволил нам протиснуться сквозь плотное спиртовое облако, окутывающее его, в коридор. Я знала, что, если обернусь, увижу, как он стоит, шатаясь, и мрачно глядит нам вслед, раздосадованный тем, что предстоящее Шествие не даёт ему сорвать злость так, как хочется.

* * *

В бане я тщательно выкупала каждую из сестёр поочередно, от младшей к старшей. Иле, самая тихая и пугливая, заплакала, когда мыло попало ей в глаз, но быстро успокоилась – её начала смешить бойкая и острая на язык Ада. Прирождённая актриса – сейчас она изображала школьного учителя, господина Древера, который учил когда-то и меня, да так похоже, что я тоже начала смеяться.

Ободрённая, Ада, самая старшая, а значит, последняя по очереди, продолжала развлекать нас, пока я мыла длинные и кудрявые волосы хихикающей Вильны и натирала мочалкой Ласси – как всегда, самую чумазую из всех, с разбитыми локтями и коленками.

– Ну, хватит. Иди сюда, Ада, твой черёд.

– Мне уже десять, – заявила она. – И я могу помыться сама!

– Ну вот. А я надеялась, что мы поможем друг другу. До спины-то как дотянуться? Это, знаешь ли, и взрослым не под силу.

Это сработало. Поломавшись ещё немного для виду, Ада подставила голову под нагретую воду, шурясь от удовольствия. Натирая её волосы мылом, я смотрела на сестрёнок так же, как до того – на маму. Словно впервые.

Из всех девочек Хальсон мне одной не повезло – волосами я пошла в далёкого прадеда по маме, а взгляд очень тёмных глаз казался тревожащим даже мне самой.

Все мои сёстры были красивы классической кьертанской красотой – золотые локоны, ярко-синие глаза – а, когда вырастут, станут ещё красивее.

Все четверо – худые, как птенцы, с торчащими косточками, острыми коленками. Бледные – почти такие же бледные, как я сама, с синяками под глазами, казавшимися огромными.

Но их щёки округлились бы, живи девочки в столице, порозовели бы, как будто в самый центр каждой из них поместили крохотный препарат.

Если бы я и в самом деле стала ястребом... Это наверняка открыло бы все дороги каждой из них.

Ада могла бы стать актрисой. Блистательной красавицей, покорившей высший свет. Вильна, возможно, художницей. Она всё время рисует – на снегу, на стенах нашей комнаты, на полях газет. Расписывала бы стены в храмах и во дворцах, рисовала бы портреты знатных господ. Чем занялись бы бойкая, неутомная Ласси и тихая, стеснительная Иле?

Всем, чем пожелали бы.

Сытая, безбедная жизнь в тепле, возможности, которые могла бы подарить им только жизнь в столице – вот о чём я мечтала для них.

Это всегда было главным – поэтому ни о чём другом мечтать совсем не хватало сил.

* * *

Я вошла в здание магистрата, когда большая часть речей уже отзвучала. По случаю праздника из главного зала убрали конторки и шкафы – теперь здесь стояли длинные столы со скамьями, на которых расселись горожане. Столы были уставлены домашней снедью. Даже самые бедные – вроде нас – внесли свою лепту. Пирожки с рыбой и луком, лепёшки с зеленью, чёрный хлеб с чесноком, куски домашнего сыра, плавающие в рассоле, картофель во всех видах – варёный, жареный кубиками, печёный в промасленной бумаге. Те, что побогаче, принесли рыбу – солёную и вяленую, и кур, фаршированных грибами и крупой, и пироги с олениной. На одном из столов я заметила даже целого поросёнка. За этот стол было уже не пробиться, и дело явно не в близости к сцене. За ним же, держась особняком, сидели прибывшие в город препараторы – я разглядела лохматую макушку Данта.

На небольшой сцене уже должны были побывать магистр Ильмора, руководитель тепличного цеха Ильссон, директор школы и лучший ученик года с заготовленной речью, которую репетировали под руководством учителя словесности весь год. Пару раз я оказывалась на волоске от того, чтобы заслужить эту честь, но подводило то домоводство, то поведение.

Пока я раздумывала, как поступить – примоститься с краю, где ещё остались места, или попробовать добраться до родителей с Седки и сёстрами, чьи макушки маячили ближе к сцене, туда поднялся новый выступающий.

Обычные препараты украшали свою одежду символами своего круга – простой путевой звездой для охотников, с оком в центре неё – для ястребов. Ладонь с оком – для кропарей, ладонь со звездой – для механикеров. Но на плаще у этого звезда с оком, знак ястреба, была заключена в серебристый круг.

Он был одним из Десяти.

Необыкновенное лицо – с тех пор я видела много самых разных, в том числе и более причудливых, но оно до сих пор кажется мне особенным. Наверное, из-за контраста между тем, каким красивым оно, очевидно, было – и тем, что случилось с ним впоследствии. С виду ему было около тридцати – но понять точнее было трудно.

Идеальные черты лица – прямой нос, ровно очерченные губы, высокий лоб, ровная светлая кожа. Судя по этой коже, когда-то у него были идеальные золотистые волосы и синие глаза кьертанца. С тех пор многое изменилось. Радужка правого глаза, как и у всех ястребов, была заменена на радужку орма. Как я узнала позднее, иногда под влиянием правого левый менял свой цвет на похожий, становился золотистым, как будто стремясь к гармонии. Здесь этого не произошло – но радужка левого потемнела, став неестественно чёрной. Что-то при взгляде на неё сразу говорило, что она не всегда была такой. Волосы потемнели тоже – очень густые, ещё чернее, чем у меня, они были подстрижены коротко и лежали в беспорядке. Я слышала, что в столице большинство носят волосы длинными. У висков несколько прядей серебрились инеем ранней седины.

От правого глаза в сторону лба расплзлось тёмное пятно. Некоторым препаратам везло больше – вживление могло пройти практически незаметно, другим – меньше. Даже пятно, как и почерневшие волосы и глаз, наверное, не слишком испортили бы это лицо, но были ещё и шрамы. Самый большой рассекал лоб и бровь над глазом орма, другие, помельче, испещрили левую щеку и подбородок. Верхней части левого уха не хватало.

Но он был высоким, стройным и крепким – и поднялся на трибуну легко, быстро и порывисто. Чем-то он и вправду напоминал большую хищную птицу, гордую и сильную.

Оказавшись на трибуне, он пару мгновений ощупывал набившихся в магистрат жителей Ильмора взглядом, и мне стало не по себе от того, что я единственная не сижу за одним из столов. Так я оказывалась прямо на траектории его взгляда – и он действительно задержался на мне. Я заставила себя подойти к ближайшему свободному месту на скамье не бегом и втиснуться на него по возможности изящно – впрочем, последнее вряд ли удалось.

Наконец он заговорил – негромко, и в зале сразу стало очень тихо. Смолкли перешёптывания, и никто больше не ёрзал на скамье и не одёргивал детей, норовивших начать есть раньше времени.

– Меня зовут Эрик Стром. Я приветствую жителей Ильмора, – сказал он. Его голос был бархатистым и вкрадчивым – должно быть, так говорил бы орм, владей он даром речи. – И поздравляю их с праздником Шествий – от лица владельца Химмельна и его семьи и от лица Десяти препаратов. Для меня большая часть встретить праздник в Ильморе...

Кто-то не удержался от тихого хмыканья, но тут же умолк.

– Сегодня мы празднуем, – он продолжал как ни в чём не бывало, – чтим память ушедших и приветствуем появившихся на свет. Мы благодарим силы, оберегающие Кьертанию и её людей из года в год. И мы благодарим вас – потому что только усилия каждого делают процветание возможным. Каждый одинаково важен для герцогства – препарат и фермер, дравтодобытчик и солдат, целитель и учитель. Ребёнок, который подрастает, чтобы служить Кьертании, – и старик, который заботится о ребёнке, пока его родители отдадут служению родине все силы.

Его голос не вязался с тем, как он говорил, – неожиданно искренне, будто слова шли от сердца. Эта речь контрастировала с той, что я слышала в прошлом году, – тогда приехавший из областного центра препарат зачитал приветствие по бумажке. Он явно был недоволен тем,

что его отправили в такое захолустье, а этот, хотя и не улыбался, выглядел так, словно совсем не был раздосадован тем, что встречает праздник Шествий здесь, а не в столице.

– Вы усердно трудились весь год и заслужили награду – отдых, тепло праздника и близких рядом.

Люди за столами негромко загудели, думая, что речь подошла к концу, но следующая реплика заставила их умолкнуть.

– Но есть тот, кто не отдыхает никогда, кто не знает праздников или перерывов. Это Стужа. – Голос Эрик Строма окреп, и бархатистые нотки из него ушли. – Она взяла в тиски наш континент. Окружает наши города. Охотится на них, как хищник – на жертву. Но хищник охотится, потому что голоден, для того, чтобы выжить... Стужа не такова. У неё нет разума. Она – царство вечного льда, в котором для людей нет ничего, кроме смерти. Поверьте мне, потому что я был там не раз – и на уровне Души, доступном ястребу, и в Мире, что доступен охотнику.

Теперь в зале стало совсем тихо – кто-то уронил на пол пуговицу, и звук вышел просто оглушительным. И вдруг раздался звонкий детский голосок – к счастью, не кого-то из моих, я бы, наверное, сгорела от стыда на месте.

– Какая она? Стужа?

Я была уверена, что ястреб и бровью не поведёт, как в прошлый раз, когда кто-то хмыкнул, но он повернулся туда, откуда зазвучал голос ребёнка.

– Нет места, где человек чувствовал бы большую неуместность, чем там. Это земля снитиров...

– И препараторов! – добавил ребёнок, осмелев, и, судя по звуку, получил хороший шлепок.

– И препараторов, – кивнул Эрик Стром, отворачиваясь от ребёнка и снова глядя на всех нас. – Я говорил, что каждый важен, и не лгал. Дерево не может выживать без листьев и ветвей, но без корней оно никогда не стало бы деревом. Препараторы – корни, на которых стоит Кьертания. Их служба безмерно опасна – и безмерно почётна. – Что-то такое промелькнуло в его лице на этих словах, но это случилось слишком быстро, чтобы разобрать, что именно. – Тепло в ваших домах. Целостность границ ваших городов. Добыча дравта. Движение поездов и парителей... Всё это было бы невозможно без них.

Его голос смягчился, как будто ястреб почувствовал, что достиг эффекта, которого хотел, прочитав это в десятках глаз, обращённых к нему с надеждой и ужасом.

– Я понимаю, что этого дня многие ждали с тревогой. – Мне показалось, что он скользнул взглядом по мне, но, подозреваю, в этот миг каждый, готовившийся пройти Шествие, почувствовал то же самое. Эрик Стром был хорошим оратором. – И я понимаю эту тревогу. Мы не выбираем, иметь ли способности к усвоению, или нет. Кто-то увидит в этом проклятие, а кто-то – благословение. Кто-то – возможность, а кто-то – тяжёлый груз. – Он помолчал несколько секунд, и я подумала: интересно, как когда-то воспринял это он сам. – Выбор за вами. Я только желаю каждому, кто пройдет Шествие, принять своё призвание с достоинством. Препараторы заботятся друг о друге. Вам помогут, обучат и будут поддерживать на протяжении всей вашей службы. Не тревожьтесь о будущем. Сейчас – время для пиршества в кругу друзей и семьи. Танцев, игр и благодарности. С теми из вас, кто пройдёт Шествие, мы ещё поговорим позже. До тех пор – не думайте ни о чём, кроме самого главного. Стужа здесь, но все мы живы! – он повысил голос, и люди за столами вторили ему – сначала робко, но потом всё более уверенно.

Он спустился со сцены и сел за стол, больше не глядя ни на кого, и сразу же принялся за еду.

В тот же миг под своды зала полетело звяканье сотен ложек и вилок. Еды хватит всем, но отдельная азартная радость праздника – быстрее всех ухватить лучший кусок.

В детстве мы с Ульмом и Гасси носились по всему залу, для скорости пролезая, когда надо, под столами, чтобы успеть и туда, где растаскивали ароматную свинину, и туда, где за минуты не оставалось ничего от огромной горы пирожков с олениной, испечённых на кухне магистра. В прошлом году, несмотря на смутную тревогу за Седки, я съела столько сладких блинчиков с начинкой из яблок и сыра, что еле встала из-за стола.

В этом мне кусок в горло не лез от волнения. Я механически наполнила тарелку пирожками с рыбой, сыром, сушёными яблоками; кто-то плюхнул в середину кусок куропатки, сочащийся розовым, но съела я всего ничего.

Странно: до речи Эрика Строма я чувствовала себя почти спокойной, готовой ко всему, но теперь всё внутри дрожало от страха и предвкушения. Я не знала, чего именно боюсь. Что тогда, много лет назад, случилась ошибка, и сейчас у меня не получится пройти Шествие? Что я пройду его недостаточно хорошо и не бывать мне ястребом? Что завтра я навсегда покину Ильмор? Ещё недавно мысли об этом вызывали у меня только мрачное торжество, но теперь, глядя на соседей по столу – я всех здесь знала – на аляповатую стенную роспись, восхищавшую меня в детстве, на сам город за высоким вымытым по случаю праздника окном, я вдруг почувствовала, что на глаза наворачиваются слёзы, и порадовалась тому, что моя семья сидит далеко.

Музыканты поднимались на сцену и настраивали инструменты. Следовало поторопиться с едой – вот-вот должны были начаться танцы, а тогда столы сдвинут к стенам, и есть станет не так удобно.

– Сорта! – Я обернулась и тут же отвела взгляд. Передо мной стояла мать Гасси. Худая, как ветка, с побелевшими волосами, – раньше они были цвета тёмного золота – в лучшем платье, тёмно-синем, с вышивкой, и распахнутой на груди лохматой шубе.

– Или лучше «Иде»? Прости, не знаю, как тебя сейчас лучше называть. – Она говорила, запинаясь на каждом слове, делая долгие паузы после каждого слова, как будто задумываясь: стоит ли продолжать?

– Лучше Сорта. Здравствуйте...

– Здравствуй, здравствуй. – Она по-птичьи покивала и рассеянно взяла с моей тарелки надкусанный пирожок.

– Я от этого уже откусила. Может быть, вы хотите лучше...

– Как я рада тебя видеть. – Она быстро моргала – Гасси делал точно так же – и явно совершенно меня не слушала. Пирожок она есть не стала и так и держала в руках, как будто позабыв о нём. – Как ты выросла. Совсем взрослая девушка. Удивительно, удивительно. Я тебя совсем не вижу в последнее время. Как нарочно, забавно, да?

– Да, очень забавно. – Я отчаянно озиралась по сторонам, стараясь, чтобы она не заметила, и надеясь увидеть кого-то, кто пришёл бы мне на помощь.

– Раньше ты всё время ходила в школу мимо нашего дома. А теперь совсем перестала.

– В этом году я уже не ходила в школу.

Она на миг замерла, и её глаза помутнели.

– Да, – особенно медленно пробормотала она, глядя в одну точку. – Как быстро время летит, правда?..

– Мария! Вот ты где. – К столу деловито приближалась моя спасительница, бабушка Гасси. Несмотря на слепоту, она двигалась быстро и уверенно, и деревянную трость с набалдашником в виде оскалившейся ревки держала подмышкой, явно отлично обходясь без неё. Драгоценная трость – я помнила историю о ней, полученной госпожой Торре в дар от покровителя давным-давно, в Химмельборге – когда она ещё не была ссыльной учёной в захолустье, забытом Миром и Душой.

Они с дочерью были похожи – обе худые и высокие. Но если белые волосы дочери были неряшливо рассыпаны по плечам, высокая причёска матери лежала волосок к волоску. Подойдя ближе, она протянула руку и коснулась моего лица.

– А! Сорга Хальсон.

– Здравствуйте, госпожа Торре.

– Здравствуй, здравствуй. – Она мягко, но твёрдо ухватила маму Гасси за локоть. – Я же велела Нэду присматривать за тобой. Что за безмозглый мальчишка.

Нэд – старший брат Гасси, и мальчишкой мог считаться разве что с очень большой натяжкой. С другой стороны, по сравнению с госпожой Торре любой казался желторотым юнцом.

– Извини нас, Сорга. Наслаждайся праздником. – Она вдруг наклонилась ближе ко мне, улыбнулась заговорщически. От неё пахло старостью, но я заставила себя сидеть неподвижно. – Зайди ко мне завтра утром, ладно? У меня для тебя кое-что есть, а тебя нынче так трудно встретить. Молодые все очень занятые.

– Да, госпожа Торре. Конечно. Я непременно зайду.

– Вот и славно. – Она вытащила пирожок из ослабевших пальцев дочери и положила ко мне на тарелку, а потом властно кивнула ей. – Идём.

Со спины они были похожи, как сёстры. Прямые, белоголовые.

– Вот ты где! – Я не успела подумать о том, зачем могла понадобиться бабушке Гасси, потому что Седки наконец настиг меня – взлохматил мне тщательно уложенные косы и потянул за собой. – Давай, доедай живее, раз-раз! Скоро начнутся танцы.

– Тебе не с кем потанцевать? Никогда не поверю.

Он вдруг смутился, отвёл глаза – таким я никогда его не видела.

– Сегодня твоё Шествие. Я хочу поплясать с сестрой – что в этом такого? Но если ты не хочешь...

На сердце стало тепло, и на миг я забыла и о своих тревогах, и о зловещей улыбке госпожи Торре, и об Ульме и страхе в его глазах.

– Конечно, хочу, Седки.

Музыканты закончили настройку, и столы начали двигать к стенам, расчищая место для танцев. Мы с Седки положили шубы на скамьи – кожу тут же стянуло мурашками, несмотря на препарат под потолком – и он предложил мне руку.

Совет Десяти

Седьмой месяц 723 г. от начала Стужи

Валовый жир в лампах горел ровным зелёным светом. Ламп было с десятков, не меньше, и всё равно комната плавала в густом полумраке.

К низким каменным сводам тут и там лепились лохматые лепестки мха и мерцающие грибы – влажность была запредельная, и, сколько их ни счищали, вскоре они появлялись опять. Но было тепло – печень крупного вурра, заключённая в тёмный футляр под потолком, прогрела всю комнату – и прогрела бы в два раза большую, будь это необходимо.

Но этой комнаты для ежемесячных собраний вполне хватало – кроме Десяти на ней всё равно разрешалось присутствовать только ученикам – в редчайших случаях – и проверенным слугам.

Сюда не было ходу даже владельцу – теоретически.

За круглым столом из чёрного дерева стояли десять одинаковых стульев с высокими спинками и когтистыми чешуйчатыми лапами ножек. К графину вина и чашам на столе никто пока не притрагивался.

– Какая организованность. – Говорил Орт, старший препаратор, глава Десяти. Массивный, коренастый, лохматый, с чёрной повязкой на правом глазу, он походил на пирата. Одет он был в белое, чёрное и красное – цвета охотников и ястребов, и модный камзол и брюки сидели на нём, как на диком медведе. – Четверо из Десяти собрались сегодня на собрание. Кажется, это абсолютный четвертной рекорд. – Он говорил хрипло, с явным отвращением выплёвывая одно слово за другим.

– Многие уже отбыли на Шествия, – отозвался Барт, седобородый, но с молодыми, быстрыми, смеющимися глазами, похожими на крупные виноградины. – А Ивгрид в городе, но не может прийти. Ей нужно быть рядом со своим охотником.

– Да-да, само собой. – Орт заговорил спокойнее, хотя, судя по блеску глаза, был недоволен. – Тот её новый парень. Но он выкарабкается.

– Сомневаюсь. – Голос человека в чёрном, сидевшего поодаль, звучал тише прочих, и в комнате как будто стало холоднее. – У него разорвана селезёнка. Раздроблены кости правой руки. Сломаны обе ноги. Даже если он и... Выкарабкается, Ивгрид скоро потребует новый охотник.

– Руку можно и заменить, – буркнул Орт и с шумом подвинул к себе графин. – Молодые нынче пошли слабые... Выходят из игры после первой же серьёзной заварухи.

– Ну, полно, Орт, – примирительно сказал Барт, качая головой. – Таковую стычку даже ты в свои лучшие годы не назвал бы «заварухой». Если бы Ивгрид знала, что, кроме двух ревок, там будет поджидать...

– Если бы её охотник хорошо делал свою работу, Ивгрид бы знала, а он сам был бы сейчас жив и здоров. – Орт стукнул кулаком по столу, и чаши жалобно звякнули. – Он прощёлкал, мать его, огромного бьерана! А теперь стонет, как младенец без материнской титьки.

– Парню и двадцати не было, – женщина лет сорока пяти с двумя светлыми косами с руку толщиной, в белом камзоле с алым шитьём и красной бархатной юбке, подвинула к Орту свою чашу.

– Сейчас их, не выучив, бросают в бой, – заметил человек в чёрном, – а потом удивляются тому, что...

– Кьертания нуждается в каждом препараторе, – Орт наполнил свою чашу и оттолкнул графин. – Времена сейчас тяжёлые, но это должно быть поводом для каждого из нас отдавать всё, что можно! И молодость здесь не может быть оправданием. Они препараторы. Препараторы! Никто из нас не выбирал это, но в наших силах выполнять свой долг с честью. Кто-то хочет с этим поспорить? Здесь и сейчас? Ты? Анна?

– Успокойся, Орт. – Анна залпом осушила кубок и облизала губы – лицо её, испещрённое шрамами, жутковато искривилось, хотя в неподвижности оставалось красивым. – Я только говорю, что парень был очень молод, а молодость – время ошибок. Вот и всё.

Человек в чёрном молчал, хотя Орт буравил его взглядом.

– Хорошо. Тогда давайте закончим, наконец, с делами. Я буду рад поспать – хоть раз на этой неделе. Барт. Мне нужны четвертные отчёты по кропарям и механикерам. Раз уж от механикеров из Десяти сейчас в столице никого нет, тебе придётся взять на себя контроль над Советом при Десяти.

Седобородый кивнул.

– Теперь ты. Горячий защитник молодых охотников.

Человек в чёрном дрогнул, но ничего не сказал.

– Если ты думаешь, что лучший способ защитить охотника – не иметь его, у меня для тебя плохие новости, сынок. Разберись со своей проблемой. Ты хорош, как всегда, но твои показатели падают. Это удар по твоей репутации – а значит, по репутации Десяти.

Не дождавшись ответа, Орт продолжил:

– Дальше. Вы все, вероятно, слышали о недавнем выступлении Ассели на собрании.

Человек в чёрном вздохнул.

– Как славно, что ты отстоял нашу честь и не позволил кому-то хоть на миг усомниться в нашей несгибаемости.

Орт отпил глоток вина. Он предпочёл не заметить – или действительно не заметил иронии в словах, которые заставили напрячься двух других за столом.

– Именно это я и сделал. И сделаю столько раз, сколько понадобится. Но я должен быть уверен в том, что и остальные не подведут. Донесите до своих – в том числе до новых рекрутов – никаких контактов с корреспондентами без нашего ведома. Никаких! Если у владельца появится повод думать, что мы не контролируем препараторов, наш контроль и в самом деле окажется под вопросом.

– И тогда мы не сможем защищать их, – сказала Анна, и непонятно было, говорит она это им или самой себе. В зелёном свете ламп её глаза золотились, как у кошки в темноте.

– Именно. – Орт снова наполнил её чашу. – Ведь это и есть наша главная задача, так? Отстаивать интересы препараторов. Эта дрянь Ассели... Кто за ней стоит, хотел бы я знать.

– Ассели не знает, о чём говорит, но она добрая женщина, – мягко сказал Барт. – И искренняя. Она давно пытается заниматься проблемой препараторов. Я не думаю, что она пляшет под чужую музыку.

– Добрые и искренние всегда становятся инструментами в чужих руках, – отрезал Орт, свирепо сжимая чашу. – И что ты имеешь в виду под «проблемой препараторов»?

Барт закатил глаза:

– Тебе и вправду стоит поспать, Орт. Ты что же, собираешься пободаться и со мной?

– Я собираюсь попрощаться с тобой – и со всеми вами до окончания Шествий. Давайте свою работу... И запомните то, что я сказал. Молодые рекруты – новая сила... И новая уязвимость. Действуйте с умом. Речь не только о репутации и выпадках Ассели... Наши показатели серьёзно упали за последние два года. В этом году лето пришлось сократить почти на две недели. Химмельны недовольны. Очень недовольны. Этот проклятый Магнус, будь он неладен, стоит за плечом у владельницы и подливает масло в огонь... Вам не нравится, что молодым дают слишком мало времени на обучение? Тогда учите их лучше.

Орт и Анна вышли первыми – зелёное пламя ламп качнулось им вслед, как будто пытаюсь удержать. Барт и человек в чёрном сидели молча, слушая, как в коридоре затихают шаги.

– Тебе нужно вести себя осторожнее, Эрик, – наконец сказал седобородый. – Ты привлекаешь слишком много внимания. Глупая ошибка.

Человек, сидевший напротив, усмехнулся.

– Мы все привлекаем внимание, разве нет? И, как верно сказал Орт, мы это не выбирали.

– Ты понимаешь, о чём я. Не зли его. Он не так прост, как тебе кажется. Ты думаешь, он всё ещё не задумался о том, что случилось с Рагной?

Эрик Стром отвёл взгляд.

– Служение охотника опасно.

– Как и любого из нас. Но прежде ты не допускал ошибок – иначе, и ты сам это прекрасно знаешь, ты не был бы одним из Десяти. Я помог тебе тогда и помогу снова, но если ты продолжишь с Ортом в том же духе, всё станет сложнее. И в одном он прав. Тебе нужен новый охотник. И чем быстрее, тем лучше.

– Я и сам знаю. – Эрик потёр лоб, рассеянно поболтал вином в чаше. – У меня есть пара вариантов. Но я хочу подождать. Может...

– Ты уже не ребёнок. И не просил о совете.

– Верно. Не просил.

– И всё-таки позволь мне дать тебе его, раз уж твоих родителей нет рядом. Сделай паузу, Эрик. Не пытайся ещё раз. Всё это и для тебя не проходит бесследно.

Лицо Эрика вдруг исказилось, как будто от боли.

– Ты знаешь, я не хотел, чтобы для неё это так кончилось. Я...

– Я знаю. И я знаю, что ещё одна неудача будет слишком тяжёлым испытанием. Остановись... Я вижу, что тебе тяжело. Ты снова видел ту чёрную ревку в Стуже?

– Как ты узнал?

– Мог бы перестать удивляться.

– И в самом деле, – Эрик Стром невесело усмехнулся. – Да, я снова видел её. Когда подлетел ближе... Она просто исчезла.

– Со мной тоже бывало нечто в этом роде.

– Правда? Ты не говорил. И что это значило?

– Что мне давно пора было хорошенько выспаться. Подумай. Разве у тебя мало того, что нужно сделать? Я слышал, что Омилия с братом планируют уехать в летний дворец на несколько недель.

– Я разберусь с этим.

– Разберись. Наши друзья начинают беспокоиться. Влияние Магнуса при дворе растёт. Владетельница от него в восторге.

– Я же сказал: разберусь.

– Не сомневаюсь. – Барт наклонился над столом так, что их лица сблизились. – И очень на это надеюсь. Ты так много взял на себя. Столь сложной конструкции тяжело быть по-настоящему прочной. Знаешь, я всегда любил тебя, как сына. И, как отец, буду на твоей стороне. И как один из Десяти тоже. Но...

– Я тебя понял. – Голос Эрика был бесстрастен, и пламя ламп не дрогнуло, когда он пружинисто поднялся из кресла. – Ты и вправду многое сделал для меня, Барт. Мои родители были бы тебе благодарны, а я сам перед тобой – в неоплатном долгу. Ты знаешь меня, как никто другой, не так ли?

Седобородый молчал.

– Ты знаешь, что для меня – Кьертания. Ради неё я сделаю всё, что потребуется. И ради неё пожертвую всем – и всеми – кем потребуется. Не сомневайся во мне. – Голос Эрика потеплел. – Твоя поддержка будет нужна мне, как никогда прежде... Старый друг.

Барт медленно кивнул:

– Конечно. Всегда, мальчик мой.

Прощаясь, они улыбнулись друг другу, но, оставшись в комнате один, Эрик ещё долго сидел неподвижно, глядя в темноту, и зелёное пламя тускнеющих ламп плясало в его зрачках.

Унельм. Шествие

Восьмой месяц 723 г. от начала Стужи

Шествие должно было пройти на площади перед магистратом так же, как это происходило из года в год.

Препараторы, прибывшие в Ильмор, подготовили площадку с помощью нескольких мужчин. Главный, ястреб, стоял чуть поодаль и наблюдал за тем, как одна за другой воздвигаются Арки, с отстранённым видом. Слишком большая шишка, чтобы работать. Когда они с Хельной встали в очередь семнадцатилетних, которые должны были пройти через Арки, Унельм пристальнее взгляделся в лицо Эрика Строма, и его передёрнуло: этот человек, возможно, некогда красивый, теперь походил на монстра.

Унельм завидел тёмную макушку Сорты вдалеке – несмотря на холод, она сняла капюшон и шапку. Если она нервничала хотя бы в половину от того, что чувствовал он сам, скоро Хальсон станет ещё жарче.

– Куда смотришь? – Хельна, его подруга, ёрзала у бока, становилась на цыпочки. – Кто там?

Он едва удержался от того, чтобы закатить глаза. Даже сейчас ревновать – это было очень в её духе, но за такие ноги, как у неё, многое можно было простить.

Арок было четыре штуки – по числу кругов препараторов.

Сделаны из чудовищных рёбер вала – самого крупного из живущих в Стуже снитиров. В детстве Унельм был уверен, что вал – гигантская рыба вроде той из сказки, проглотившей целый город со всеми жителями. Но потом Гасси вычитал где-то и рассказал им с Сортой, что вал – огромное животное, питающееся существами слишком крохотными, чтобы иметь душу, но живущими во льдах.

Рёбра были перевиты кожаными лентами – должно быть, из ревок или хааров, разукрашенными колокольчиками из чёрного стекла. Унельм впервые стоял так близко к Аркам. Он и раньше замечал, что каждая изрезана мелкими узорами. Но только теперь различил, что именно они изображают.

Сцены охоты.

Под самой верхней точкой изгиба каждой из Арок был подвешен препарат – что-то маленькое и тёмное в крохотной костяной клетке. Унельм не знал наверняка, что именно, – такие препараты определённно не завозились в Ильмор. Кто-то крохотный и сушёный – он надеялся разглядеть подробнее, когда станет подходить к первой Арке – потом он вряд ли вообще вспомнит об этом.

– Вы все знаете, как именно всё произойдёт, – голос ястреба доносился до него будто издалека. – Вам нужно только пройти через Арки. По одному. Ждите команды, прежде чем идти за тем, кто впереди вас. Сбоку от Арок стоят препараторы – они помогут вам, если что-то пойдёт не так и вы не сможете выйти самостоятельно. Задача очень проста. Идите, пока можете идти. Когда почувствуете, что больше не можете – выходите. Всех осмотрит наш кропаль, так что схитрить не получится... На случай, если у кого-то вдруг возникла такая идея. – Голос его звучал почти сочувственно. – Впрочем – это вам тоже известно – эффект Арок будет заметен и невооружённым взглядом. Не волнуйтесь. Шествие не причинит вам никакого вреда... Воздействие на здоровье будет щадящим и кратковременным.

Унельм услышал, как Хельна тихо выдыхает сквозь плотно сжатые зубы. Теперь они выстроились в колонну, и она оказалась у него за спиной.

– Хочешь пойти вперёд? – прошептал он ей. – Чтобы всё закончилось быстрее.

Он не видел её, но по вздоху облегчения понял, что угадал.

– Да, давай.

Она проскользнула рядом, встала перед ним, и он уткнулся носом ей в душистую макушку. Должно быть, в столице девушки пахнут по-другому. Розами и ароматным мылом? Унельм никогда не видел роз, не чувствовал их запаха, но в книгах ими пахло богатство и благополучие.

– Унельм... Мне страшно.

Она не притворялась, и ему стало стыдно. Ульм выдохнул ей в волосы, положил руку на плечо.

– Всё будет хорошо.

А потом Шествие началось – как и в прошлом году, просто и буднично, не под стать громкому названию.

Молодые люди Ильмора шли слишком торопливо или слишком медленно, натыкались друг на друга и наступали друг другу на пятки. Стоявшему у входа в первую Арку Данту приходилось придерживать тех, кто слишком торопился пройти, и подталкивать медливших у входа.

Первым под Арку ступил Фельм – выше Унельма на целую голову, широкий в плечах, крепкий, как старое дерево. Не больно-то это ему помогло. Тёмный препарат в клетке дёрнулся, завибрировал, раздался очень тихий звон, такой, будто кто-то проводил мокрым пальцем по стеклу. Встав на цыпочки, Унельм увидел, как Фельм рухнул, точно подкошенный, сделав всего один неуверенный шаг вперёд. Дант и ещё один препарат тут же оттащили его в сторону, где кропаль в сером камзоле, пощупав пульс, сунул ему под нос тряпицу, вымоченную в чём-то пахучем. Даже издалека было видно, что рот и подбородок Фельм залило кровью из носа, а лицо побелело, как снег.

– Следующий!

Следующей была сестра-двойняшка Фельма, такая же высокая и плечистая. В отличие от брата, она ступила под Арку уверенно, как на прогулке, и даже успела сделать второй шаг... Прежде, чем кровь брызнула у неё из носа тёмным фонтаном и залила светлый воротник шубы.

Мать двойняшек, стоявшая в толпе у магистрата, вскрикнула, и ястреб громко произнес:

– Спокойно. Ничего страшного не произойдёт. Арки полностью безопасны.

Как бы не так – на своём веку Унельм успел послушаться баек о том, как крепкие и здоровые люди погибали, ступив под Арки, в невыносимых муках, и даже кропаль ничем не мог помочь несчастным. В таких историях всегда фигурировали друзья сестёр соседок двоюродных братьев откуда-то из-под Тюра. Не самый надёжный источник, но спокойнее слушателям от этого не становилось.

– Следующий!

Сыны и дочери Ильмора заходили под Арки один за другим. Спустя мгновение после очередного «следующий» раздавался глухой звук тела, падающего на расчищенную от снега землю, – а затем вздох или вскрик со стороны толпы людей у магистрата. Там стояли родители, братья, сёстры, возлюбленные, женихи и невесты. Они с замиранием сердца ждали вердикта, на который никто, кроме равнодушных костяных дуг, повлиять не мог.

Большая часть колонны уже прошла через Арки и была приведена в чувство. Родители и друзья вытирали кровь с лиц непрошедших, гладили их по волосам, крепко обнимали. Ястреб бесстрастно наблюдал за ними. Возможно, он был разочарован таким отсутствием патриотизма. Никто в толпе не выглядел опечаленным тем, что его ребёнок, брат или друг не поедет в столицу отдавать долг Кьертании.

Становилось холоднее, снова пошёл снег. Ульм подставил ему разгорячённое лицо, как ласковым ладоням друга. Будет ли снег столицы напоминать ему о доме? Некоторые считали, что в Химмельборге вообще никогда не бывает снега, но поверить в такие байки он не мог.

– Следующий!

Неудивительно, что до сих пор ни один не сумел завершить – или хотя бы толком начать – своё Шествие. От родителей Унелъм знал, что в Ильморе случались годы, когда препараты уезжали в столицу без новых рекрутов. Способности препаратов редки – будь оно иначе, кто знает, как выглядела бы жизнь в Кьертании.

– Следующий!

Хельна в панике обернулась через плечо.

– Улли!

Он кивнул ей, улыбнулся, как мог, ласково.

– Иди. Всё будет хорошо!

Она послушно пошла вперёд на подгибающихся ногах. А у самой Арки Данту пришлось поддержать её под локоть – он даже шепнул ей что-то успокаивающее. Самодовольный дурак. Всё это время он делал вид, что знать не знает никого в Ильморе, даже рядом с родительским домом его ни разу не видели. Но для Хельны решил сделать исключение – красивое личико и длинные ноги творят чудеса даже с ослами – и препаратами.

Она сделала шаг под Арку, и препарат над её золотистой головкой запел – Ульму показалось, что как-то иначе, чем над другими, и на долгое мгновение он поверил, что Хельна сделает следующий шаг – а потом она громко взвизгнула и упала вбок, на руки подоспевшему Данту. Под носом у неё алело.

Чуда не произошло. Хельна в Химмельборг не поедет – и всё произошло слишком быстро, чтобы сразу понять, печалит это его или, напротив, радует.

Препарат успокоился, и клетка снова пришла в неподвижность.

Ульм был следующим. Он увидел отца и мать в толпе. Мать смотрела на него, побледнев, напряжённо переплетя пальцы под подбородком, и Ульм почувствовал горький ком в горле. Даже ради матери он не раскрыл свою тайну – а быть может, ей легче было бы перенести то, что вот-вот случится, знай она всё наверняка. Он заставил себя улыбнуться ей и помахать отцу. Отец улыбался широко и неестественно, и щёки его покраснелись, как перья леснянки.

– Следующий!

Унелъм сделал шаг вперёд. Наверное, следовало бы ощущать это, как торжественный момент, переломный в его судьбе, думать о чём-то великом, но вместо этого он думал о белой Хельниной груди и том, что теперь имеет все шансы никогда не увидеть так близко что-то настолько же прекрасное.

Он миновал Данта, ястреба, подошедшего ближе, и быстро обернулся, надеясь поймать взгляд Сорты. Но её не было видно за золотыми макушками, лохматыми шапками, капюшонами.

– Следующий, – повторил Дант, поторапливая, и Ульм пошёл вперёд.

Первая Арка оказалась у него над головой, и он поднял взгляд. Тёмный препарат качнулся – вперёд, назад – и запел, тонко, неожиданно благозвучно, почти нежно – гораздо красивее, чем казалось снаружи. Теперь Унелъм увидел, что в костяной клетке сидит крохотная чёрная птица, высушенная, покачивающаяся на скрюченных лапах. Её широко распахнутые глаза сверкнули, когда он сделал ещё шаг, клюв приоткрылся.

Ещё шаг.

В голове загудело, как в печке, уши вдруг сильно сдавило, как однажды в детстве, когда во время зимней рыбалки Ульм провалился под лёд. Тогда рука отца поймала его за волосы, и боль отрезвляла его, не давала отключиться, звала наверх...

Кто-то сбоку крикнул, кажется, громко, но Ульм едва слышал – звон Арок становился всё громче, заполнял его целиком, подчинял, звал.

Ещё один шаг – стало больно глазам, и он испугался, что под давлением они лопнут, как ягоды. С трудом он повернул голову и увидел, что Эрик Стром подался вперёд, настороженный, как охотничий пёс в стойке.

Ещё один шаг. Звон Арки превратился в неразборчивое гудение, будто кто-то запел себе под нос, а потом Унельму послышался плеск воды, шум леса, тихий разговор рек подо льдом, и отдалённое ворчание большого зверя.

Унельм сделал ещё один шаг. Он пытался понять, сколько уже прошёл, но не мог. В глазах побелело, и он больше не видел ни людей за пределами Арок, ни земли под ногами. Единственным, что было зримым в этой белизне, оставалась скрюченная в клетке мёртвая птица, распахивающая клюв всё шире и шире, как будто желая поглотить его целиком.

«Вот тебе твоя судьба, нетерпеливый мальчик», – прошептала она, и Ульм понял, что теряет рассудок, потому что никогда ни живой снитир, ни тем более мёртвый препарат не мог бы заговорить с человеком.

Всего на мгновение всё поплыло перед глазами, и он увидел смутные образы – вроде бы, крылья, незнакомое девичье лицо... Унельм сделал ещё шаг, чтобы разглядеть его, и упал – вниз, вниз, в разверзшуюся вдруг под ногами пропасть, расколовшую мёрзлую землю. Там, внизу, было темно, и далеко в глубине ревели пламя, и его ждал кто-то огромный, живой, алчущий...

Он пришёл в себя от резкого, отвратительного запаха – как будто вынырнул из ледяной воды.

– Как ты? – прямо над ним склонился Эрик Стром, и Ульм дёрнулся, не сразу поняв, кто перед ним. Глаза – золотистый и чёрный – моргнули.

– Спокойно. Показатели?

Он не сразу понял, что теперь говорят не с ним, а с кропарём, убравшим наконец едко пахнущую дрянь от его лица.

– Он в порядке. Слабое усвоение... Но он в порядке. Я вколол ему немного успокоительного и пеллиума. Через несколько минут придёт в норму.

– Что с ним? Пропустите нас! – Это был голос отца, и Унельм повернул голову ему навстречу и сбил на землю.

– Осторожнее. – Ястреб что-то ещё говорил его родителям, но Ульм не слышал. Он смотрел на белый резной изгиб перед глазами и медленно осознавал, что не дошёл до второй Арки несколько шагов.

Ему казалось, что Шествие длится бесконечно, но за всё это время он преодолел всего несколько шагов.

Отец и мать помогли ему отойти, повели было в сторону магистрата, но Ульм помотал головой: ему хотелось увидеть, чем закончится Шествие. Хельны нигде не было видно, а он ожидал, что она сразу подойдёт к нему. Родители помогли ему сесть на принесённую кем-то лавку, кропарь маячил неподалёку и терпеливо отвечал на вопросы матери. Чтобы не смотреть ни на неё, ни на отца, Унельм упёрся взглядом в Арку – туда, где уже звучало новое «следующий».

– Унельм... У... Сын.

Он упрямо продолжал смотреть на Арки – так, что глаза заслезились – и только крепко, вслепую сжал сухую, дрожащую руку отца изо всех сил.

Ещё трое ступили под Арки только для того, чтобы тут же грузно упасть на землю или руки препараторов – кому как повезло. Следующей была Сорга.

Даже отсюда Ульм видел, как дико сверкают её чёрные глаза, как раздуваются тонкие ноздри. Она сняла шапку и сунула в карман, словно перед тем, как войти в святилище Мира и Души. Её косы растрепались, и одна из алых лент развязалась и лежала, свернувшись, на тёмном лохматом воротнике – как змея во мхе.

– Следующий! – сказал Дант, и она пошла вперёд.

На мгновение Унельм представил, что что-то пойдёт не так – она побледнеет, её губы заалеют от крови, всё окажется ошибкой...

Сорта ступила под Арку, помедлила у начала Шествие, как будто прислушивалась к своим ощущениям. Тёмная птица в клетке над её головой качнулась, изогнулась дугой.

Она пошла вперёд, и Унельм услышал, как за его спиной громко и безнадежно заревел ребёнок – кто-то из многочисленных Сортиных сестёр.

Ульм знал, что в эти мгновения она слышит то же, что ещё недавно слышал он, ощущает то же самое... Или нет? Возможно, каждый чувствует путь под Арками по-своему?

Сорта сделала ещё шаг вперёд, и её руки, словно вздёргнутые за невидимые верёвки, взметнулись вверх, прижались к ушам. Лицо исказилось гримасой боли, губы задрожали.

Значит, прямо сейчас её уши сдавливала та же невидимая сила, чьё действие он успел ощутить на себе.

Сорта шла вперёд – она прошла под вторую Арку.

Вторая птица в костяной клетке дёрнулась и издала отвратительный, пронзительный клёкот широко распахнутым мёртвым клювом.

Ястреб, снова вернувшийся к Аркам, кивнул кропарю.

– Живей. Помоги ей.

Сорта качнулась, и кропарь, двигавшийся с неожиданным для полного человека проворством, протянул руки, чтобы поймать её, когда она начнёт падать. Но Сорта выпрямилась. Её плечи дрожали, будто сверху на них рухнула целая глыба льда. Глаза закатились так, что стали видны сплошные белки – она словно грезила наяву.

– Вытащить её? – кропарь обернулся. Его круглое лицо выглядело взбудораженным, щёки пошли нежно-розовыми пятнами.

Эрик Стром покачал головой. Если при взгляде на Шествие Ульма он выглядел заинтересованным, теперь его разноцветные глаза горели неприличной жадностью.

– Пусть идёт.

Словно откликнувшись на его голос, Сорта сделала ещё шаг вперёд. Её голова запрокинулась, и тонкая струйка крови побежала из левой ноздри.

Птица над ней сходила с ума от возбуждения, вертась в своей костяной тюрьме, жужжа, как детский волчок.

Сорта прошла под третью Арку, и следующая птица над её головой скрипуче запела, забила сушеными крыльями.

– Третья Арка, – сказал Эрик Стром, удовлетворённо улыбаясь, от чего его испещрённое шрамами лицо жутковато исказилось. – Хенс, если сочтёшь нужным, – вытаскивай её. Но...

Сорта сделала ещё один шаг в сторону четвёртой Арки, и кровь брызнула у неё из носа фонтаном.

Теперь все её сёстры ревели в унисон, и, с трудом обернувшись, Ульм увидел, как, красный от злости и стыда, Матис шикает на них, дёргая по одной за капюшоны, а стоявшая рядом мать Хальсон смотрит прямо перед собой, очень бледная, и что-то безмолвно шепчет. Молитву Душе, Снежной деве или кому-то из её слуг? Унельм не помнил, кому из них должны возносить свои мольбы матери.

Сорта вскрикнула и упала на колени, а потом – на четвереньки. Снег под её лицом окрасился кровью.

– Вытаскивай её! – резко крикнул Эрик Стром кропарю. – Дьяволы... Сейчас!

Кропарь и подбежавший к нему Дант подхватили СОРТУ под руки, торопясь как можно скорее покинуть Арки, – вероятно, пребывание между третьей и четвёртой и для них было ощутимо.

– Дайте ей воздуха. – Кропаль расстегнул воротник Хальсон, бережно стёр кровь с её губ и подбородка. Кто-то из препараторов подложил ей под голову свою сумку. Они суетились вокруг неё, позабыв о десятке растерянно топчущихся у Арки юных ильморцев – судя по дрожащим губам Миссе Луми, которая должна была идти следом за Сортой, она всерьёз рассматривала возможность сбежать под шумок.

Эрик Стром стоял в паре шагов от общей суеты – ястреб, высматривающий добычу, пока другие делают за него грязную работу. Почему-то Ульм ощутил острый укол неприязни. Уж не завидовал ли он Сорте? Для этого не было никаких оснований. Скорее уж ей стоило бы ему позавидовать – будь она в сознании.

– Где её родители? – Эрик Стром кивнул Матису, подошедшему к толпящимся препараторам. Вид у старшего Хальсона был, как будто он хлебнул прокисшего молока. Раздосадованный – но не испуганный. Отец Унельма потерял сегодня сына, а отец Сорты – работницу.

– С вашей дочерью всё будет хорошо. Сейчас мой человек... – Эрик Стром вдруг осёкся, перевел взгляд на Данта. – Почему мы остановились?

– Извините. – Ульм мысленно возблагодарил Мир за то, что увидел, как кто-то сбивает с Данта спесь.

Он невольно перевёл взгляд на Арки. Было бы статистически невероятно, если кто-то из оставшихся кандидатов в рекруты оказался бы восприимчив к препаратам. Ульм знал, что прошли годы с тех пор, как Ильмор подарил столице двоих рекрутов за один год. Они с Хальсон повторили этот рекорд. Но вероятность того, что в этом году он окажется побит, была ничтожной.

И тем более невероятным было, что Миссе Луми, ступившая под Арки, дрожа, как новорождённый крольчонок в снегу, горько плача, быстро и легко прошла все четыре Арки одну за другой.

Сорта. Прощание

Восьмой месяц 723 г. от начала Стужи.

Странно было вернуться домой, зная, что эта ночь под родной крышей – последняя.

Если однажды мне суждено вернуться сюда, как Данту, в составе группы препараторов, и тогда я ни за что не останусь ночевать здесь – никогда.

Девочки плакали навзрыд – тряслись золотистые кудряшки, наливались влагой пуговки синих глаз, краснели носы и щёки. Я обнимала их, целовала, утешала и не могла утешить. Ни обещания чудесных подарков и писем из Химмельборга, ни уверения в том, что сама я просто счастлива туда поехать, не помогали. Мне хотелось пообещать им, что уже скоро они смогут приехать ко мне – но я сдержалась. Ещё одно правило, которое я решила всегда держать при себе: не стоит обещать того, в чём сам не уверен.

Мама не произносила ни слова – только металась по дому подстреленной птицей, то суетливо вытирая остатки муки с кухонного стола, то подкидывая дров в очаг. Её взгляд перебегал от меня к отцу, длинные нервные пальцы сплетались и расплетались, дрожали, тряслись. Я видела, что ей очень хочется подойти ко мне, обнять – но она боится отца.

Между тем на выражение его лица смотреть было невероятно приятно. Его аж перекосило от злости, и покраснел он так, что, казалось, голова вот-вот лопнет, как перезревший томат. Его нос слегка подёргивался, а глаза поблёскивали, как у крысы, ищущей, чем поживиться.

Я хорошо понимала: ему страшно хочется сорвать злость на мне, но он больше не смеет.

После того, как Шествие закончилось, ястреб Стром поговорил с родителями всех троих прошедших – моими, Ульма и Миссе.

Выглядел он совершенно спокойным, как будто то, что в этом году крошечный Ильмор подарил ему троих рекрутов, оставило его равнодушным. Но я видела, как сверкнули его глаза, когда Ульм прошёл через Арку – и то, как он подался вперёд, когда Миссе завершила свой невозможный переход... Об этом мне ещё предстояло подумать.

Эрик Стром говорил с семьями будущих препараторов мягко, негромко, и постепенно всхлипывания крохотной матери Миссе стихли, а дядя Брум задыхал менее хрипло и глубоко.

Ястреб объяснил, что теперь ждёт их детей, кратко рассказал о том, в каких условиях нам предстоит жить в столице, сколько будет проходить обучение и когда мы приступим к службе. Он заверил их всех, обращаясь как будто к каждому в отдельности, что препараторы будут заботиться о нас, как о собственных братьях и сёстрах.

– Препараторы – и есть одна большая семья, – говорил он своим бархатистым голосом, не глядя ни на Ульма, ни на меня или Миссе. – Кроме того, вы слышаны о привилегиях, данных нам владетелем. Я расскажу подробнее, но сперва...

Кровь всё ещё шумела у меня в ушах, как будто под черепом грохотал ливень. В глазах то и дело начинало темнеть, как будто кто-то приспускал занавес. Чудовищным усилием воли я заставляла себя держаться прямо, но слова Эрика Строма плыли мимо меня, как я ни старалась удержать их. Краем глаза я видела, что Унельм вытирает нос – кровь всё ещё струилась двумя тонкими дорожками. Кажется, Миссе единственной всё было нипочём. Она продолжала плакать – беззвучно, горько – и её прелестное личико искривилось, но в остальном выглядело так, будто она в порядке.

Миссе наверняка плакала, даже когда мы все разбрелись по домам. Остальные вернулись к празднеству – завтра они пожмут нашим родителям руки, скажут нам добрые напутственные

слова... Но сейчас облегчение было слишком сильным, чтобы притворяться. Больше всего на свете каждому из них хотелось вернуться к танцам и еде, разговорам и выпивке – и празднованию того, что их дети остались при них. В безопасности... И безвестности.

Я была уверена, что и Матис был бы не прочь остаться в здании магистрата, но традиции велели родителям провести последнюю ночь со своими детьми. Традиции были, наверное, единственным, что Матис продолжал чтить... Но даже они не могли заставить его притвориться, что ему есть до меня дело.

Всю дорогу до дома мама крепко держала меня за руку и всё бормотала, что завтра утром я непременно должна зайти к учителю Туру, а ещё в библиотеку, поблагодарить за заботу Кире, а ещё... Она продолжала бормотать, пока отец не прикрикнул на неё. Мне хотелось сказать ему: «Заткнись. Не смей ею командовать». Но я промолчала. Много раз с тех пор я жалела, что промолчала, хотя это, безусловно, было правильным решением. Я уезжала, а она оставалась. С ним.

И всё равно много раз с тех пор я думала о том, что стоило, стоило остановиться и заслонить мать собой – а потом сказать ему... Каждые новые выдуманные слова отличались от предыдущих.

Потом я взяла бы свою маму за руки и отвела её домой – к теплу очага, у которого отцу не было бы места.

Но в реальности всё было не так, и я заговорила только на кухне – не с ним, с ней.

– Не переживай, мама, – негромко сказала я, всё ещё прижимая к себе зарёванных девочек. – Со мной всё будет хорошо.

– Разговаривай с нами обоими, когда мы в комнате, – пробурчал Матис, усевшийся у очага. – По традиции нам надлежит посидеть здесь всей семьей... Так что прояви уважение.

Он по привычке искал повода – но говорил и вполтину не так грубо, как обычно.

Конечно, он боялся не меня. Кого тогда? Препараторов? Изуродованного Строма, который ворвётся в дом, если отец повысит на меня голос?

Если вдуматься, его опаска была необъяснимой – и всё же мой собственный отец осторожничал, говоря со мной... И я совру, если не скажу, что это было приятно.

Вдвойне приятно потому, что внутри меня начинал ворочаться страх – перед завтрашней дорогой в столицу, перед ней самой, перед Стромом, обманчиво мягким и непонятным. Он говорил очень искренне и просто – но я смутно чувствовала во всех его словах двойное дно, а в глубине его глаз – чёрного и золотого – скрытую угрозу. Впрочем, страннее было бы, не ощущаясь один из Десяти опасным, как снитир из Стужи.

Если я сделаю всё для этого, стану ли я через несколько лет такой же, как Эрик Стром? Будут ли дети с окраин почтительно разглядывать мои шрамы и гадать, что за история скрывается за каждым из них?

Больше всего наш семейный вечер напомнил ежесезонные собрания на площади перед магистратом – пропитанные всеобщей неловкостью и желанием, чтобы всё поскорее закончилось. На собраниях принято было отчитываться о проделанной работе – собранном урожае или заготовленных ягодах и грибах, количестве изготовленных плошек или плетёных корзин. Все, включая магистра, знали, что в каждой отчётности концы не сходятся с концами – и всем было как будто неловко от общего обмана, бывшего необходимым. Честные цифры означали бы честный налог в пользу владельца – и пришествие в Ильмор нужды. Так оно и случалось каждый раз, когда на собрании оказывался проверяющий из Дравтсбода или даже самого Химмельборга. Под зоркими взглядами проверяющих деваться было уже некуда.

Иле, Ласси, Вильна и Ада наконец перестали плакать, но впали в сонное оцепенение, и в конце концов мама отправила их спать. Каждая из них по очереди подошла ко мне, обняла дрожащими ручонками, прижалась к щеке мокрым лицом. Каждой я пообещала, что утром мы попрощаемся как следует.

Мы остались на кухне втроём, и только тогда отец повернулся ко мне – тяжело скрипнуло под ним старое кресло. Мы оба знали, что придётся сделать в соответствии с традициями – несмотря на то, что никому из нас это не доставит удовольствия.

– Иди к очагу, жена, – проскрипел Матис, вставая с кресла. – Управимся быстро... И ляжем спать.

Она кивнула – покорная, как всегда.

Он не сказал, что мне делать, но я и так знала. В воображении я проделывала это десятки сотен раз.

Я подошла к очагу, как можно ближе к препарату, охранявшему наш дом, и опустилась на колени на половик, сотканный мамой из красных и синих тряпиц, бывших когда-то платьями и кофтами. Половик был порядком потёрт, и я уставилась на белые разводы на ткани и не отводила от них взгляда, пока у меня над головой что-то гремело и звякало.

В лицо мне пахнуло жаром, и на половик упал изумрудный отблеск позеленевшего пламени. Мама бросила в огонь ещё горсть теркового порошка, и пламя снова изменило цвет – теперь половик стал густо-лиловым.

– Кто эта девушка? – спросил отец не своим, низким и гулким голосом, звучащим теперь почти красиво. – Кто родил её?

– Это Иде из дома Хальсонов, – отвечала мать, и её голос, вопреки правилам ритуала, оставался тихим, слабым. – Её родила я, женщина, отданная Хальсонам, от могучего мужчины, главы дома.

Слова ритуала льстили Матису – что ж, хоть кто-то должен. Возможно, он и был могуч до того, как упал с вышки. Возможно, тогда они с матерью даже любили друг друга – слизывали пот друг у друга с разгорячённой кожи, целовались до умопомрачения.

Ради матери мне хотелось верить в это.

– Где родилась эта девушка?

– В Ильморе. Городе, окружённом Стужей. На окраине Кьертании, страны великого холода и великой силы. Континента изо льда.

– Куда она уйдёт? – он не удержался от удовлетворённого вздоха, и впервые я подумала о том, что, возможно, радость от того, что я больше не буду раздражать его своим присутствием, пересиливает в моём отце недовольство от того, что не на ком будет срываться. Что, если всё это время дело действительно было во мне? И теперь, когда я уеду, сёстры мои заживут счастливо?

– Она уйдет в Химмельборг, куда зовет её путь, данный ей Миром и его Душой.

– Кто зовет её?

– Служение. – Мать немного запнулась на этом слове. Кажется, ей следовало сказать «служба владетелю» или «служба родине». Наверное, она всю жизнь надеялась сказать в этот вечер «жених» – и отправить меня в объятия кого-то, кто позаботится обо мне лучше, чем Матис когда бы то ни было заботился о ней самой.

– Идёт ли она добровольно?

– Да. – За меня снова говорила мать. Мне до конца ритуала полагалось помалкивать, чтобы оставаться невидимой для злых духов Стужи.

– Отдаёт ли её дом?

На этот раз они проговорили своё «да» хором.

Отец сделал шаг вперёд, и тёплое капнуло мне на затылок. Я содрогнулась от отвращения, но не подняла головы.

– Кровь семьи защитит тебя.

Мама встала рядом с ним и щедро осыпала мою голову и плечи горстью песка из горшка, стоявшего у очага.

– Родная земля от порога твоего дома сохранит тебя.

- Да защитит тебя Мир.
- И да сохранит Его Душа.

Ещё одна горсть порошка с шипением упала в огонь, и алые блики заплясали на полочке.

– Дело сделано, – сказал отец обычным, не ритуальным голосом. – Теперь – спать. Собери вещи с вечера, Иде.

Других слов для меня у него не нашлось, но я на них и не рассчитывала.

Мне не положено было поднимать взгляд ни на них, ни на родной очаг – так же как не положено было смывать капли отцовской крови с волос до утра. Всё это должно было защитить меня от Стужи.

Мои вещи были собраны заранее – об этом отец не знал. Поля и фигуры для тавлов, подаренные госпожой Торре, несколько книг от учителя Туре, тетради с записями, решениями задач и цитатами из мудрых книг, которые я часами переписывала после уроков. Бельё, несколько рубах, запасной тёплый свитер и шерстяные носки. Деревянный гребешок, вырезанный когда-то Гасси. Я берегла его, как редкое сокровище, и за все эти годы ни один зубчик не сломался. Карта наших будущих путешествий, нарисованная в детстве Ульмом. Когда-то я хотела сжечь её, но не сделала этого.

Девчонки посапывали и всхлипывали у себя на койках – наверняка поклялись друг другу не спать, пока я не вернусь, но всё равно уснули. Я тихо поцеловала каждую в лоб, пригладила влажные золотистые прядки. За стеной глухо кудахтали курицы – вот по кому я точно не буду скучать.

– Учитесь хорошо, – прошептала я спящим девочкам. – Берегите себя. Я заберу вас, заберу вас всех. Дождитесь.

Мне нечего было делать – оставалось только лечь к себе и уснуть, но сон не шёл, и собственные кости казались жёсткими, а тело – чужим.

Чтобы уснуть, я пыталась думать о последней задаче, которой поделился со мной учитель Туре. Мы с ним продолжали дружить, хотя школу я уже закончила, и иногда я забегала к нему после работы или отцовских поручений, чтобы быстро сыграть партию в тавлы или поболтать.

Задача, по словам Туре, не имела решения. В ней хитрая ревка подходила к мосту, охраняемому бьераном. Бьеран говорил, что если в первой же фразе, произнесённой ревкой, будет содержаться правда, он пропустит её, но если там будет ложь – бросит в воду.

Ревка сказала: «Ты бросишь меня в воду».

Мне всё казалось, что Туре не прав, хотя он и учитель.

Любая задача имела решение, нужно было только подумать подольше. Вот я и думала, чтобы легче скользнуть в сон, как в тёмную тёплую воду.

Но в этот раз не помогало. То, о чём я старалась не думать весь этот напряжённый вечер, атаковало меня теперь... Не скрыться.

Я не ястреб. Не стану ястребом – мне нужно было пройти все четыре Арки, а я этого не смогла. То, о чём я мечтала с детства, не сбудется. Смогу ли я вытащить мать и сестёр из нищеты, не став им?

Смогу, если буду упорна. Смогу – потому что не бывает задачи без решения.

Я вспоминала Миссе – не думать о ней тоже не выходило.

Ей повезло получить то, что было моей единственной верой все эти годы, просто так – а она-то явно не была этому рада.

Что я знала о Миссе? Она жила в маленьком, опрятном домике на окраине Ильмора. Её мать была ростом с двенадцатилетнюю девочку, а отец погиб, когда однажды, лет десять назад, Стужа начала наступать на их городок.

Старших классов у нас в школе было три, и мы с Миссе попали в разные. От учителя Туре и общих знакомых я знала, что училась она из рук вон плохо, зато была искусной мастерицей: на пару со своей крохотной матерью пекла на ярмарки и для лавки пироги, украшенные

веточками и снежинками из теста, шила платья и рубашки не хуже тех, что привозили из центра, вышивала вороты и рукава такими узорами, даже на ладонь которых у меня бы никогда не хватило терпения. Я как-то долго разглядывала одно из таких платьев на Хельне, сидевшей неподалёку от меня в школе. Бледно-голубые нити складывались в изморозь на воротнике, и птицы с глазами-бусинками поглядывали с подола, как живые. К нарядам я всегда была в целом равнодушна, но это платье даже меня заставило ощутить острый укол желания обладать им.

Что ещё? Миссе не была признанной красавицей, как Хельна, но что-то в ней всегда привлекало взгляды. Не такая крохотная, как мать, но очень невысокая, она вся казалась сотканной из солнечных лучей. Кожа у неё была не такой бледной, как положено по кьертанским стандартам красоты, – слегка золотилась, темнея к линии роста волос цвета молодого мёда. Даже в глубине голубых глаз горели золотистые искорки.

Она была очень женственной уже в детстве – и, кажется, получала от этого удовольствие – всегда плела себе замысловатые венцы из кос, носила множество гнутых браслетов от запястья до локтя, серьги с пятнистыми пёрышками. Ей нравилось наряжаться – на мой взгляд, она с этим слегка перебарщивала, но почему-то то, что на ком угодно другом смотрелось нелепо, Миссе оказывалось к лицу.

Её никогда не было среди тех, кто планировал набег на теплицы или переправу через Ильморку на самодельном плоту, или тех, кто проводил целую ночь в заброшенных домах у самой Стужи, надеясь на встречу с призраками. Однажды я заметила, как она рыдает за школой из-за того, что учитель упрёкнул её за недостаток старания.

Девчонка до мозга костей – но я никогда не видела её в компании Хельны и других девиц, чьи интересы ограничивались нарядами, сплетнями, танцами и парнями.

Миссе жила как будто особняком – но не выглядела изгоем. Хорошенькая и приветливая, всегда готовая помочь, если кто попросит, она ни в ком не встречала враждебности – ни в ровесниках, ни во взрослых.

Возможно, дело было в ещё одном её свойстве. Что-то в её взгляде вызывало необъяснимое желание позаботиться о ней, взять её под защиту. Даже я смутно ощущала пару раз что-то подобное, а мальчишки и подавно. Я знала по меньшей мере три дерева в лесу, на коре которых было безжалостно вырезано её имя.

Если и был в Ильморе человек, меньше неё подходящий на роль будущего препаратора, я такого не знала. Неудивительно, что она заливалась слезами, проходя Арки одну за другой.

Мне было стыдно, но я чувствовала раздражение при мысли о том, что она так легко и просто обошла меня. Три Арки делали меня сильным рекрутом и открывали большую часть дорог – но Миссе была открыта любая. Я почти дошла до последней, почти получила свой шанс стать ястребом – но тело подвело меня, и с этим ничего нельзя было поделать обыкновенным усилием воли.

А вот Миссе, робкая и маленькая Миссе, хранила, оказывается, в себе стержень твёрже любого камня. Я видела, что успела заинтересовать ястреба, но Миссе, сама того не желая, разбила меня в пух и прах.

Не стоило падать духом. Впереди было обучение, за время которого многое могло измениться – ведь делали они, должно быть, хоть иногда исключения, и я собиралась выяснить это как можно скорее – но я всё равно продолжала думать о том, что случилось на Шествии.

Был ли Унелым расстроен тем, что ему далась всего одна Арка, или, наоборот, радовался, что ему-то точно не придётся выходить в Стужу? Никакому обучению не изменить свойств его тела. Оно было достаточно прочным, чтобы работать с препаратами – но недостаточно для того, чтобы делать их частью себя.

Сама я не знала, что ждёт меня теперь, раз я не стану ястребом. Оставалась ещё судьба охотника – многие считали её куда более тяжёлой и опасной. Могла я стать и кропарём – тогда придётся много работать головой, а это я умела и любила. Менее почётно, чем ходить в Стужу –

имена легендарных ястребов и охотников знали все, а вот чтобы припомнить великих кропай, пришлось бы поднапрячься – но уж точно лучше, чем всю жизнь в неизвестности просидеть в мастерских.

Дверь тихонько скрипнула – я услышала сразу, но продолжала лежать, уткнувшись носом в стену. Это наверняка был Седки, исчезнувший куда-то сразу после того, как ястреб отпустил нас с семьёй домой. Я не таила на него зла: мой брат был не из тех, кто умеет поддерживать или прощаться. Сейчас, нагоревавшись с друзьями, он наверняка решил исправиться, но у меня не было настроения выслушивать его пьяные излияния.

Человек, вошедший в комнату, тихо подошёл к моей кровати и опустил на колени рядом с ней, а потом я почувствовала, как мамины пальцы перебирают мои волосы – и что-то тёплое капает и капает на макушку.

Я старалась дышать ровно, хотя всё на свете отдала бы, чтобы сжать её руку в своих, сказать «мама», зарыться лицом в её колени.

Но мне не хотелось, чтобы она думала, что я напугана, что нуждаюсь в её утешениях или защите. Мне хотелось, чтобы мама решила, что я мирно сплю – а не терзаюсь страхами и сомнениями.

– Сохрани, – прошептала она тихо, и тёплое снова капнуло мне на затылок. – Сохрани её. Сохрани.

А потом она ушла – так же тихо, как появилась. Ни одна доска пола не скрипнула, и курицы всё так же мерно бормотали у себя за стеной.

Мне хотелось плакать, но вместо этого я прошептала: «Если не я, то другой. Если не я, то другой». Это правило, самое воодушевляющее из придуманных мной, всегда придавало мне сил.

Потом я помолилась Миру и Душе – обычно я забывала делать это каждый день, но сегодня, в последнюю ночь под родным кровом, это показалось правильным.

Я наконец начала засыпать, когда одна из сестрёнкиных кроватей ожила – и сонная Ада скользнула мне под бок, обвила меня ручонками.

– Мы увидимся снова, Сорта? – прошептала она, хлюпая носом. – Увидимся же?

– Да, – прошептала я, утыкаясь ей в макушку, вдыхая травяной запах и тут же забывая о своём решении не давать обещаний. – В столице. Обязательно. Там парители летают над домами... И большие ровные дороги. И вкусная еда, какой здесь не бывает. Мы пойдём в театр... И я куплю вам... Всё, чего захотите.

– Как хорошо, – счастливо вздохнула Ада. – Только бы поскорее, Сорта. Ладно? Поскорей...

Я крепче прижала её к себе, и мы обе уснули.

Рано утром я выскользнула из дома, пока все спали. Молчала родительская постель, забились под одеяла заплаканные сестрёнки. Аду я так и оставила у себя в кровати – во сне она так свирепо прижимала к себе подушку, что трогать её я не решилась.

Вода в бане остыла за ночь, и у меня зуб не попадал на зуб, пока я мыла лицо, шею и руки. Наверное, хорошо было бы снова выкупаться целиком перед поездом, но даже ради того, чтобы впечатлить кого-то, я не была готова к таким жертвам в настолько промозглое утро. Я только осторожно смыла с затылка кровь, склеившую пряди.

Я снова надела всё, что могла, под старую материнскую шубу, и заплела четыре тугие косы на удачу. Четыре, как и два, – счастливое число. В столице волосы наверняка убирала иначе. Все приезжавшие на Шествия препараторы были мужчинами. Женщин из Химмельборга я никогда не видела.

Времени до отъезда оставалось мало, а я хотела успеть зайти к госпоже Торре, как обещала.

Дом, в котором когда-то родился Гасси, покосился, как человек в возрасте, и одно из его окошек, съехавшее вбок, недобро подмигивало мне от самого угла улицы. Больше всего я боялась, что дверь откроет мать Гасси – а через несколько минут напряжённого ожидания на пороге мне начало казаться, что дома никого нет.

Опоздать на поезд было нельзя. Интересно, задержали бы они его из-за моего отсутствия? Скорее всего, да, но мне не хотелось проверять. К тому же становилось холодно. Я переступила с ноги на ногу, тоскливо заглянула в запылённое окно в кухню. Когда мы были детьми, окошки в доме Гасси всегда сверкали.

Я уже собиралась уходить – готовилась с огромным облегчением признать, что госпожа Торре не дома или спит – но именно в этот момент дверь, разумеется, открылась. Она стояла на пороге – причёска волосок к волоску, словно голова и не касалась подушки, прямая спина, взгляд, слишком уж цепкий для слепой.

Ульм как-то в детстве придумал, что бабушка Гасси только притворяется слепой, чтобы сбить всех с толку, и довольно долго мы с ним верили в это. Гасси мы об этом рассказывать не стали – боялись, что он обидится или разозлится.

Последнего, впрочем, можно было не бояться. Гасси не злился. Ни на кого и никогда.

– Вот и ты, Сорга Хальсон. – Я не успела и слова сказать, но она говорила бескомпромиссно. – Я уж думала, струсил. Проходи. На кухню, девочка.

Я пошла за ней, чувствуя, как горечь внутри разливается, грозя заполнить меня целиком.

Я не была здесь с тех пор, как погиб Гасси. Но казалось, что ещё вчера мы с ним выбегали из этих дверей с резной оскаленной мордой ревки над притолокой, на ходу запихивали куски хлеба, испечённого госпожой Торре, в рот, хлопали по светлой крышке кухонного стола.

Из часов на стене с громким писком выпрыгнула деревянная птичка, и я вздрогнула.

– Чаю?

– Нет, спасибо.

– А я вот выпью. – Госпожа Торре изящно опустилась в кресло, обитое потёртым сатином, бывшим когда-то нежно-голубым, а теперь выцветшем до оттенка старой кости. – Не буду ходить вокруг да около...

Пух на шее под линией роста волос приподнялся, как от ледяного ветерка. На невыносимо долгий миг я была уверена: она заговорит о том, что случилось с Гасси.

Годами мы с Унельмом прятались от неё, его матери, их взглядов, косога взгляда этого дома, и вот теперь я сама, потеряв всякую осторожность, пришла сюда.

Чтобы наконец получить своё наказание.

Вдруг мне стало легко, как никогда, как будто я была приговорённым, которого помиловали за секунды до казни.

Я смотрела госпоже Торре прямо в глаза – белые, равнодушные, как Стужа – и знала, что каким-то образом она чувствует мой взгляд.

– Это по поводу Гасси.

Прыжок с высоты – и свободный полёт в белое, холодное, равнодушное. Возможно, уже через несколько месяцев я окажусь внутри Стужи. Должно быть, это будет похоже на смерть.

– ...Я всё боюсь, что она выбросит их. В последнее время она совсем плоха.

Я моргнула.

– Что?

– Ты что, не слушала меня, девочка? – Госпожа Торре нетерпеливо стукнула по столу очень острыми и очень крепкими ногтями на сухой лапке, похожей на куриную. – Я говорю: мать Гасси совсем плоха. Ничего не запоминает. Выбрасывает, что не следует. Недавно избавилась от совершенно новых сапог – а ведь деньги не берутся из воздуха. Бросила их прямо в очаг.

– Мне очень жаль, – сказала я, понятия не имея, что имею в виду.

Мне жаль, что сгорели совсем новые сапоги. Мне жаль, что ваш внук погиб, а ваша дочь сходит с ума.

Она выложила на стол между нами потрёпанные тетради – зелёную, синюю, жёлтую. Их уголки распушились, а страницы выглядели ломкими.

– Да уж. Жаль. В общем, я подумала: какой нам от них прок? Мне их не прочитать. Нэду тоже. Там какие-то закорючки и точки... Он говорит, это ни на что не похоже.

– Ош, – вырвалось у меня, и она дёрнулась вперёд, как хищная птица.

– Что?

– Ош. Язык, который Гасси придумал. Он хотел, чтобы это был наш с ним и Ульмом... Унельмом... Секретный язык. – В горле вдруг стало так больно и горячо, что я испугалась: больше мне никогда не произнести ни слова. – Но Унельм не смог его выучить. Поэтому знали только Гасси и я.

– Прекрасно. – Госпожа Торре прикрыла глаза. – Неудивительно. Вы всегда были особенными – Гасси и ты.

– Гасси был особенным.

– Я всегда возлагала на вас обоих большие надежды, – продолжила она, пропустив мои слова мимо ушей. – Ещё когда вы, совсем крохотные, бесконечно придумывали, записывали, решали эти бесконечные задачки, рисовали карты... Я думала: эти двое вырвутся из Ильмора. Иначе и быть не может. – Она вздохнула. – Возьми эти тетради, Сорта. Я ничего не могу от неё прятать. Она так и не оправилась от смерти Гасси, и в последнее время становится всё хуже. Я боюсь, со дня на день тетради полетят в огонь. Не знаю, что именно они хранят... Ваши игры, дневник, учебные записи? Мы уже точно не узнаем. А так... Кто-то прочитает.

– Я не уверена, что... Ош – это было так давно.

Госпожа Торре нетерпеливо дёрнулась:

– Разумеется. Кроме того, полагаю, в ближайшее время тебе будет не до того, чтобы разбирать тетради. Это не обязанность, Сорта. Ты можешь делать с ними, что хочешь. Я просто хочу отдать их тебе. – Она умолкла и пожевала губами, прежде чем добавить: – Потому что, уверена, он хотел бы того же.

Я взяла тетради, всё ещё не до конца сознавая: наказания не будет. Плечи снова придавило привычной тяжестью.

– Спасибо. Я прочитаю их.

– Расскажи, если прочитаешь что-то, чем... – её голос вдруг дрогнул, и в одночасье прямая и сильная госпожа Торре превратилась в согбенную слепую старуху. – Он был особенный. Гений. То, что он придумывал в детстве... То, как мыслил. Я всё думаю: кем бы он стал? Чего бы достиг?

Острые когти вонзились мне в сердце, и Стужа была на их концах.

– Если бы твой идиот-отец позволил тебе пройти конкурс математиков год назад, ты бы уехала в столицу раньше.

– Если бы Гасси...

Госпожа Торре снова с силой стукнула по столу.

– Довольно, Сорта. Сидим и плачемся о том, чего не изменить. Тебе нужно собраться. Сделай там всё то, чего уже не сможет Гасси.

– Мне никогда не сделать того, что смог бы Гасси, – сказала я и вдруг, неожиданно для себя самой, коснулась руки госпожи Торре и, не встретив сопротивления, крепко пожала её.

– Удачи тебе, девочка, – она сжала в ответ мою руку и тут же оттолкнула её. – Бери тетрадки и уходи, пока Мария не вернулась.

– Я их сохраню. Сохраню, обещаю.

И я сдержала обещание. Я храню их – храню до сих пор и, должно быть, продолжу хранить столько, сколько буду жить на свете.

Омилия. Дворцовый парк

Восьмой месяц 723 г. от начала Стужи

На дворец опустился вечер – даже всё богатство Химмельнов не могло помешать этому случиться. В дворцовом парке стараниями придворных препараторов царило вечное лето – покачивались на лёгком ветерке тяжёлые розовые бутоны, ровно струилась вода в оросительных ручейках и фонтанах, негромко вразной квакали лягушки у старого пруда с золочёной статуей Души на островке в центре. В белых беседках, перевитых ползучим виноградом, негромко смеялись, переговаривались. Тихий звон бокалов плыл между деревьями парка привычно и легко.

– Вы так прекрасны, моя госпожа, – шептал, краснея и бледнея, золотоволосый юноша, сидевший на алой бархатной подушке у ног Омилии. – Ваши глаза подобны небу, отражающемуся в озёрной глади...

– Но почему не просто небу? Как, по-вашему, озёрная гладь влияет на его цвет? – поинтересовалась Омилия и тут же устыдилась – лицо юноши залила смертельная бледность.

– Я... Я, пресветлая госпожа, хотел только...

– Ладно, продолжайте, – смилостивилась она. Получилось не очень вежливо, зато юноша выдохнул с облегчением и продолжил катиться вниз по накатанной дорожке алых, как розовый лепесток, губ, бледной, как снега Стужи, кожи, изящных, как у мраморной статуи, рук...

К этому последнему сравнению Омилии тоже захотелось придраться. В конце концов, статуи делались по людскому образу и подобию. Но голос золотоволосого юноши, чьего имени она, признаться, не помнила – знала только, что его семья владела большей частью Дравтсбода и изрядной – Тюра – струился почти приятно и не слишком отвлекал её от мыслей, а большего и желать было нельзя.

Омилия рассеянно оторвала стебелёк, с любопытством заглядывавший в беседку, и сунула в рот. Мать пришла бы в ужас, но они с отцом, по счастью, были слишком заняты беседой с послами в голубой приёмной. От неё ничего не требовалось – только занимать разговором мальчишку из Дравтсбода, но ему, к счастью, не слишком требовалась собеседница.

– ...Так прелестны, так мудры...

Омилия прекрасно понимала, что бесконечный поток комплиментов – сплошная ложь, от начала и до конца. Несмотря на то, что в главной галерее замка Химмельгардт портреты её предков спорили друг с другом в неземной красоте, сама она явно пошла не в многочисленных красавиц-прабабушек.

Возможно, художники просто им льстили. В конце концов, её отца, в последние годы изрядно располневшего и обрюзгшего, тоже продолжали рисовать стройным, молодым и удалым, как будто годы не имели над ним власти.

Вот матери и вправду ничего не делалось с годами – конечно, не без помощи многочисленных баночек и склянок, жестянок с кремами и порошков, поставляемых кропарями, и всё же мало кто может похвастаться такой гладкой белой кожей и золотой гривой без единого седого волоска в без малого сорок пять.

Омилия не унаследовала красоты матери, чтобы там ни плёл одуревший от радости – видимо, принимал её молчание за поощрение – мальчик на бархатной подушке.

Волосы у неё не золотились и не вились кудрями – служанкам приходилось изрядно попотеть, чтобы соорудить из них модную при дворе высокую причёску – и то приходилось прибегать к помощи накладных прядей и валику из ткани, который прятали в глубь круглого пучка.

Глаза были похожи цветом на озёрную воду куда сильнее, чем на небо над ней. Слишком светлые, с прозеленью – как будто на воде начала зацветать ряска.

Нос – катастрофа. Слишком широкий и крупный, если держать голову прямо – с детства под руководством матери Омилия привыкла всегда держать лицо чуть повёрнутым в бок – то в одну, то в другую сторону – чтобы не испортить шею и посадку головы.

Кожа, бледная, как положено, была испещрена самыми что ни на есть не аристократичными веснушками, и как мать, няня и служанки ни прятали её от солнечного света, веснушки высыпали с завидным упорством, стоило только явиться самому захудаленькому солнечному лучу.

Что до статуи – Омилия напоминала разве что изваянных древним скульптором хааров, украшавших въезд в парк с северной стороны, выбросивших в вечном прыжке костлявые худые ноги. К прошлому балу с разрешения дворцового декоратора препаратор Горре заменил их на собранных им химер из частей настоящих снитиров. Ноги химер слепо перебирали в воздухе, как будто на самом деле бежали на месте, неся стройные ревкины тела. Зелёные птичьи глаза буравили ахающих гостей, а из центра груди, там, где сердце, тянулись к зрителям собранные из костей многосуставчатые лапы, пока мать, наконец, не велела отдать химер Горре и вернуть мраморным статуям их законное место.

«Всё это современное искусство – не для дворцового парка».

Омилия тогда хмыкнула, но спорить не стала. Причудливые уродцы Горре нравились ей, как и созданные им изображения Стужи, но не было ничего удивительного в том, что матери не дано оценить творения величайшего художника своего времени. Мать ценила только старину. Старина была понятной и безопасной: её успели оценить умные люди. Полагаться на чей-то вкус куда проще, чем вырабатывать собственный.

– ...снежные изгибы...

Омилия поперхнулась:

– Что, простите?

– Нежные переливы вашего голоса, пресветлая, – застенчиво пояснил юноша, краснея, и она, вздохнув, кивнула:

– Ах, вот что. Простите. Пожалуйста, продолжайте.

Он вновь зачастил, ободрённый, и начал потихоньку ёрзать на своей подушке, подбираясь к ней – видимо, надеялся коснуться подола платья или носа синей туфельки.

Синий – цвет Химмельнов, и Омилия с детства научилась различать – а позже ненавидеть всем сердцем – сотни его оттенков. Платье, которое она надела сегодня, было вообще-то красивым – тёмный шлейф, расшитый гербами Химмельнов с изображением щита и снежинки, светло-голубая складчатая юбка, корсет, туго зашнурованный серебряными лентами. В таком наряде любая дурнушка покажется красавицей, так что, может, мальчик из Дравтсбода и не кривил душой.

Она внимательнее посмотрела на него – искоса, по привычке не поворачиваясь к нему лицом. Он-то, их знатный и богатый гость, действительно хорош собой – аристократ от и до. Над ним природа потрудились как следует. В глазах ни тени мысли – матери он бы наверняка понравился. Не потому ли она настояла на том, чтобы им дали побыть наедине эти полчаса – вопреки дворцовому этикету?

Внутренний брак – пусть даже с представителем одного из богатейших и знатнейших родов Кьертании – не имел никакого смысла с точки зрения отца. Но вот планам матери – если им суждено сбыться – он может соответствовать в полной мере.

Омилия вздохнула. Ей давно надоело быть разменной фишкой в родительских играх – но, должно быть, у Химмельнов иначе не бывало никогда.

Юнец поймал её взгляд, и его собственный стал умоляющим.

– Встаньте, – приказала она, и он торопливо поднялся с подушки.

– Пресветлая... – пробормотал он испуганно. – Простите... Если я хоть чем-то...

– Тс-с-с! – она покачала головой и заговорщически поманила его пальцем. – Наклонитесь.

Ближе. Наследницы не кусаются.

Кажется, он не поверил – ей пришлось ещё пару раз ободрить его, пока он наконец не оказался достаточно близко. Тогда, надёжно ухватив его за край камзола, она, оглядевшись по сторонам – никого – подтянула его к себе и впилась в его губы жадным поцелуем.

Юноша, кажется, ахнул – удачно – её язык скользнул ему в рот, и Омилия с трудом удержалась от смешка, когда он попытался отстраниться, дрожа, как от холода.

– Ну вот, – сказала она удовлетворённо, наконец отпустив его камзол и вытирая рот тыльной стороной ладони. – Теперь будьте умницей. Посидите здесь оставшиеся двадцать минут тихонечко, ладно? Я скоро вернусь.

Выходя из беседки, она погрозила ему пальцем:

– И не болтайте, ладно? Девичья честь, сами понимаете.

Он торопливо закивал. Вид у него был совершенно ошалевший – даже руки дрожали.

– Вот и славно.

Она подхватила шлейф, чтобы удобнее было продираться через кусты. В дальнюю беседку, куда она шла, редко заходили. Тому, кто облюбовал её, редко были рады на приёмах и балах – впрочем, он и сам их не жаловал.

Свет здесь не горел, и она уже подумала, что беседка пуста, когда бледная рука высунулась из переплетения ветвей и помахала ей:

– Омилия? Иди сюда. Думал, сегодня ты обо мне забыла.

– Никогда! – Опираясь на перила, она забралась внутрь, перебравшись через туго сплетённые лозы. Темнота в глубине беседки приветливо дрогнула.

– Где твой ухажёр из Дравтсбода? Ты оставила его в чулане для вёдер или забыла под вешалкой?

– Сидит в центральной беседке. Я обезвредила его на ближайшие пятнадцать минут.

Темнота хихикнула.

– Не буду интересоваться, как.

– У меня свои методы.

– Не сомневаюсь.

Омилия угнездилась на скамейке из тёмного мрамора, распластала по спинке шлейф и запрокинула голову, давая шее отдых, заболтала ногами.

– Так скучно...

– Я думал, тебе нравятся приёмы.

– Нравились, пока каждый из них не начал нести опасность... Для меня.

Темнота сочувственно молчала.

– Хоть бы Стром поскорее вернулся, – небрежно сказала Омилия. – С ним всё-таки повеселее.

– Осторожнее. Скажешь что-то подобное при посторонних – слухи пойдут.

– Ну ты-то не посторонний, так?

– Разумеется. Но во дворце у стен есть глаза и уши. В прямом смысле. – Он говорил о глазах и ушах снитиров, торчащих из стен тут и там. Информацию с них считывали специально обученные механикеры. Считалось, что для безопасности, – но и для слежки тоже, и никогда нельзя было знать наверняка, кто и за кем следит на этот раз.

– Не в этой беседке – ты ведь поэтому так её любишь?

Темнота вздохнула, и знакомое бледное лицо наклонилось к ней, придвигаясь чуть ближе к неяркому вечернему свету.

– Само собой. К тому же здесь тихо. Никто сюда не заходит...

– Потому что все знают, что ты тут днюешь и ночуешь.

– Спасибо на добром слове. Что до Строма – я слышал, препараты уже в пути. Или скоро отправятся в путь. От окраин до Химмельборга...

– Я неплохо разбираюсь в географии своей страны, спасибо. Просто...

– Хочешь поговорить о нём, всего-то? – Бледное лицо снова скрылось в тени. – Тогда ты пришла по адресу. Лучше со мной, чем с кем-то ещё, не так ли?

– Не делай из меня дуру. Он... Это... Не то, что ты думаешь.

– Прости, но я не очень много думаю о нём и тебе. Это обидно?

– Пф-ф, брось. – Омилия закатила глаза, с неудовольствием чувствуя, как становится жарко щекам. – С тобой невозможно разговаривать.

– Я думал, наоборот.

– Да, наоборот, – неохотно согласилась она. – Ты прав. Здесь всего два человека, с которыми можно разговаривать по-человечески. Ты – один из них.

– А второй, значит, этот препарат? – Темнота вздохнула. – Осторожнее, Мил. Что бы ни планировала твоя мать, брака с препаратом тебе не видать, как своих ушей.

– Брак – это не единственное, чего может хотеться девушке, – туманно отозвалась она, сама не понимая до конца, насколько откровенной готова быть в этом разговоре. – А он, может быть, сумеет дать то, чего мне по-настоящему хочется. Он, знаешь ли, слышит меня. Он не такой, как все здесь. Знаешь, искренний...

Темнота от души расхохоталась, и Омилия оскорблённо умолкла.

– Ты такая смешная. Прости. Кто я такой, чтобы влезать в чужую реальность своими грязными руками? В конце концов, не бывает двух одинаковых жизней. И из-под чужих век на мир никому взглянуть не дано... И прочие старинные премудрости – выбирай любую на свой вкус. Желаеть довериться ястребу – дело твоё, но будь осторожна. И, знаешь... Ты не задумывалась над тем, что тебя влечёт к нему потому, что это максимальная из доступных тебе форм протеста? Препаратор, изрядно изуродованный, мрачный, загадочный... Тебе не кажется, что это слишком банально? Право, Омилия, я бы на твоём месте...

– Болван. – Она величественным жестом – материнские уроки ввелись в плоть и кровь – перекинула шлейф вперёд и поднялась со скамьи. – Так и знала, что ты не поймёшь.

– Где уж мне...

Темнота продолжала хихикать ей вслед, даже когда беседка осталась далеко позади.

В парке стало совсем темно, и длинные костяные столбы с чашами валового жира на верхушках загорались один за другим, освещая ей путь. Омилии это было без надобности – дорогу через дворцовый парк она нашла бы и с закрытыми глазами.

И она шла, ничего и никого не видя, размахивая руками и сшибая бутоны, которым не посчастливилось попасться ей на пути.

Конечно, он не понял её – глупо было рассчитывать, что хоть кто-то поймёт. Надежда, которую она хранила в тайне от всех, была смешной – может быть, даже жалкой, но ведь, в конце концов, она была Омилией из дома Химмельнов! Кому, как не ей, было совершать невозможное?

Надежда жгла пальцы, и невыносимо было не перебросить её кому-то, не поделиться – что ж, это будет ей уроком. С детства живя во дворце, Омилия усвоила твёрдо: искренность – могучее оружие, вот только в конечном счёте оно всегда обращается против тебя самого.

Впрочем, она ничего не сказала. Омилия остановилась у старого дерева, посаженного, кажется, ещё её прадедом, вероятно, во время мероприятия, которое казалось всем участником невероятно значительным, – и вот, даже память о нём рассеялась, как дым, а дерево стоит себе, как ни в чём не бывало, насмешливо шелестит ветвями у неё над головой.

Омилия прислонилась к стволу, мельком думая о том, что от коры на шлейфе непременно образуются зацепки, и, глубоко вздохнув, замерла, успокаивая сердце.

Дурак он, если думает, что она доверилась ястребу из Десяти. Эрик Стром ведёт свою игру – и она рада была бы не догадываться об этом. Но она тоже умеет играть в игры – не хуже любого другого, родившегося во дворце.

Она вздрогнула – за густым переплетением колючих ветвей роз кто-то шептался. Тут же забыв о том, что ещё мгновение назад казалось ей самым важным на свете, – этим свойством своего характера Омилия была вполне довольна – она сделала несколько тихих шагов к кустам.

Ей было любопытно, кто и зачем забрался так глубоко в парк в разгар приёма. Наверняка, парочка. Омилия любила сплетни – кроме того, никогда не знаешь, какая информация окажется полезной.

Она затаила дыхание и приподняла шлейф, чтобы не зацепиться за колючки. Наследнице не пристало быть обнаруженной за подслушиванием – хотя вряд ли кто-то посмеет уличить её. Валовый свет сюда почти не долетал – в полумраке Омилия разглядела двоих – разумеется, мужчину и женщину, – но кто это, она пока не знала.

– ...Я больше не могу выносить это. Не могу... Иногда мне кажется, что он прав, что я не имею никакого права...

– Госпожа Ассели...

– Не называй меня так. Умоляю, не называй меня так!

Ого. Омилия никогда бы не подумала, что жена Рамрика Ассели может говорить с таким пылом.

Редкая красавица. Будь воля матери, Омилия бы точно выглядела как-то так. Адела Ассели могла бы блистать в свете, если бы хотела – но она странновата, никогда не понимает шуток, заиклена на общественных инициативах с энергией, от избытка которой любое увлечение перестает быть обаятельным. Вот у кого Омилия и не подозревала любовника. Чувствуя, как в голове начинает стучать от нехватки кислорода, она сделала ещё один шаг вперёд, надеясь, что сумеет узнать голос мужчины рядом с Ассели.

– Зачем это тебе? Скажи, зачем тебе всё это?... Я схожу с ума от мысли, что могу быть игрушкой в чужих руках. Если ты обманываешь меня... Я не знаю, что со мной будет. Пожалуйста, скажи мне правду. – Она говорила, как в бреду. – Ведь я знаю, знаю, что тебе всё это не может быть нужно... Добыча драфта важна для тебя. Поддерживая меня, ты действуешь в ущерб себе. Зачем? Зачем тебе это?

Омилия наострила уши. Кажется, ей повезло: в кустах происходило что-то более интересное, что банальное объяснение влюблённых. На недавнем заседании совета Ассели пыталась выбить улучшение условий для препаратов – неизвестный в кустах, кем бы он ни был, стоял за ней, – само собой. Увлечённая – ещё не значит умная, а Адела Ассели никогда не казалась Омилии особенно умной, несмотря на то, что, по слухам, дневала и ночевала в библиотеке. Кто-то должен был вкладывать мысли в её красивую голову. Уж точно не муж, от которого она прячется среди пыльных книг.

– Адела... Посмотри на меня. Ты веришь мне? Я делаю это, потому что мне важно то, о чём мы столько говорили. Но ты права: если узнают о моей причастности... У меня могут быть проблемы. Должно быть, я бы отступил... Нашёл иной способ. Но теперь всё это неважно, потому что у меня появилась ещё одна причина продолжать бороться...

Омилия перевела дыхание, пользуясь тем, как увлечённо, забыв об осторожности, заговорил незнакомец. Она всё ещё не могла узнать его, хотя отлично знала всех, кому было позволено находиться в дворцовом парке по вечерам.

– ...Это ты. Адела, твоя смелость, искренность... Твоя чистота. Я хочу, чтобы мы изменили этот континент. Вместе.

Омилия закатила глаза. Она ждала, что Адела пылко заговорит в ответ – или сразу упадёт незнакомцу в объятия, но та молчала, только жадно дрожала её тень в свете вышедшей на небо луны – Ока Души.

Теперь шансов разглядеть лица говоривших стало больше – но Омилия боялась сделать ещё один шаг вперёд – тогда и её могли увидеть.

– Я должна вернуться домой. Он будет ждать меня. Я должна...

– Ты не будешь должна ничего никому, кроме самой себя... Если только захочешь. Адела... Ты хочешь пойти со мной? Я говорил и повторю снова: я не могу рассказать тебе всего. Пока не могу. Я не вправе предложить тебе правду, но, Адела... Ты хочешь узнать часть правды?

И тогда Адела Ассели тихо заплакала – и тёмный контур её безупречной головки склонился на плечо к незнакомцу, и тот ласково обнял её, прижался губами к сложному переплетению лент и кос.

– Милая моя. Пожалуйста, не плачь. Я...

Он вдруг умолк, и Омилия машинально сделала маленький шаг вперёд – хрустнула крохотная предательская ветка или, может, сухой бутон, упавший на дорожку и незамеченный служителями.

– Здесь кто-то есть.

Пара дёрнулась и скрылась в глубине куста.

Омилия мысленно помянула злых духов Стужи, но прятаться было негде, да и не пристало это ей, владетельской дочке. Поэтому она повыше подняла голову, приготовившись любезно улыбнуться.

«Какой чудесный вечер, динна Ассели. А ваш спутник, кажется?..»

Но ничего не происходило. Деваться Аделе и её ухажеру было некуда. Слева и справа – колючие кусты, позади – стена.

Положение становилось идиотским.

Надо было уходить – принимать безмолвное предложение незнакомца разойтись миром, но Омилии было слишком любопытно. Она знала, что, если не заглянет за куст сейчас, не уснёт всю ночь. В конце концов, как наследница, что она теряла?..

Омилия решительно шагнула вперёд и заглянула за куст.

Там никого не было.

– Что за?.. – сказала Омилия вслух, не заботясь о том, что кто-то может услышать.

Колючие кусты у стены сплетались так же прочно, как ей помнилось. Ни дорожек, ни потайных ходов, ни других путей к отступлению – в дворцовом парке Омилия знала их все.

Графиня Ассели и её таинственный спутник как сквозь землю провалились.

– Эй! – Омилия плюнула на осторожность и, подобрав юбку, полезла в кусты. – Эй, вы...

– Пресветлая?

Проклятье. Увлеченная сценой объяснения, она совсем забыла о купеческом сынке – а вот он о ней, разумеется, помнил.

Омилия постаралась обернуться как можно более величественно, как будто подол её платья не испорчен – скорее всего, безнадежно – травой, а в растрепавшихся волосах не застряли колючки. Мать убьёт её, если увидит.

– Да. Что вам угодно?

Юноша растерянно хлопал глазами, глядя на неё, а потом вдруг широко улыбнулся, фыркнул, и тут же испуганно ойкнул.

– Простите, пресветлая. Я не хотел быть невежливым. Вы что-то потеряли? Я могу вам помочь?

Омилия вздохнула:

– Нет, благодарю вас. Я уже нашла то, что искала.

– Нас могут хватиться. Время, которое было отпущено...

– Да, да, – раздосадованно пробормотала Омилия. – Всё так. Сейчас мы пойдём обратно, и...

– Если честно, я хотел попросить кое о чём. Я... Хотел бы посмотреть на Сердце Стужи, пока мы ещё здесь. Можно?

Омилия была уверена, что поцелуй повергнет купчика в оцепенение и он не решится подойти к ней даже на расстояние выстрела – но он оказался прилипчивее, чем она ожидала.

Она пожала плечами:

– Мы опаздываем, а если пойдём к Сердцу, опоздаем ещё сильнее. Уверены, что готовы на такое грубое нарушение этикета?

Юноша снова улыбнулся:

– Мне кажется, теперь нам смешно говорить об этом.

Мысленно Омилия застонала, но вслух сказала только:

– Воля ваша. Нам сюда.

Он предложил ей руку, но она предпочла не заметить и пошла быстрее, так что ему пришлось идти за ней, хотя на дорожке хватило бы места для них обоих.

– Меня зовут Дерек, кстати.

– Дерек Раллеми, да. Я слышала.

– Мне было бы приятно, если бы вы называли меня по имени.

«А мне – если бы ты замолчал».

Сердце Стужи было так же сердцем дворцового парка. Омилия видела его сотни раз, и всё равно почувствовала, что дух захватывает. Она обернулась и с удовольствием заметила, что Дерек поражён, как положено тому, кто видит это впервые. Аж дар речи потерял – очень удачно.

– Как это сделано? – наконец прошептал он, и Омилия сделала шаг в сторону, чтобы открыть ему лучший обзор.

– Здесь особым образом сформировано пространство парка. Препараты на территории дворца расположены так, что в центре остаётся зона, свободная от их воздействия. Ещё под дворцом проходят две крупные артерии дравта – здесь одну из них пришлось изогнуть, чтобы земля оставалась холодной, как снаружи. Поэтому у Химмельгардта есть свой кусок Стужи... Самой настоящей.

– Круг...

– Скорее столп.

Стужа действительно была столпом, вершина которого терялась где-то высоко в ночном небе. Она была огорожена забором из костей бьерана, не позволяющим подойти ближе, чем на пару шагов. Дальше начинал сопротивляться сам воздух – и даже большинство препаратов не сумели бы справиться с этим сопротивлением.

Если бы какой-то безумец всё же сумел коснуться тонкой прозрачной поверхности, похожей на мыльный пузырь, отделявший её от тёплого паркового воздуха, его рука, должно быть, тут же превратилась бы в ледяной слиток. В детстве Омилии казалось, что в глубине вечной вьюги, мельтешащей в этом ограниченном пространстве, летает что-то крошечное и живое. Поверишь тут в сказки о том, что души мёртвых уходят туда, в Стужу. А эта, пусть и парковая, – часть настоящей. Если в ней и вправду нашлось место душам, грустят ли они от того, что им некуда лететь?

– Спасибо, что показали ее, пресветлая. Очень красиво.

– Да уж. Красиво.

– Я читал, что Сердце Стужи было сделано, чтобы подчеркнуть величие Химмельнов и препаратов, поставленных им на службу. Это так?

Он всё не унимался, и Омилия посмотрела ему прямо в лицо, не заботясь о том, чтобы склонять голову на бок.

– Может быть. Но у меня есть своя версия.

Его глаза радостно блеснули. Вероятно, оттого, что она поддерживала беседу. Болван принял её поцелуй за поощрение?

– Вы поделитесь ею со мной, пресветлая?

– Почему бы и нет. – Она вдруг поняла, что злится. Злится на то, что ей приходится тратить время на любезности с идиотами вроде этого вместо того, чтобы идти, куда хочется, делать, что хочется. Злится на этого самого Дерек Раллеми, который потащился за ней вместо того, чтобы послушно сидеть в беседке. Злится на то, что он помешал ей разгадать тайну исчезновения Ассели с любовником – или кто он там ей. Завтра она непременно вернётся в тот угол парка и обшарит каждый угол живой изгороди... Если найдёт возможность ускользнуть от бесконечных уроков танцев и истории, материнских нотаций, пустых бесед, набивших оскомину лиц.

– Только поглядите на этот прекрасный парк, господин купец. – Она изящно повела рукой – фамильный браслет, который был ей великоват, съехал от локтя к запястью. Браслет сверкал в тусклом молочном сиянии Стужи. После ношения его полагалось возвращать в сокровищницу к остальным богатствам Химмельнов. Бриллианты были оправлены в кость ревки, обработанной механикерами так, что ношение сокровища не причиняло владельцам вреда. Такие украшения стоили целое состояние, и когда-то браслетов было два. Омилии здорово влетело от матери, когда с Белого бала она вернулась лишь в одном. Матери она сказала, что потеряла браслет в парке. Слуги обыскали каждую клумбу, каждый уголок – браслет как сквозь землю провалился. Мать сорвала зло на служанке – но после Омилия нашла способ утешить девушку.

– Он и вправду прекрасен, – прошептал Дерек почтительно.

– Как и Химмельборг, не так ли? – Омилия расправила складки платья, пригладила волосы. – Как и всё, чего касаются Химмельны. Розы. Бриллианты. Плоть и кость. Золото и платина. Камень и металл... Снаружи. Но внутри, – она повысила голос, – Стужа! Мы зависим от неё. Вся Кьертания стоит на ней и питается ею... Это... Как червь в яблоке, не правда ли? Только вот кто из нас червь? Можно сколько угодно твердить, что Стужа – за стенами... Но это, – она повернулась к Сердцу Стужи, – должно напомнить: Стужа – внутри нас. Каждого из нас. Даже... Пресветлых.

Губы Дерек Раллеми вдруг дрогнули в улыбке, и Омилия подняла бровь – обычно от этой её гримасы у служанок кровь стыла в жилах.

– Что такое? Мои слова кажутся вам смешными?

– Нет, конечно нет, пресветлая, – ответил юноша. Он больше не улыбался. – Только... – Он колебался, и Омилия кивнула нетерпеливо:

– Ну?

– Только... Вы зря думаете, что никто здесь не способен вас понять. Если вы... Если вам хочется поговорить с кем-то, поговорить по-настоящему... Я был бы счастлив оказаться удостоенным вашим доверием.

Еще пару минут они стояли молча, глядя в белое сияние Сердца Стужи.

– Я не желаю, чтобы мне лезли под кожу, – холодно сказала наконец Омилия. – Давайте возвращаться, господин Раллеми. Родители наверняка ждут нас обоих.

– Как прикажет пресветлая. – Он снова залился краской, явно собираясь и не решаясь сказать что-то ещё.

– Что? – буркнула Омилия. – Говорите уже.

Он наконец решился – как будто ухнул с вышки в воду:

– Вы... Поцелуете меня ещё раз?

Омилия закатила глаза, а потом не удержалась, хмыкнула:

– Конечно, нет. Пошли... То есть, пойдёмте. Нас ждут.

На этот раз он сам пошёл позади неё, не предлагая ей руку, и Омилия слышала его растерянное сопение у себя за спиной.

Больше оно её, впрочем, не занимало – как и сам Дерек Раллеми. Она снова думала о графине Ассели, таинственном незнакомце и их странном исчезновении. Разговоры про драфт, секретные планы и препараты тоже, бесспорно, могли оказаться интересными – и всё-таки исчезновение будоражило Омилию Химмельн, обожавшую книги и истории о всевозможных чудесах, больше остального.

Она должна была узнать, в чём тут фокус. Чувствовала, что не успокоится, пока не узнает. Ничто в дворцовом парке не исчезало бесследно – Омилия знала это лучше, чем кто-либо другой.

Унелъм. Поезд

Восьмой месяц 723 г. от начала Стужи

Ближе к станции, под козырьком, отяжелевшим от наледи и снега, стояли, прижавшись друг к другу, как цыплёнок с курицей, Миссе с матерью.

Укутана и разукрашена Миссе была, как весеннее чучело. Кажется, они с матерью нацепили на неё всю одежду и украшения, что у неё были, и при каждом движении многочисленные бусы и браслеты звякали так, что слышно было ещё на подходе к станции.

Волосы Миссе были, как всегда, заплетены во множество косичек, сплетавшихся в корзинку, но в этот раз корзинка была шаткой, кренилась на один бок, а выбившиеся прядки тут и там торчали из-под шапки, как перья у птицы, которую начали ощипывать.

Увидев Унелъма, она слабо улыбнулась. Её губы шевельнулись, но из них не донеслось ни звука.

Зато Хальсон помахала и улыбнулась ему, будто они встретились на площади или в лесу.
– Привет. Здравствуйте.

Наконец Брум собрался хоть немного – словно толпящиеся вокруг Сорты дети придали ему сил.

– Не переживай, Сорта, – заговорила мать Унелъма, и голос её был почти спокоен. – Ты знаешь, как мы любим девочек. Мы с Брумом будем помогать в твоё отсутствие, ведь твоей маме... Тяжело бывает со всем управиться. – Она повернулась к сбившимся в кучку сёстрам Хальсон. – Слышите? Приходите в любое время, когда пожелаете.

– Мы будем рады, – прошептал отец, и голос его напоминал шелест сухих листьев.

Сорта что-то ответила, а потом мать присела на корточки рядом с Иле. Маленькая мать Миссе бочком подбиралась к ним, крепче сжимая руку дочери и волоча её за собой. Её взгляд в отчаянии метался от Сорты к Унелъму, и тот понял: она только теперь осознала, что скоро руку дочери придётся отпустить, и, кроме них двоих, рядом с ней не будет знакомого лица.

Сетки оттащил Сорту немного в сторону, что-то бормоча, мать Ульма продолжала что-то говорить ей, мать Миссе заговорила с отцом, девочки галдели, и на мгновение Унелъму показалось, что он снова стал ребёнком, и родители привели его в школу в первый раз, и вот-вот тяжёлые деревянные ворота за спиной закроются, и он окажется в новом, неизведанном мире, где каждый сам за себя, а найденные в первый день друзья – всегда ошибка.

Ледяные рельсы сверкали в лучах вышедшего на небо солнца, Ока Мира. Небо было прозрачным, каким-то белёсым и почти сливалось по цвету с перламутровым сиянием Стужи. Голые деревья за станцией казались прочерченными по светлому фону грубыми угольными линиями.

Поезд пока не подогнали, и препараторов тоже не было видно. Станция находилась на возвышении на небольшом удалении от города – чтобы действие городских препаратов не вредило движению – и отсюда было видно почти весь Ильмор – ряды одинаковых крыш, расчерченные квадраты дворов, здание магистрата, храм. Можно было разглядеть даже памятник Химмельну. Отсюда он казался крошечным.

Унелъм смотрел на город, в котором родился и провёл всю жизнь. Он пытался почувствовать радость от того, что отправляется в путешествие – не о путешествиях ли он мечтал?

Вот только в мечтах парили шпили Вуан-Фо, звенели водопады Авденалии, дурманяще пахли яркие цветы на террасах дворцов Рамаша. В них никогда не было Къертании – хотя он

её толком не видел, не бывал нигде, кроме Ильмора и Тюра, куда его однажды в детстве взял с собой отец.

Никто, кроме родных, не должен был провожать их, – это было не принято.

Поезд и препараты появились одновременно.

Препараторы шли со стороны Ильмора – ястреб Стром, Дант, двое механикеров, чьи имена Ульм не запомнил, кропаль в сером камзоле, охотники... Кропаль дружески беседовал с одним из безымянных охотников, другой что-то горячо доказывал Данту. Ульм заметил, что его правая рука, которой он активно жестикулировал в разговоре, искривлена как-то неестественно, и отвёл взгляд.

Эрик Стром шёл чуть в отдалении, не участвуя в разговорах. Его взгляд равнодушно скользнул по Унельму, а потом цепко впился в Миссе и Сорту. Он переводил взгляд с одной на другую, как будто покупатель на невольничьем рынке, неторопливо решающий, которую купить.

С другой стороны раздался громкий рёв поезда, исторгнутый глоткой бьерана, закреплённой у лобового стекла – Унельм вздрогнул от неожиданности.

Конечно, он не раз видел поезда до того, но этот показался особенным – зловещим, живым, замышляющим утянуть Унельма в Стужу, напрямиком в мрачные владения Ледяного короля из страшных сказок.

В другое время Унельм залюбовался бы им. Собранный стараниями препаратов, он был завораживающе, мрачно красив.

Огромные глаза валов освещали поезду путь через тьму и вьюгу. Их поверхность дрожала, как у мыльного пузыря, и не верилось, что они выдержат путь через Стужу. Глаза были встроены в «морду» поезда, прямо под лобовым стеклом и гудком-глоткой бьерана. Десятки цепких лап ревок плавно скользили по ледяным рельсам в беспрестанном движении. Бока поезда, сплетённые из мышц и жил, мерно опускались и поднимались, как от дыхания. Редкие окошки были сделаны из желудочных пузырей – Унельм не знал, чьих. Их рамы топорщились когтями и зубами – и тут, и там моргали, следя за дорогой, зелёные хаары глаза.

По жилам поезда бежал дравт, качая двигатель – сердце вала. Любой мало-мальски сложный механизм не пришёл бы в движение без его живительных токов в сосудах. Только сердце вала, подгоняемое ими, было достаточно большим, чтобы двигать поезд с необходимой скоростью.

Все части, из которых его составили, были живыми – и неживыми одновременно. Это завораживало, и Унельм впервые всерьёз подумал о том, что отныне станет одним из тех, кто строит такие поезда.

– Все в сборе? – спросил Дант, потирая руки.

Абсолютно лишне – и так было ясно, что все пришли. Унельм пристальнее всмотрелся в земляка, но не увидел у него ни искривлённых, ни искусственных конечностей – вообще ничего, кроме глаза орма, да и тот смотрелся вполне естественно, нестрашно – не как у Строма. Шрамы, лёгкая хромота – не так плохо, девчонкам такое даже нравится.

Ульма это приободрило. Механикеры должны выглядеть и того лучше. А он станет одним из них.

Ястреб молчал – смотрел спокойно и немного печально. Поочередно кивнул девушкам, родителям, ему самому.

– У вас ещё несколько минут. – Тон его был деловитым, сухим, совсем не похожим на тот, которым он говорил вчера во время речи или когда успокаивал родителей. – Прощайтесь. Провожаящим в поезд нельзя.

Нельзя не потому, что поезд сколько-то для них опасен, подумал Ульм. Стараниями механикеров плоть, из которой он сделан, абсолютно безопасна для пассажиров. Препараторам не

нужны сцены и слёзы. Им хватило всего этого вчера – теперь они просто хотят закончить дело и вернуться в столицу.

Хорошо, что Хельна не пришла – со вчерашнего Шествия он так её и не увидел. Не велика потеря – и всё же Ульм был уязвлён. Оставалось надеяться, что не пришла она из-за того, что выплакала в подушку свои прекрасные пустые глаза, а не из-за того, что уже успела переключиться на кого-то другого – может, не такого весёлого или красивого, как Унельм Гарт, зато не уезжающего за тридевять земель.

Унельм бросил взгляд на Сорту и Миссе. Хальсон чуточку побледнела, но в остальном ничем не выдавала волнения. Не глядя ни на кого, она присела на корточки, чтобы ещё раз крепко обнять и расцеловать ревущих девчонок. Седки переминался с ноги на ногу, явно жалея, что вообще пришёл. Прощания не были его сильной стороной. Ульм ни разу не видел его на похоронах – в таких случаях он всегда появлялся уже тогда, когда все принимались за еду и питьё.

Миссе содрогалась от плача, как и её мать. Казалось, никто не сможет разорвать их объятий.

– Господин Стром! – вдруг простонала мать Миссе, повисая на дочери. – Она ведь совсем дитя! Может, можно мне с ней поехать? Как-нибудь, а? Прошу вас, ведь у вас тоже есть мать...

Миссе побледнела и только повторяла:

– Мама, не надо. Мама, не надо...

Унельм отвернулся. За его спиной Эрик Стром что-то говорил матери Миссе – твёрдо и спокойно, как будто утихомиривая испуганное животное. Плач начал утихать.

А потом всё пошло очень быстро. Поезд гудел, и что-то громко кричала Ада, бегущая к поезду, и снова плакала мать Миссе, но теперь тихо, безнадежно.

Дверцы из железа и дерева открылись, впуская их, и нутро поезда дохнуло теплом, теплом – почти инстинктивно Унельм подался вперед, как сделал бы любой житель окраины, – а потом дверцы за ним захлопнулись с мягким звуком – как олени губы.

Поезд развернулся, создавая изгиб новых ледяных опор. На повороте Ульм в последний раз увидел родителей, сестрёнок Хальсон, крошечную мать Миссе, крыши Ильмора вдали – а потом поезд набрал скорость и помчался быстро, так быстро, что всё за маленьким блестящим окном слилось в одну чёрно-белую муть. Он смотрел в неё, не видя.

Что-то тёплое ткнулось ему в бок. Это была Миссе – она всё ещё плакала. В обычных обстоятельствах Ульм попытался бы утешить симпатичную девчонку одним из своих фокусов, но сейчас это бы вряд ли помогло. Он машинально погладил её по плечу и поискал взглядом Сорту. Та стояла у самых дверей, прислонившись лбом к мягкой обивке вагона. В окно она не смотрела.

А потом не стало и окна – створки плоти на нём схлопнулись; вскоре они должны были въехать в Стужу.

Миссе. Поезд

Восьмой месяц 723 г. от начала Стужи

Миссе Луми плакала – и сама не знала, почему именно плачет. Тому было слишком много причин. Разлука с мамой – никогда прежде они не разлучались дольше, чем на день – с Ильмором, который Миссе никогда не покидала, с её комнаткой, набитой ящиками бусин, перьев и разноцветных ниток... Со всем, из чего до вчерашнего дня состояла её жизнь.

В глубине души, что бы там ни говорила мама, Миссе всегда считала себя неудачницей – в школе её вечно ловили на списывании там, где другим сходило с рук, она постоянно попадалась на глаза ребятам, с которыми мечтала дружить, в самом дурацком виде. Даже нитка на вышивке Миссе часто рвалась в самый неподходящий момент, а у мамы такого почти никогда не случалось.

И вот – апогей неудач. Окончательное подтверждение всех опасений. Ступая под Арки, Миссе боялась только одного: больно ушибиться при падении после того, как закружится голова и кровь пойдёт носом. И вот: мало того, что Арки выявили в ней способности препаратора – как сказал бы учитель Туре, статистически невероятное событие – они оказались ещё и неприлично, ужасающе, жутко сильными.

Миссе прекрасно знала, что те, кто способен пройти все четыре Арки без труда, встречаются не так часто, а значит нечего и рассчитывать на то, что ей позволят стать механикером или кропарём. Первое она представляла себе смутно, второе точно было кроваво и страшно, но она бы и на это согласилась, лишь бы не ходить в Стужу.

Впервые в жизни Миссе чувствовала такую сильную зависть – к Ульму, которого посредственное усвоение защитило от самого ужасного, и нечего было хмуриться и мрачнеть. На его месте она бы радовалась, да, радовалась.

А её ничто не спасёт от участи ястреба или охотницы – непонятно даже, что хуже, слишком мало она знала про то, как на самом деле проходит служба что тех, что других. В ней нет самообладания Сорты, которая явно не рисовалась, успокаивая сестрёнок, не проронив и слезинки. Она не сумеет быть такой смелой, твёрдой, решительной – даже безбашенной, а всеми этими качествами явно должен в полной мере обладать препаратор, обречённый охотиться в Стуже.

Миссе вспомнила, как мама сказала ей после того, как смочила её затылок кровью – собственной, потому что у неё не было отца – чтобы она была хорошей девочкой, слушалась старших и старалась учиться хорошо. Но всё это не поможет – обе они хорошо понимали, что не поможет, и всё равно Миссе постаралась улыбнуться и пообещала маме, что в Химмельборге будет стараться изо всех сил.

И она собиралась сдерживать обещание – но только когда они приедут в Химмельборг. Здесь, в поезде, мчащемся через Стужу, минуя снитиров, наверно, изумлённо глядевших им вслед, и сияющие огнями кьертанские поселения, Миссе Луми была уже не в Ильморе, но ещё и не в столице. Как будто немного нигде – а значит, пока не обязана держать обещание...

– В том, чтобы плакать, нет ничего стыдного, – вдруг сказал ястреб, до сих пор шедший рядом с ней сквозь вагоны молча. – Но лучше не плачь при других, когда окажешься в столице. И не бойся так, ладно? Мы сделаем всё, чтобы тебе помочь. Ты – одна из нас.

Кажется, не одну её это не слишком подбодрило – Унелм хмурился и всё время смотрел в пол, нервно постукивая себя по колену.

Зато Сорта успела не только снять шапку и шубу, но и привести в порядок волосы. Косы у неё лежали, обвившись вокруг головы, волосок к волоску, и вид был совершенно непроницаемый. В нём не было ни страха, ни вызова, ни попытки угодить. Миссе хотела бы уметь смотреть так же, но слёзы бежали и бежали по щекам, да к тому же она начала ещё и самым жалким образом шмыгать носом. Ей было стыдно, потому что после слов ястреба ей хотелось показать ему, что она может держать себя в руках, но ничего не выходило.

Искоса она наблюдала за ним. Его глаза, чёрный и жёлтый, затуманились, как будто он видел слой Души прямо сейчас. Воспользовавшись тем, что он не смотрит на них, Миссе снова разглядывала его лицо – путаницу белых и чёрных шрамов, ухо, верхнюю часть которого как будто срезало острым ножом, темноту, расплывшуюся по лицу от глаза орма.

Она представила, что когда-то и её лицо будет выглядеть так, если не хуже, и ей снова захотелось плакать.

Недавнее оживление как будто резко покинуло Строма, и Миссе вдруг заметила, что под его разноцветными глазами пролегли тёмные глубокие тени.

– Вам пора. Отдохните хорошо. Завтра у вас непростой день.

Он ушёл в другой вагон так стремительно, что пола плаща подняла лёгкий ветерок.

Некоторое время они трое постояли у закрытой створки. Миссе не знала, о чём говорить с Унельмом или Сортой, – но ей очень не хотелось уходить в свой отсек, оставаться одной. Она знала, что не сможет уснуть и снова будет плакать, может быть, до утра.

Но что если Унельм и Сорта чувствовали то же самое? Он казался хмурым, а она – спокойной, но вдруг и то, и другое было только маской? Возможно, они-то понимали, что учиться самообладанию стоит уже сейчас... Не дожидаясь, как решила она, приезда в столицу.

– Доброй ночи, – сказал Унельм, первым делая шаг в сторону своего отсека, бывшего в этом вагоне. Он выразительно посмотрел на Сорту, но та, в отличие от Миссе этого, видимо, не заметила. Только кивнула ему и отвернулась. Чего Ульм хотел? Поболтать с ней без чужих ушей? Эти двое вроде бы почти не общались, хотя и жили по соседству и в детстве были не разлей вода.

Такое случается – Миссе тоже давно не общалась ни с кем из друзей детства, хотя когда-то, помнится, про каждого из них была уверена, что это дружба навек.

Мама говорила, что настоящие друзья у неё появятся позже, когда все они станут постарше, но время шло, ребята из школы разбивались на группы, заключались и распались союзы, складывались парочки, а она так и осталась одна. Её никогда не обижали, но и сблизиться с ней никто не спешил. В последние месяцы ей показалось, что один мальчик, с которым они учились вместе, начал уделять ей внимание – вот только она не знала, что ей не хватит времени выяснить, так оно или нет.

Он не подошёл к ней после Шествия. Да и смысла подходить уже не было.

Сорта кашлянула:

– Ну, я, наверное...

– Подожди! – Миссе сама не ожидала, что скажет это – и тем более, что голос её будет звучать так умоляюще. – Может, мы можем... Поболтать немного... Или просто посидеть вместе, а? Пожалуйста.

Сорта явно колебалась. Хотя по её тёмным глазам было не разобрать – вид у неё, как казалось Миссе, всегда был довольно хмурый.

– Ты, наверное, хочешь отдохнуть, – пробормотала она, отступая. – Извини... Я просто...

«Просто могу стать для тебя обузой – и сейчас ты думаешь именно об этом и не хочешь заводить со мной разговоров».

И вдруг Сорта мягко улыбнулась и кивнула, как будто не расслышав её последние слова:

– Почему бы и нет. Пошли. Честно говоря, я не очень настроена на долгие разговоры. Но если хочешь посидеть вдвоём – мы можем.

Не веря своему счастью, Миссе проследовала за Сортой в её отсек. Они с трудом втиснулись туда вдвоём, примостились на койке, уже застеленной серым шерстяным одеялом, касаясь друг друга коленями и плечами.

Некоторое время они молчали. Потом Миссе не удержалась, заговорила снова.

«Может, поэтому они и не хотели звать меня в свою компанию».

– Извини... Я просто не хотела оставаться одна. Подумала, может, и ты... – Она осеклась. – То есть, я не то имела в виду. Я не думала, что ты...

– Да всё в порядке. – Сорта задумчиво ковыряла дыру на шерстяном рукаве у самого запястья. – Мне тоже немного не по себе. Было бы странно, если бы кому-то из нас не было, правда?

Миссе чувствовала: Сорта говорит так, просто чтобы её успокоить, но ощутила, что захлёбывается благодарностью.

– Да. Наверно, да. – Миссе снова покосилась на рукав Сорты. – Хочешь, я заштопаю? У меня нитка с иглкой есть.

Сорта хмыкнула:

– Что, прямо с собой?

– Ну да. – Миссе сунула руку в карман, радуясь, что выпал случай похвастаться своими сокровищами. – Это мне мама подарила. – В коробочке из кости тонкой работы, изрезанной рисунками снежинок, оленей и хвойных веток, лежали маленькие ножницы, набор игл, десяток катушек ниток, изящный напёрсток, пучок перьев и тканевый мешочек с пуговицами и бусинами.

– У меня гораздо больше есть, но здесь самое необходимое, – она осеклась, подумав, что не стоит слишком уж хвастаться.

Но Сорта, кажется, не обратила внимания – погладила кончиком пальца напёрсток, взяла катушку с чёрными нитками, покрутила в руках, осторожно положила обратно.

– Здорово. Мне снять кофту?

– Я так зашью! – Миссе торопливо оторвала маленький кусок красной нитки, протянула Сорте: – Зажми во рту.

Та вытаращила глаза:

– Это ещё зачем?

– Чтобы жизнь не укорачивалась. Твоя мама так не делала?

– Нет.

Видимо, госпоже Хальсон в принципе было не до того, чтобы чинить одежду многочисленных отпрысков. Штопая рукав, Миссе заметила ещё одну маленькую прореху – на плече.

Сорта послушно зажимала губами обрывок нитки, и в тусклом свете валового светильника у них над головами казалось, что изо рта у неё стекает тончайшая струйка крови. От этой мысли Миссе снова стало не по себе. Занимаясь любимым делом, она на мгновение забыла, где они и куда и зачем едут.

Её руки дрогнули, и Сорта тихо зашипела.

– Прости! Прости, пожалуйста!

– Да всё в порядке. Но давай я лучше всё-таки сниму кофту.

Под кофтой у Сорты обнаружилась рубашка – коричневая, а не белая, как те, что шила для неё самой и на продажу мама Миссе.

– У тебя очень красивая рубашка.

– Ну да, ну да, – Сорта снова хмыкнула, на этот раз скептически.

– Нет, правда. Кто это вышил? – Миссе кивнула на красную вышивку на рукаве. – Коровы – символ спокойствия. Колосья – плодородия. А вороны должны принести удачу.

– Что ж, плодородие нам вряд ли понадобится, а вот остальное пригодится. – Сорта прислонилась к стене. – Вышивала бабушка, наверно. Не помню, откуда взялась эта рубашка.

Миссе закончила работу в тишине.

– Слушай... – Наверное, говорить этого не стоило, но это не давало ей покоя. – Я знаю, что ты считаешь меня бесполе...

– Луми, – тихо, но твёрдо сказала Сорта. – Давай кое-что проясним, ладно? Это не какое-то соревнование. И не командная игра. Я не могу говорить за Ульма – но, если от меня будет зависеть, помочь ли тебе, я помогу. Если это потребует от меня действий в ущерб себе – скорее всего, не смогу помочь, как бы мне ни хотелось. Я думаю, что и ты ответишь мне тем же. Судя по препараторам в поезде, все они люди, Миссе. И, возможно, Стром говорит правду о том, что нам действительно постараются помочь во всём, в чём можно. Но не надо полагаться на помощь других слишком сильно. Каждому из нас придётся нелегко – но если каждый из нас, – она сделала особый акцент на этих словах, – проявит смелость и упорство, мы все будем в порядке. Пожалуйста, не подумай, что я пытаюсь укорить тебя или испугать. Поверь, я говорю это только потому, что хочу, чтобы с тобой всё было хорошо.

Миссе низко опустила голову. Она сама не знала, что чувствует, – злится на Сорту или ранена её словами, благодарна за них или мечтает, чтобы они никогда не рождались на свет.

– Ты прямо воплощённая старшая сестра, – пробормотала она наконец, и Сорта улыбнулась:

– Пожалуй. У меня большая практика. Спасибо, что заштопала кофту.

– Пожалуйста. – Миссе помедлила. – И тебе спасибо. Можно... Я посижу здесь ещё немного?

– Можно.

И они посидели ещё немного, слушая, как звенят и скрипят где-то под ними ледяные рельсы – и воет ветер Стужи за стеной.

Сорта. Поезд

Восьмой месяц 723 г. от начала Стужи

Миссе ушла, и я расстелила на полке плоский серый матрас, простыню, одеяло и шерстяное покрывало. Лежать так было тепло и уютно, но сон не шёл. Движение поезда – то ритмичное и плавное, то дергающее, когда он будто спотыкался или резко останавливался, чтобы обогнуть препятствие – было слишком непривычным. Несколько раз, уже почти погрузившись в сон, я выныривала из него, как будто провалившись ногой мимо ступеньки.

В конце концов, я встала, накинула ещё одну кофту и вышла из своего отсека в общее пространство. Оно неярко освещалось зеленоватым валовым светом, и я осторожно коснулась пульсирующего бока вагона – переплетения металла, дерева и мышц, мёртвого и живого, поставленного человеку на службу.

– Не спится?

Эрик Стром подошёл ко мне так тихо, что я вздрогнула.

– Немного.

– Волнуешься? – Он, судя всему, и не ложился – под запахнутым плащом был всё тот же тёмный камзол с шитьём, в котором он встретил нас на станции. На руках – перчатки, несмотря на то, что в вагоне тепло.

– Нет. Просто я раньше не ездила на поездах.

– Понимаю, это непривычно. – Он помолчал, и я уже готовилась ответить на его дежурное «доброй ночи», когда он вдруг сказал:

– Хочешь посмотреть на Стужу? – и, не дождавшись моего ответа, поманил меня к переборке, отделявшей один вагон от другого.

Я последовала за ним – всё это казалось таким логичным и простым, что я даже заподозрила, что всё же уснула и вижу сон.

– Сюда.

Мы оказались в пространстве между вагонами – стенки здесь были более гибкими, а воздух стал прохладнее – я запахнула кофту, радуясь, что догадалась её надеть.

Всё-таки не сон.

– Готова?

Я кивнула, и он осторожно коснулся мускулистой стены поезда, нажал на костяной выступ – и бурая поверхность забугрилась, раздвигаясь, приоткрываясь, как губы. Между ними оказалась плёнка – тонкая, прозрачная, как пузырь на поверхности мыльной воды.

– Это безопасно?

– Для нас с тобой – да. Как и для других препараторов. На самом деле, почти для всех безопасно. Уровень воздействия сквозь окно ничтожный... Но всё-таки показывать это людям не положено.

– Значит, мы – не люди?

Он усмехнулся:

– А препараты – живые или нет? Привыкай к вопросам без правильных ответов, Хальсон.

Это было частью его работы – запомнить наши имена, но мне всё равно было приятно слышать от него своё.

– Смотри. – Он сделал шаг в сторону, пропуская меня к «окну», и я впервые увидела Стужу.

Мне пришлось встать на цыпочки, и это было не слишком удобно – Эрик Стром открыл окно на уровне собственного лица – но уже через мгновение я забыла об этом.

Я думала, что знаю Стужу лучше многих других – ведь я прожила всю свою жизнь недалеко от неё. Я знала, что Стужа жестока, опасна и коварна, что от неё в сторону Ильмора идёт вечная невидимая волна холода и смерти, только и ждущая, что люди дадут слабину. Перед сном в детстве я слушала страшные истории о том, как Стужа находила брешь в системе препаратов из-за чьей-то чудовищной ошибки – или в результате аномалии, которой втайне боялся, должно быть, любой житель Кьертании.

Да, я впитала с материнским молоком знание о том, какой ужасной может быть Стужа – но никогда раньше я не задумывалась над тем, что она была ещё и красива.

Все оттенки белого, синего, чёрного соединились в ней – поезд стремительно прокладывал ледяные рельсы через бескрайние снега. Снежные равнины и холмы, горы снега, причудливые обрывы, похожие на высокие волны, застывшие в полёте, леса из витых и острых ледяных пиков, переплетений дуг и крючьев, сотканных из инея, похожих на огромные древние кости.

Снег Стужи не был похож на обычный снег, большую часть года без устали заметавший Ильмор до самых крыш. Этот снег мерцал, как битое стекло, и даже ночь в Стуже казалась напоённой светом. Свет наполнял ямы и впадины, покрывал склоны гор, и этот же свет, казалось, дарил жизнь далёким созвездиям, расчертившим чёрное низкое небо. Ни одно из этих созвездий не показалось мне знакомым.

– Смотри туда.

Я почти забыла о ястребе, о том, что смотрю на Стужу через тонкую плёнку в стене поезда – и забыла бы обо всём на свете, если бы Стром меня не окликнул.

– Скорей!

Там, на гребне пологого ледяного холма, двигались лёгкие тёмные фигуры – стремительные, гордо несущие увенчанные рогами маленькие головы. Длинные, похожие на женские волосы, хвосты стлались за ними. Миг – и поезд оставил их позади.

– Это были эвены?

– Да. Небольшое стадо. – Я покосилась на Эрика Строма и заметила, что его зрачки слегка расширились, а дыхание участилось. Он походил на хищного зверя, сделавшего охотничью стойку, заведя добычу, и я почувствовала смутное волнение, как будто собственное будущее на миг открылось мне.

– А их души? Вы их видели?

– Это не так работает. Чтобы видеть души снитиров, ястребам нужно находиться на уровне Души. Так что сейчас мы с тобой видим одно и то же.

– Уровень Души... Он отличается от этого? – Я знала ответ, но мне хотелось поговорить с ним подольше.

Эрик Стром кивнул – сам он смотрел за окно жадно и неотрывно, хотя, должно быть, видел оба уровня Стужи сотни раз.

– Отличается так же сильно, как Стужа – от того, что за её пределами. Впрочем, ты, может, и сама в этом убедишься.

– Вряд ли. Я прошла только три арки.

Видимо, досада в моём голосе оказалась слишком заметной, потому что Стром наконец посмотрел на меня.

– Да, но ты была близка к четвёртой. Если будешь показывать хорошие результаты в Гнезде, сможешь подать заявку на пересмотр результатов Шествия.

Раньше я ничего не слышала об этом.

– И часто бывает пересмотр?

– Очень редко.

Искра надежды – но любой, кто хоть раз страдал, знает, что это лучше, чем ничего.

Стром снова провёл рукой в перчатке по стене – и «окно» медленно сомкнулось, скрывая белое сияние Стужи от наших глаз.

– Ты так хотела бы быть ястребом?

– Я с детства ими восхищалась. Кроме того, если уж быть препаратором... – Я остановилась. Следовало быть осторожной. Стром – не один из Ильмора, и нельзя было давать ему заподозрить, что для меня собственное усвоение не стало сюрпризом.

– ...то только ястребом, так? – Он мягко улыбнулся, но эта улыбка не слишком соответствовала неприкрытой иронии в голосе. – В службе ястреба не так много романтики, как может показаться по школьным учебникам или романам с картинками.

– Да. Но большинство в совете Десяти – ястребы, и, если посмотреть на статистику показателей по кругам... – Я снова запнулась, а Стром посмотрел на меня внимательнее.

– Верно. Показатели каждого в круге считаются по разным формулам – и быть ястребом не только почётно, но и выгодно... Особенно для тех, кто выживет.

– Многие охотники служат без ястребов?

Если Стром и заметил мою резкую попытку перевести тему, вида он не подал.

– Это неизбежно. Ястребов на всех не хватает, и от охотника без ястреба тоже может быть польза.

«Как и от ястреба без охотника?»

Этот вопрос я не решилась задать, и Эрик Стром погладил бок поезда, словно живое существо – «окно» в нём окончательно затянулось.

– Полагаю, Стужа недостаточно усыпила тебя?

Я осторожно улыбнулась:

– Думаю, теперь я вообще не усну.

– А я предупреждал их, что наставник из меня так себе – и всё равно каждый год меня пытаются заманить в Гнездо. – Заметив мой недоумённый взгляд, он пояснил: – Так называют общежитие будущих ястребов и охотников. Тех, кто прошёл три или четыре арки на Шествии.

Это значило, что в Химмельборге мы с Унельмом будем жить порознь. Облегчение – но и некоторое разочарование. Если кому-то из нас действительно понадобится помощь другого, это может оказаться труднее, чем мы оба думали.

– А где живут остальные?

– Их общежитие называют Коробкой. Недалеко от Гнезда, в соседнем районе.

Кажется, наш разговор был окончен, но мне не хотелось возвращаться в свой отсек, чтобы снова мучиться бессонницей.

– В Гнезде есть библиотека? А в тавлы там играют?

– Конечно. И очень хорошая – ещё недалеко от нашего Гнезда есть городская, имени Адоркера Химмельна. Если чего-то нет в нашей – обычно все идут туда.

– Вы учились в том же Гнезде, куда едем мы с Миссе?

– Да. Я был к нему прикреплен.

Задумавшись над этой странной формулировкой, я не сразу заметила, что и Эрик Стром погрузился в свои мысли.

– Ты упомянула тавлы. Любишь играть? Если да, не хочешь партию? Мне тоже не спится. Я кивнула так торопливо, что шея заболела.

– Да! То есть, хочу. У меня есть поля, принести?

– Ни к чему. У меня свои. Иди в общий отсек, я догоню.

В общем отсеке было пусто. Все спали – наверное, все, кроме механикера, ведущего поезд, и нас со Стромом.

Теперь чувство нереальности происходящего снова заполнило вагон – Эрик Стром принес поля для тавлов и набор костяных фигур, куда более дорогих и красивых, чем мои. Каждый

ястреб был сделан в виде маленькой хищной птицы, а охотники топорщились искусно вырезанными копиями, острыми с виду – не удержавшись, я потрогала одно кончиком пальца.

– Красивые. Мы будем играть по полным правилам, или?..

– Если ты умеешь – по полным. Судя по твоему оскорблённому виду, умеешь.

Он быстро и аккуратно расставил фигуры по полям, снял, наконец, перчатки. Я заметила, что его ногти куда темнее, чем положено, а по левой кисти струятся вниз, от разъёма, чёрные тонкие полосы, похожие на тёмные реки под кожей – вживлённый препарат или следы от эликсиров?

Мы бросили кости. Мне выпало ходить первой, и я задумалась – не хотелось делать ученических, типичных ходов. Раз уж повезло играть в тавлы с одним из Десяти, мне хотелось его впечатлить, и я двинула вперёд своего ястреба, открывая игровой слой Души. Охотника, парного ястребу, я подвинула на то же расстояние в противоположном направлении – на поле Мира.

Стром улыбнулся:

– Вот как. – И взялся за одного из охотников. Простой ход – но после моего, самоуверенного, он открывал ему десятки возможностей.

Возможно, он подумал, что я вообще играть не умею. Над следующим ходом я думала дольше – и, снова передвинув ястреба, подставила собственного охотника под удар Строма. Нехитрая ловушка – конечно, он увидел её сразу же.

– Вижу, ты не откладываешь то, что можно сделать сразу, так?

Мы оба погрузились в молчание. Это было приятное, плотное молчание – то, за что я больше всего любила тавлы. Двое над полями думают над общей задачей – но победить может только один.

Прошёл час или около того – когда играешь, время всегда идёт немного по-другому. Эрик Стром оказался сильным игроком – в Ильморе мне не приходилось играть с кем-то настолько сильным, исключая, разве что, госпожу Торре. Поначалу, поняв, что играть я умею, Стром делал обманчиво простые ходы – а когда я расслабилась, ударил сразу по трём фронтам, вынудив меня занервничать и начать совершать ошибки одну за другой. Потеряв второго динна, я заставила себя успокоиться – мне уже понятно было, что эту партию я проиграю, но ещё оставались способы сделать это достойно.

Хоть это мне удалось – к концу партии я обезглавила армию на поле Души Строма. Это уже не могло спасти меня, но, по крайней мере, самолюбие моё было уязвлено меньше, чем могло бы.

– Неплохо, – сказал Стром, собирая фигуры. – Ещё разок?

Я кивнула. Теперь, лучше зная его манеру игры, я рассчитывала победить.

Но меня ждал сюрприз. Эрик Стром вёл следующую партию так, словно со мной играл теперь совсем другой человек. В первый раз после обманки он играл напористо, агрессивно, без особых сожалений жертвуя фигурами. Теперь он играл осторожно, мягко, и наши армии кружили друг вокруг друга на полях, пока я не начала уставать. И вот тогда-то он ударил – я пропустила две опасные ловушки, которые, не измотай он меня так, заметила бы наверняка.

– Спасибо за игру, – сказал Стром, забирая моего владельца с доски. Он улыбался.

– Давайте ещё.

– Ну нет. Тебе пора спать. Завтра трудный день – продолжить играть будет безответственно с моей стороны.

– Я спать совсем не хочу...

– Ничего не поделаешь. Считай, что это приказ, Хальсон. Привыкай – скоро ты будешь на службе, а там не всегда получается делать, что хочешь. – На этот раз он говорил без улыбки, и спорить не следовало. Я забылась – тавлы всегда были для меня пространством, стирающим границы – но забываться в компании ястреба из Десяти не следовало.

Я поднялась из-за стола и почувствовала, что затекли ноги. Валовые светильники горели ровно. Невозможно было понять, сколько времени мы провели за игрой.

– Ты хорошо играешь, Хальсон, – сказал он мне в спину, собирая фигуры. – В Химмельборге тебе это пригодится.

– Спасибо. Там многие любят тавлы?

– Нет. Но там многие любят играть. Доброй ночи, Хальсон.

Я думала, устраиваясь на койке в своём отсеке, вначале над его словами, потом – над второй партией. Был ли у меня шанс победить? Стром не согласился на третью партию потому, что устал, потому, что хотел дать поспать мне, или потому, что ещё одной новой стратегии у него в запасе не было?

Поверить в первые два варианта казалось куда проще.

Я была слишком взбудоражена, чтобы уснуть сразу – под веками появлялись, сменяя друг друга, лёгкие и быстрые эвены, белое сияние Стужи, острые ледяные деревья, костяные фигурки на полях, тёмный узор на руке Строма – и я сама не заметила, как задремала. А потом – казалось, через мгновение – поезд остановился, и я открыла глаза.

Миссе. Химмельборг

Восьмой месяц, 723 г. от начала Стужи

Миссе проснулась от стука и подумала спросонок, что проспала, и мама будит её, почему-то не заходя в комнату.

А потом вспомнила, где находится, и открыла глаза.

– Прибываем в Химмельборг через полчаса.

Она услышала звук шагов, удаляющийся от её отсека по проходу. Заметалась – успеет ли она умыться и привести в порядок растрепавшиеся волосы?

После возвращения от Сорты в свой отсек она снова поплакала, пока, наконец, не уснула, и сон её был прерывист и неглубок. Но почему-то она чувствовала себя так, как будто не смогла бы уснуть опять, даже если бы ей разрешили. Мысль о прибытии в столицу, о которой она столько слышала, но которую никогда не видела своими глазами, будоражила.

Миссе вышла в проход и сощурилась – в глаза ударил яркий свет из-под поднятых створок. Сорты и Унелъм уже были здесь – оба стояли, прижавшись к окошкам, и смотрели, как постепенно поезд поглощается Химмельборгом.

Миссе тихонько встала рядом с ними, забыв о растрёпанных косичках и неумытом заплаканном лице.

От увиденного за окном закружилась голова и она поняла, что Сорты и Ульм не поздоровались с ней совсем не потому, что она успела сделать что-то не так, а потому, что просто не заметили её. Она и сама, засмотревшись на Химмельборг, забыла обо всём на свете.

Высокие дома – в три, в четыре, даже в пять этажей – сияли разноцветными стёклами окон, тускло блестели чугунными решётками балконов и оградок. Изогнутое литьё фонарей – вечером они, должно быть, засияют валовым светом, и в городе будет светло, как днём. Брусчатые мостовые. Гнутые мостики, перекинутые через реку, – поезд проехал её слишком быстро, но Миссе успела сосчитать их. Три гнутых мостика – один за другим, и у основания каждого – статуи, изображающие хищных зверей, готовых к прыжку.

Храмы Души, светлые, прозрачные, с сияющими серебристой черепицей крышами и высокими башенками, и храмы Мира – массивные, приземистые, укрытые крышами цвета золота и бронзы, слепящими глаза. Миссе даже разглядела огромный гонг, похожий на солнце, под крышей одного из них. Звука такого гонга хватило бы, наверно, чтобы созвать всех жителей Ильмора, от одного конца до другого.

Круглая площадь – там раскинулись разноцветные палатки, и торговцы ходили, разнося что-то на подносах, и люди сидели прямо на улице за столиками, и в корзинках рядом с ними что-то цвело.

Миссе вдруг подумала, что ритм и звук, с которым шёл поезд, изменились – теперь не было ни скрипа, ни звона, ни рывков, когда лапы ревок выбрасывались навстречу новым ледяным опорам. Здесь, в городе, были, значит, проложены настоящие постоянные рельсы, и поезд катился по ним бесшумно и быстро, на настоящих колёсах, поджатых до того к днищу, и пол теперь почти не качался под ногами.

А ещё здесь были фонтаны – струи взлетали высоко, до уровня вторых этажей, и серебрились в солнечных лучах, как будто в них плескались не видные глазу крошечные рыбки.

И зелень, зелень повсюду! Листья на деревьях, растущих на одинаковом расстоянии друг от друга, плавно колыхались от ветерка, и похожи были на лёгкую пену. Некоторые цвели ядо-

вито-розовыми и белыми цветами, и Миссе представила, как вот-вот почувствует их аромат, и задрожала.

Цветы росли в корзиночках, подвешенных к балконам, вроде тех, на площади, и на обочинах дорог. По дорогам катились коляски, запряжённые оленями, крупными, лоснящимися – не то, что ильморские, – и колёсные автомеханики, сделанные из металла и препаратов.

– Смотрите! – Ульм, который теперь не хмурился, ткнул пальцем куда-то влево и вверх, и, проследив за ним, Миссе увидела белый след в небе, похожий на падающую звезду. Но звезду нельзя увидеть днём.

– Что это?

– Паритель летит, – сказал Ульм, и Миссе заметила, что глаза его жадно блестят – как будто в воображении это он проносился в том парителе высоко-высоко над землёй, летя из Кьертании к далёким чужим континентам и странам.

Миссе ни за что не решилась бы забраться туда и очутиться так высоко, какие бы чудеса ей за это ни обещали.

Саму её куда больше архитектурных и механических чудес поразило то, как были одеты здешние люди. Ни длинных шуб, ни шапок или больших рукавиц и высоких тёплых сапог.

Женщины здесь ходили с открытыми руками – Миссе сама видела двух оживлённо болтающих подруг, с виду её ровесниц, одетых в приталенные платья с длинными юбками не толще нательной рубашки, розовое и жёлтое, с мелкой вышивкой по всему подолу – жалко, что Миссе не могла её рассмотреть – и лёгкими полупрозрачными накидками с капюшонами. Накидки были невесомые, как будто из воды, и капюшоны лежали у девушек на плечах.

Прически у них были совсем не такие, как носили в Ильморе, – очень высокие, причудливые. На такие не наденешь ни шапку, ни платка, не испортив сложность конструкции. Разве что этот капюшон, как будто сделанный из паутины, не мог испортить их – да и то надевать стоило бы осторожней.

Мужчины носили пиджаки и рубашки; на ком-то Миссе увидела куртки из кожи и шейные платки. Но куртки эти были расстёгнуты, а некоторые даже несли в руках.

– Там тепло, – сказал Унельм. – Вы видите? Цветы, их одежда. Там очень тепло! – От избытка чувств он подбросил на ладони карточную колоду – одну из тех, что вечно таскал с собой. Карты разлетелись веером – но он ловко поймал их.

Сорта, единственная из них, не проронила пока ни слова, но Миссе услышала, что она учащённо дышит и слегка постукивает по раме окна.

– Готовы? – Эрик Стром подошёл к ним бесшумно, как кот, и Миссе вздрогнула от неожиданности.

Вразнобой они неловко поздоровались с ним, и он кивнул в ответ.

– Вас заберут от станции. Помогут разобраться...

– Вы с нами не пойдёте? – спросила Сорта быстро и тут же нахмурилась – видимо, раздосадованная тем, что выдала таки своё волнение.

Стром покачал головой.

– Нет. Мне нужно отчитаться о поездке и сделать кое-какие другие дела. Но через пару дней я навещу вас в общежитии. Я часто там бываю. Может быть, я даже буду вас учить – но пока не уверен. – Судя по выражению его лица, Стром вряд ли горел желанием учить кого бы то ни было.

– Общежитии, – повторила Сорта. – В какой части города оно находится?

– Недалеко от центра. В первые несколько дней, пока прибывают остальные рекруты, у вас будет время освоиться. Я бы на вашем месте зашёл в здешние храмы, музеи, Главную библиотеку... Потом вы наверняка не сможете погулять вдоволь, так что лучше ловить момент. – Голос у Эрика Строма стал какой-то напряжённый, и Миссе даже подумала, не увидел ли он кого-то неприятного за окном поезда – но он туда и не смотрел. Конечно, ястреба, давно живу-

щего в этом удивительном городе, все его чудеса должны были оставить равнодушным – хотя Миссе всё равно не удержалась бы от искушения поглазеть из окна, даже вернись они обратно в Ильмор. При мысли об этом горячо стало глазам, и она сморгнула слёзы.

Не плакать. В столице – нельзя.

Стром по-прежнему не смотрел в окно – и лицо его выглядело бледнее, чем обычно. Если бы Миссе могла поверить в то, что есть кто-то, кому это удивительное место не нравится, это был бы Стром.

Её же Химмельборг приводил в такой восторг, что даже неизбежное будущее стало казаться ей менее страшным.

– До встречи. Мы скоро увидимся снова. – Эрик Стром внимательно посмотрел на неё, а потом на Сорту – по Ульму куда более небрежно скользнул взглядом. – И удачи вам.

Когда поезд мягко остановился у станции, Дант, видимо, только продравший глаза, поминал их за собой, и повёл, оглушённых, растерянных, через такую плотную толпу, какой в Ильморе не бывало даже на городских празднествах.

Миссе ухватила за край Сортиной шубы, чтобы не потерять их с Ульмом в толпе, и мощное людское течение мотало её из стороны в сторону, как рыбёшку-прилипалу, привязавшуюся к рыбе покрупней.

Течение вынесло их из дверей закрытой станции, построенной из кости, дерева и синего стекла, и горячий воздух упруго рванул им навстречу, заставив Миссе громко ахнуть от радости. Сладкий запах цветов, выпечки и чего-то ещё, незнакомого, – так, кажется, могло бы пахнуть яркое синее небо у них над головой. И тепло! На ходу Миссе стащила с себя шубу, с трудом уместила её под мышкой, сунув в рукав шерстяную шапочку. Но и без шубы и шапки ей очень быстро стало жарко – под шерстяной кофтой и нательной рубашкой она почти сразу вспотела, и первая эйфория сменилась растерянностью. В одной руке – сумка, в другой – ком шубы; люди на площади перед станцией толкали её со всех сторон, и Сорты тоже сняла шубу – не за что стало держаться.

Миссе видела черноволосую голову Сорты, выделяющуюся на фоне других, и торопилась изо всех сил, чтобы не отставать. Но в какой-то момент её в очередной раз пихнул чей-то острый локоть, а в следующий миг Миссе поняла, что больше не видит ни Сорты, ни Данта с Ульмом.

При мысли о том, что она отстала от остальных и потерялась в толпе, Миссе прошиб холодный пот. Что ей делать, у кого просить помощи? Можно попробовать вернуться на станцию, но из поезда все наверняка уже ушли. Она была так растеряна вчера, что никого не запомнила в лицо, кроме Строма, и вряд ли сумеет узнать своих попутчиков, даже если на них наткнётся.

Миссе отчаянно вертела головой, и шуба медленно сползала из её рук на землю.

Цветы, торговец горячими булками, быстрая разноцветная толпа, кто-то смеётся, кто-то очень громко говорит, острые крыши вокруг площади, алые и белые двери, вывески и витрины из жёлтого стекла... У неё закружилась голова, и она уже собиралась забыть совет Строма и всё-таки расплакаться, когда чья-то рука сильно ухватила её повыше локтя.

– Ты чего встала? Нам нужно идти дальше. – Это был Ульм, и он, видимо, окончательно повеселевший, подмигнул ей:

– Лучше дай мне свою сумку... Или шубу. И не подумай: я не грабитель. Просто вид у тебя уж очень измотанный.

Она протянула ему шубу.

– Спасибо... – Он только отмахнулся, насвистывая.

Теперь идти стало легче, кроме того, они миновали шумную площадь и свернули на небольшую улицу. Людей здесь было меньше, но город всё равно гудел, как переполненный улей, не утихая. Пот так и струился у Миссе по спине и шее, нижняя рубашка липла к телу. До

сих пор Миссе Луми никогда не думала, что однажды будет страдать от того, что ей слишком тепло – а вот, меньше часа в столице, и она уже столкнулась с такой диковиной.

В Ильморе каждая минута тепла – блаженная передышка на вес золота, а здесь легко одетые люди объедаются этим теплом, плавают в нём, как в бадье с горячей водой в бане, и сами не понимают своего счастья.

– Здесь всегда так тепло? – спросила она Данта, поравнявшись с ним.

– Неа. Скоро станет прохладнее – механикеры начнут переход к осени через пару недель. А потом и зима... Но зима здесь совсем не такая, как дома. – Дант хохотнул. – Сама увидишь. Это и не зима вовсе... Хотя, кто родился в столице, считают, что жуть как холодно.

– А раньше что, было ещё теплей, чем сейчас?

– О! – Дант закатил глаза. – Гораздо. Вот прошлым летом была жарница – по мне, так даже чересчур.

– Ты сказал «механикеры начнут переход», – повторил Ульм, – это как? Препараты ведь греют сами собой... Или нет?

– В мелких городах типа Ильмора – да, их заряжают и меняют каждый год под Шествие, вы и сами видели... Но дальше на их работу могут влиять разные случайности, и погода плавает туда-сюда. Ну и препаратов мало, и они довольно простые. В городах побольше есть свои препараты, которые, если надо, исправляют дело... Контролируют сезоны и погоду, в общем. Так что если хотите знать, когда прихватить зонт – следите за газетами, мой вам совет.

Миссе вспомнила, как много лет назад, когда она была совсем малышкой, группа препаратов приезжала в Ильмор из ближайшего крупного города, потому что с препаратами на южных окраинах что-то пошло сильно не так, и всё начало замерзать – а граница со Стужей угрожающе колебаться. Тогда удалось всё исправить вовремя, но взрослые ещё долго толковали после работы о том, какое это безобразие, что Ильмору – из-за того, что он мал, из-за того, что почти ничего, кроме овощей, не производит – не выделено постоянных препаратов, которые сумеют, случись что, предотвратить катастрофу. Миссе от всех этих разговоров мучили кошмары, и маме пришлось долго успокаивать её, убеждая, что система, поддерживающая Ильмор, слишком хорошо отлажена, да и проверяется каждый год, чтобы переживать из-за этого всерьёз.

– ...Здесь, в Химмельборге, контроль погоды осуществляют такие сложные системы, что отлаживать их механикерам приходится почти постоянно – зато они рассчитывают погоду в городе до мелочей. Ну да тебе это скоро лучше меня объяснят. – Дант ткнул пальцем вперёд. – Мы, кстати, почти пришли туда, где ты будешь жить.

– Мы разве не вместе будем? – быстро спросил Ульм, но Дант покачал головой.

– Неа. Те, кто прошёл меньше трёх Арок, живут и учатся отдельно. Твоё общежитие на улице Гемини. Дом пятый, но мы тебя проводим, не потеряешься. Я Строму обещал передать тебя им с рук на руки. После обучения решают, с мёртвой плотью препаратору работать или с живой. Но про тебя-то уже всё ясно, так что можешь особо не волноваться. Тебе повезло, если хочешь знать мое мнение. У кропарей самая грязная работа. – Дант поёжился. – Я бы лучше каждый день гулял по Стуже, чем кроил чужие тела...

– А мы? – быстро спросила Сорта, видимо, заметив, что Миссе начинает бледнеть. – Где мы будем жить?

Дант довольно ухмыльнулся, как будто их будущее жилище было его личной заслугой.

– А... Мы чуть дальше. Ближе к сердцу города. На улице Кропарей. Мы всё время про это шутим. Улица кропарей, а общежитие – ястребов и охотников... Его называют Гнездом.

Сердце Миссе упало. Теперь следовало окончательно признать: надежды нет, но она всё же не удержалась и, дрожа, спросила:

– А что, если прошёл больше двух Арок, уже точно готовят в Стужу? Точно-точно?

– Ну, почти всегда, – Дант, кажется, не услышал терзаний в её голосе. – Разве что совсем бездарем окажешься. Но Арки редко ошибаются. К тому же кропари многое могут в тебе поправить. А охотники и ястребы реже других встречаются – так что за каждого из нас борются... Стараются обучить. – Дант говорил гордо, задрал нос.

– Успокойся, – вдруг сказала ей Сорта негромко, замедляя шаг, чтобы оказаться с ней рядом. – Хватит.

Миссе послушалась. Они молча дошли до общежития Ульма, большого трёхэтажного здания из серого кирпича – длинного, с ровными рядами одинаковых окон со светлого-голубыми стёклами, похожего на коробку, окружённую садом. По железной изгороди густо вились тёмно-зелёные ползучие растения. На створках – ладонь и звезда, символ механикеров, и символ кропарей – ладонь и широко распахнутое око. Выше, над воротами, – объединенные звезда, ладонь и звезда, символ единства препараторов.

В воздухе разливалось негромкое мерное жужжание. Пчёлы вились над рыжими лохматыми цветочными головками в каменных чашах по обе стороны от главного входа.

– Это главный корпус, – сообщил Дант Ульму. – Здесь живут новенькие и те, кто их учит. Его называют Коробкой – оригинально, да? За ним – ещё два здания. То, что побольше, – столовая, прачечная, библиотека... Сам разберёшься, в общем, тебе ещё всё покажут. В здании поменьше живут те, у кого временно нет жилья в городе. У нас такое тоже есть. После окончания учёбы все стараются что-то в городе снять... О, а это за тобой!

От главного входа к ним навстречу шла очень высокая женщина в серой форме кропарей. У неё была совершенно прямая спина и белые волосы, струящиеся гладкой волной. Никогда прежде Миссе не видела такой безупречной седины – и это при том, что лицо было совсем нестарым – женщине, казалось, лет сорок. Ярко-красные накрашенные губы на фоне бледной кожи выглядели так, будто были вырезаны из бумаги.

– Добро пожаловать, – сказала она им и коротко улыбнулась. – Кто из вас?..

Глаза её при этом остались неподвижными и бесстрастными. Миссе мысленно порадовалась, что не ей придётся в одиночку уйти вслед за этой страшной женщиной.

Ульм сделал шаг вперёд, отвесил поклон.

– Разрешите представиться, госпожа. Я...

– Очень хорошо. – Женщина цепко обшарила его взглядом и, сделав какие-то выводы, кивнула. – Следуй за мной. А вам, девушки, удачи... И до встречи.

– Не очень-то мне хотелось бы с ней снова встретиться, – тихонько пробормотала Миссе, когда дом, за дверями которого скрылись Ульм и пугающая женщина, остался далеко позади.

– От госпожи Сэл у многих мурашки по коже, – доверительно шепнул Дант, ставший после того, как они распрощались с Ульмом, ещё более развязным. – Она главная у кропарей – и одна из Десяти.

– Кто ещё входит в Десять? – спросила Сорта. Она ни разу не обернулась – казалось, прощание с другом детства совсем её не тронуло.

– Стром, например. Его учитель – господин Барт. Господин Орт – он там главный. Госпожа Анна, госпожа Ивгрид, господин Редрик... Они все – от наших, ястребы и охотники. У механикеров, кропарей – свои представители. Госпожа Сэл – одна из них. Некоторые из них служат в Десяти, но в Стужу уже не ходят – как господин Барт. Они там все уже по несколько сроков отработали...

– Но господин Стром же... – Сорта помедлила. – Довольно молод?

– Да! – Дант снова заговорил с особенной гордостью, и его лицо засияло от обожания. – Он самый молодой из Десяти сейчас, и до него таких молодых туда не выбирали. Ему двадцать шесть тогда было, и с тех пор он там.

– Почему так получилось?

– Очень хорошие показатели. – Дант потёр уголок у глаза орма и вздохнул со смесью восхищения и зависти. – Он почти не ошибается. Больше девяноста процентов охот с его участием – удачные. Стужа его очень любит.

«Наверное, поэтому для него и сделали исключение, позволив ходить на оба слоя Стужи», – подумала Миссе. «Но почему он не ходит со своим охотником? Зачем ему понадобилось так рисковать?»

Она хотела спросить об этом Данта, но не успела – брусчатая улочка, по которой они шли, круто повернула налево и вывела их на небольшую полукруглую площадь с фонтаном в виде орма, раскинувшего крылья над водой. Из его раскрытой пасти била мощная струя воды. Брызги долетали до скамеек, стоявших у фонтана полукругом, и девушки, сидевшие там в окружении молодых людей, взвизгивали каждый раз, когда это происходило.

Позади них Миссе увидела красную кирпичную стену, а за ней – место, которому предстояло теперь стать её домом.

Это общежитие понравилось ей больше того, что поглотило Ульма. Тоже трёхэтажное, но не такое широкое, более устремлённое вверх, с парой круглых башенок с остроконечными крышами по краям. Здание было построено из белого камня, окна светло-розового стекла казались тёплыми и живыми – и сухие стебли ползучих растений оплетали тёмную черепицу ската и тонкие печные трубы.

– Наверное, много топлива уходит на столько печей, когда холодно? – спросила Сорта, и Дант ухмыльнулся:

– Не угадала. Препараты тут такие мощные, что каждой хватает пары поленьев в день.

Вслед за Дантом они прошли в высокие чугунные ворота, украшенные литыми плоскими фигурами. На левой парил высоко над горными хребтами Стужи ястреб, похожий из-за длинных летящих за ним волос на комету. На правой внизу шёл по таким же хребтам охотник. За собой он тащил сани, на которых громоздились ветвистые рога эвеньев. Над ними сияли две большие путеводные звезды. С оком в центре – для ястребов, простая – для охотников.

Все эти знаки были редки в Ильморе – и всё же Миссе с детства знала их по страницам учебников.

За воротами обнаружился большой сад, выглядевший по сравнению с предыдущим слегка запущенно. Судя по журчанию, где-то за плотными кустами прятался ручей или ещё один фонтан. Миссе заметила на одной из веток невысоко от земли маленький деревянный домик для птиц. Песчаную площадку неподалёку кто-то расчертил для игры в сут-стук – Миссе и сама любила эту игру, в которой нужно было по очереди бросать камешки, попадая в соответствующие «дома» раньше соперника, но не думала, что взрослые в неё тоже играют. В Ильморе она считалась детской.

В беседке неподалёку от дома, тоже оплетённой растениями, кто-то что-то оживлённо рассказывал – и рассказ этот то и дело перемежался взрывами дружного хохота.

Миссе немного полегчало – это место выглядело более живым и гостеприимным, чем то, другое.

– Это наш главный корпус, – сказал Дант, ведя их ко входу. – На первом этаже – зал для собраний, тренировочные залы, библиотека, читальный зал, столовая. На втором живут тренеры и рекруты. На третьем – тоже спальни, а ещё прачечная и душевые. Жить там удобнее, так что вам повезло: на втором сейчас мест нет. Дальше – ещё два корпуса, в них ведут галереи, зимой это очень удобно – можно не одеваться, чтобы перейти из одного в другой. Там лазареты, центры восстановления, квартиры тех, кто не хочет жить в городе, а ещё клуб.

– Клуб?

Дант хитро сощурился:

– Вас туда наверняка пригласят. Парням приходится постараться, чтобы туда попасть, но красивых девчонок обычно сразу приглашают. Что сказать? Жизнь несправедлива.

– Господин Стром в клубе? – вдруг спросила Сорта, и Дант вздохнул:

– Мы его всегда, когда можем, приглашаем, но он редко приходит, особенно... Ну, в последнее время. Некоторые считают, что он зазнался с тех пор, как его приняли в Десять и стали регулярно приглашать во дворец, но я... – Дант вдруг запнулся и густо покраснел, видимо, поняв наконец, что слишком много болтает. – В общем, сами во всем разберётесь.

Их никто не встречал. В прихожей было тихо и царил полумрак – окна были зашторены, валовые светильники на стенах неярко мерцали. Миссе увидела ряды одинаковых деревянных шкафчиков вдоль стены – и вешалок-крючков над ними.

– Тут можете оставить верхнюю одежду, а здесь – обувь. Возьмите номерок, чтобы потом не перепутать. Вон в том мешке – чистые тапочки. Переобуйтесь.

Тапочки, которые вытянула из мешка Миссе, оказались великоваты.

– Зачем это?

– Это Кьерки придумал. Чтобы реже мыть пол... Шучу. Просто сюда постоянно суётся кто-то из второго корпуса, ещё не восстановившись до конца. Лучше, чтобы везде было чисто.

Кажется, Сорта собиралась спросить ещё о чём-то, но, покосившись на Миссе, промолчала.

– Кьерки – главный по общежитию, – продолжил Дант. – Он вам понравится. Идёмте. Я вам покажу зал для собраний.

Зал этот оказался самым уютным местом из всех, в которых Миссе доводилось бывать. Она подумала, что именно о нём напишет маме в первом же письме.

Вышитые шторы, обитые тёмно-зелёной тканью мягкие кресла и диваны, столики с полями для игры в тавлы, вазы с сухоцветами, книжные шкафы у стен. В углу Миссе заметила целый шкаф, заставленный всевозможными кружками, среди которых, кажется, не было двух одинаковых. Чёрные и белые, красные и синие, с традиционными узорами и без узоров вовсе, с ручками и без, глиняные, железные и костяные – это походило на выставку. Многие кружки были подписаны.

«Эрика». «Вирт». «Томмали». «Кьерки». «Амела». «Корре». «Лами. Не берите, пожалуйста», «Дурковать заразно – я предупредил!».

– Нравится? – Дант поймал её взгляд. – Это ещё до меня придумали. Говорят, раньше у всех были одинаковые, но потом кто-то решил, что уютно, когда у каждого есть своя кружка. Вам тоже надо будет найти себе подходящие и поставить сюда.

Они миновали большую пустую столовую. Ряды одинаковых деревянных столов и стульев контрастировали с домашним уютом общего зала. Над окошком выдачи половину стены занимало огромное панно, изображающее сцену охоты. Гигантский орм свивался кольцами вокруг глыбы льда. Его душа парила чуть выше, почти касаясь тела. Крошечные охотники кололи его копьями, пока целый сонм ястребов атаковал душу, готовясь уронить на неё серебристую сеть. На ленте, выщепаясь надо всем этим, было написано: «Долг. Лёд. Плоть». Одному из охотников – тому, что был ниже всех – кто-то пририсовал роскошные чёрные усы и кошачий хвост. Для такой шалости явно требовалась группа злоумышленников – панно было испорчено выше человеческого роста.

– Дальше справа – тренировочные залы. Слева – библиотека и читальни. Потом посмотрите, а сейчас пойдёмте к лестнице.

– А где все? – спросила Сорта. – Почему мы здесь одни?

– Их повезли на экскурсию по городу. Мы тоже должны были успеть, но ночью поезду пришлось огибать здоровенное стадо эвеньев – вы спали, не слышали – и мы немного выбились из графика. Ничего, завтра Кьерки вас наверняка поведет, если попросите. Он для новичков как родная мать, сами увидите.

От одного упоминания матери у Миссе защипало глаза – а ведь она держалась так долго.

На второй и третий этажи с длинными рядами одинаковых тёмных дверей с белыми табличками вела широкая лестница, покрытая потёртой ковровой дорожкой.

– Вам сюда.

Их имена уже красовались на соседних табличках. «Хальсон». «Луми».

– Располагайтесь. Через полчаса в столовой будут кормить – приходите, еда тут хорошая и всё бесплатно. Я бы предложил потом поводить по городу, но меня очень ждёт один друг. – Дант так лучился самодовольством, что ни на секунду нельзя было усомниться в том, что «друг» на самом деле – подруга. – Ужин будет в восемь. После ужина приходите в общий зал – Кьерки объяснит вам, что к чему. В десять обычно отбой, но, пока рекруты собираются, в саду и клубе можно делать, что хочешь, хоть ночь напролёт. Только тихо – дежурные за это не хвалят. И – только пока не начались тренировки. Тогда я вам это не советую. Лучше хорошо высыпаться и есть по графику. Сами увидите.

Он бросил взгляд на бронзовые часы, висевшие над дверью, и ахнул:

– Ну всё! Мне точно пора. Удачи!

Сорта дёрнула дверь своей комнаты, не глядя на Миссе, и скрылась за ней.

Миссе последовала её примеру.

Комната оказалась крохотной, чистой, даже уютной, со всем, что необходимо. Кровать выглядела удобной и была застелена бордовым покрывалом. На столе стояла подставка для книг и ваза, в которую кто-то поставил букет сухоцветов. Под стулом в плетёной корзине обнаружилось чистые полотенца и постельное белье. У стены – плоский шкаф. Зеркало над умывальником в углу.

Окно было открыто, и Миссе, подойдя к нему, облокотилась на подоконник. Оно выходило не в сад, а на оживлённую городскую улицу. Наверное, с непривычки ей трудно будет здесь уснуть, если только весь Химмельборг не укладывается спать по отбою. Миссе смотрела на брусчатую мостовую, спешащих по ней людей, всадников и автомеханики. Солнечный свет танцевал на них. Все казались сейчас Миссе счастливыми, беззаботными. Они шли по делам, бежали на свидания, смеялись... Пока она стояла здесь, в комнате, где жило до неё множество рекрутов – только Мир и Душа знают сколько, и сколько из них сейчас живы – и здоровы.

Миссе почувствовала себя самым одиноким человеком на свете, и постукивание за стеной – видимо, Сорта уже начала разбирать вещи – отчего-то только усиливало это ощущение.

Она сердито вытерла лицо, когда вдруг заметила внизу человека, остановившегося и совершенно не обращавшего внимания на общий поток.

Это был юноша на несколько лет старше неё самой, высокий и хорошо сложенный, с золотыми волосами, собранными в длинный хвост, небрежно рассыпавшийся по плечам. Он был одет в ярко-бордовый камзол и штаны. Никто из мужчин в Ильморе никогда не одевался так ярко, но юноше это шло. Судя по всему, он был из очень знатной семьи – даже издалека Миссе разглядела и его благородную красоту – таких красивых молодых людей она никогда не встречала – и то, что его костюм выглядел богаче, чем у других прохожих.

Миссе закрутила головой, пытаясь понять, отчего он остановился под окном. И вдруг юноша помахал ей. Её тут же бросило в жар.

Она не решилась помахать в ответ – вдруг всё же ошиблась? А он улыбнулся ей и ещё какое-то время стоял под окном, глядя на неё, пока его не подхватила наконец недовольная и напористая толпа.

Миссе ещё некоторое время постояла у окна, чувствуя, как горячо стало щекам. Ей захотелось узнать, кто был тот юноша, – так сильно, что на долгие и волнительные несколько минут она совсем забыла обо всех своих горестях.

Унелъм. Парящий порт

Девятый месяц 723 г. от начала Стужи

Первые несколько дней в столице прошли в блаженном безделье. Этого Унелъм не ожидал: он был уверен, что тяжёлые тренировки и тесты, вызывающие оторопь, начнутся чуть ли не сразу, как он переступит порог общежития.

Но ничего такого не случилось. Комендант Сэл объяснила ему правила пребывания в общежитии – самым важным было возвращаться вовремя и не пропускать завтраки и ужины. Обедать разрешалось в городе – каждому вновь прибывшему выделялась, оказывается, ежемесячная стипендия – Ульму, который редко располагал собственными деньгами, она показалась огромной – и суммы этой вполне хватало, чтобы время от времени перекусить и выпить за счёт владетеля, да ещё купить себе что-нибудь из одежды.

«Денег будет больше, когда начнёшь службу», – сказала ему Сэл. «Химмельны хорошо нас обеспечивают, но учись тратить разумно. Лучше отправляй часть денег домой, если тебе есть, кому отправить, и заведи счёт в банке, когда закончишь обучение».

Ульм последовал её совету и на следующий же день приложил двадцать из пятидесяти химмов к первому письму домой, в котором он подробнейшим образом описывал свою комнату с видом на сад, оживленный центр города и свои первые впечатления от столицы. Тон этого письма вышел таким нарочито беззаботным, что родители наверняка пришли в ужас, читая его, но Ульм об этом не подумал.

После визита на почту, куда он шёл, постоянно сверяясь с картой, выданной Сэл, он какое-то время покружил по торговым улочкам Химмельборга, глаза на витрины, прикидывая, что и когда мог бы себе купить. В Ильморе на двадцать химмов, которые он прислал домой, можно было пару недель закупаться в лавке, не торгуясь, но цены в столице оказались совсем другими. Ульм пожалел, что не посмотрел на них до того, как отправлять деньги домой, и тут же устыдился своих мыслей.

За те несколько дней, что общежитие дожидалось приезда рекрутов со всех концов страны, Ульм успел один раз опоздать на ужин, купить себе две книги про дальние страны, о которых в Ильморе и слыхом не слыхивал, а также новую колоду и цветные ленты для пары фокусов, которые разучивал. Ещё он раскошелился на новые ботинки, штаны и рубашку – куда более подходящие для здешней погоды, чем его собственные, и неплохо освоился в «своей» части города. Помогла ему в этом соседка – хитроглазая, очень высокая Лудела.

С первого знакомства она показалась Унелъмю чуточку развязной, но, кто знает, может такая манера была принята у здешних девушек. По здравому размышлению приходилось признать, что в этом были свои преимущества.

Лудела была рекрутом, как и он сам. Она родилась на окраине столицы, но и в переплетении улиц сердца города разбиралась неплохо. Она знала, в каких городских кабаках можно погулять недорого и безопасно, показала Ульму пару лавок подержанной, но вполне приличной одежды – там он и добыл себе рубаху и штаны, сводила его в Зверосад и Парящий порт.

По правде сказать, Зверосад понравился Унелъмю ужасно, но Луделе он не стал в этом признаваться – кажется, чаще всего сюда ходили маленькие дети с родителями да парочки, у которых денег не было, чтобы сходить в театр или дорогой ресторан.

Унелъм жадно смотрел через прутья клеток на зверей, о которых прежде только читал в книгах. Здесь были свирепые кагадские рыси, скалящие зубы на людей за ограждениями, и рамашские крысы, каждая ростом со свинью, и полосатые кони из степей кочевников, и летучие

обезьяны из Вуан-Фо... В огромном озере, на котором гнездилась всевозможная водная птица, время от времени появлялась покатая глянцевиная спина линорского быка. Унелю ни разу не посчастливилось поглядеть на его морду, а при Луделе ему не хотелось вглядываться слишком пристально, так что он твёрдо решил при случае вернуться в Зверосад в одиночестве и ждать, сколько потребуется.

В павильоне, где валовые лампы светили так, что делалось больно глазам, на раскалённом песке за стеклом с эвеньевыми прожилками – видимо, для прочности – сидели, прикрыв глаза, рогатые ящеры из Алой пустыни. Они походили на каменные изваяния, припорошённые пылью, и Ульм едва удержался от изумлённого возгласа, когда один из них показал влажную щёлку хитрого глаза.

Но если Зверосад просто понравился ему, то Парящий порт – украл сердце.

Порт на самом деле не парил – стоял на хитро спроектированных опорах, изящных и тонких. С земли смотреть на него было жутковато – казалось даже, что он слегка колеблется от особенно сильных ударов ветра. Лудела, хихикая, позволила уговорить себя подняться наверх. Довольно глупо – с учётом того, что она, в отличие от самого Ульма, там уже бывала.

Он заплатил по четверти химма за Луделу и себя, чтобы их пустили на платформу, поднимающую вверх и зевак, и пассажиров. Механизм, поднимающий их, был целиком и полностью заслугой механикеров. Сквозь синее стекло Унелю видел, как натягиваются жилы, шевелятся сотни туго соединённых друг с другом лап васок – тянут, передают друг другу, напрягаются и расслабляются в слаженном мёртвом танце. Их соединяли жилы эвеньев, и кое-где моргали, следя, чтобы всё работало, как надо, глаза ревок. Некоторые были вплавлены прямо в основания лап, другие торчали на упругих штырьках и медленно вращались вокруг своей оси. Про некоторые части тел, участвующих в подъёме, Унелю не смог бы сказать, ни из кого они были изъяты, ни для чего нужны. Таких масштабных конструкций ему видеть раньше не доводилось – даже воспоминания о поезде по сравнению с этим меркли.

– Интересно, сколько васок понадобилось убить, чтобы сделать это? – пробормотал он, забыв, что решил не делиться своими мыслями с Луделой.

Она облизнула яблоко на палочке, которое он купил ей, и хихикнула:

– Ну, технически они не мертвы, разве нет? Только их души. У каждого васки четыре лапы – вот и считай. Мне вот куда интереснее, на что пошли их потроха, глаза и прочее. Довольно безумно, что один васка может работать в нескольких разных районах города, а?

– Или даже страны.

– С другой стороны, – продолжала Лудела, – разве история с мясом и молоком не менее безумна? Ты никогда не думал, например, что в одном праздничном блюде могут встретиться звери, жившие на скотных дворах в разных городах Кьертании? Ха-ха, а что если наоборот – жили в одном сарае и при жизни терпеть друг друга не могли? Если, конечно, звери умеют терпеть не мочь друг друга... Так вот, сердце одного – в желудке у другого. Фу... А молоко для соуса, например...

Унелю перестал слушать. В такие моменты он начинал думать о своём – или любовался её плечами и хитрым блеском глаз. Она не нравилась ему так, как нравилась Хельна, но её кокетливый хохот в ответ на любые шутки наводил на мысли о том, что он слишком рано решил, что его молодая жизнь со всеми своими радостями с переездом в Химмельборг закончится.

Ловкие лапы васок подняли их на самый верх, и Ульм забыл о Хельне, Луделе, радостях жизни – да что уж там, о самой жизни. Или, может быть, наоборот – жизни стало слишком много, чтобы думать о себе в ней.

Небо здесь было таким прозрачным и ярким, необъятным, широким, безграничным – нигде до сих пор оно не казалось Унелю настолько свободным. Он стоял на самой высокой

точке в городе – а Стужи не видел. Можно было представить, что её просто не существует – а значит, можно идти и ехать, куда хочется.

Здесь, в порту, все спешили – не только люди в форме со сверкающими знаками отличия в виде крылышек, в фуражках, среди которых попадались и мужчины, и женщины – Лудела сказала, что это пилоты и экипаж парителей – и пассажиры, все богато одетые, с обязательными носильщиками, волокущими за ними мешки, свёртки и чемоданы, но и праздно гуляющие. Их здесь явно было куда больше, чем готовящихся к путешествию, но общая суэта, предвкушение, разлитое в воздухе, захватывало всех.

Гулящие суетились, чтобы быстрее попасть на одну из смотровых площадок – их тут было видимо-невидимо, разных размеров и на разной высоте. На некоторых теснились целые группы – Унелм краем уха уловил незнакомую речь – видимо, это были приезжие, самые настоящие иностранцы, которым показывали город. Подбравшись ближе, Ульм увидел, что у всех этих людей рыжие волосы – такого яркого цвета он ни у кого прежде не видел – и глаза зелёные, как у кошек. Может быть, они прибыли в Кьертанию из Авденалии или Кориталии, но наверняка он не был уверен.

На паре больших площадок стояли столики и стулья, сновали подавальщики с подносами и бутылками под мышкой. Здесь можно было поесть и выпить, созерцая город у своих ног – Ульм даже не стал заглядывать в цены, написанные на табличке у входа, чтобы не расстраиваться.

Дети всех возрастов носились туда-сюда с радостными воплями – Ульм следил за ними с замиранием сердца, несмотря на то, что платформа была окружена бронзовым ограждением, и тут и там стояли служители в форме.

На площадках поменьше сплетались в объятьях парочки. Девушки взвизгивали от ужаса – притворного или настоящего – и закрывали лица руками, а юноши со спокойствием – притворным или настоящим – показывали на знакомые здания.

Лудела потянула Ульма в сторону одной из таких площадочек, но ему гораздо больше хотелось пойти туда, где люди в форме проверяли документы у высоких высот, за которыми стояли парители. Полюбоваться на них и счастливец, которым предстояло совершить путешествие, можно было через прутья решёток, и Унелму с Луделой пришлось поработать локтями, чтобы занять хорошее место.

– А ты бывала в других странах? – спросил Ульм Луделу, пока они пробирались к воротам. Он был уверен, что подобные путешествия доступны всем, живущим в столице, но, судя по заливиному смеху спутницы, попал впросак.

– А то как же. Мои старики каждые выходные летают – то в Рамаш, то в эту, как её, Авдерию.

– Авденалию, – машинально поправил Ульм, и она закатила глаза:

– Не всё ли равно? Такие поездки только богатеи себе позволяют. Это же кучу денег стоит – и к тому же нужно разрешение получить.

– Так же, как с поездами? – спросил он, стремясь исправить промах.

– Ну да. Думаешь, если для перемещений внутри страны нужны разрешения, то из одной в другую вот так просто любого выпустят? Ну да, конечно, держи карман шире.

Мимо них прошли двое в тёмно-коричневой форме с крылышками – высокий мужчина и стройная миловидная девушка. Оба не глядели на зевак, хотя не могли не замечать всеобщие взгляды.

У ворот они по очереди показали документы служителю, и их пропустили внутрь.

– Вот они-то летят, куда пожелают. – Лудела ткнула пальцем паре вслед. – Видишь нашивку? Они паритеры.

Ульм вздрогнул, но ничего не сказал.

Отсюда можно было увидеть даже, как парители, взяв разбег, отрываются от края платформы и летят высоко в небо. Ульму и Луделе повезло – такое случалось несколько раз в день, и они попали в порт в нужное время.

Замолчав, они наблюдали, как команда и пассажиры зашли в паритель по специальной приставной лесенке. Сам паритель, сделанный наверняка из материалов, похожих на те, из которых создавались поезда, был покрыт сверху чем-то белым – и корпус, и крылья, собранные наверняка с использованием частей ормов и элемеров. Унелму стало интересно: объяснялось это необходимостью, или механикеры, создававшие парители, специально прятали «начинку», чтобы не делиться с иными странами секретами? Конечно, без доступа к Стуже от таких секретов толку чуть, но кто его знает.

Глаза валов, окна парителя, моргали – видимо, шла проверка систем.

– Теперь он поедет вон туда, – Лудела ткнула пальцем на дорожки, ведущие напрямиком к ничем не огороженному краю платформы. – Вон оттуда они летят!

Ульм, затаив дыхание, смотрел, как широко открываются глаза вала на парителе, как он разгоняется огромными лапами – разглядеть бы, из чего они сделаны, но слишком далеко – как мчится вперёд всё быстрее и быстрее. Толпа разом ахнула от страха и восторга, когда паритель, не замедляя бег, а наоборот, наращивая скорость, рванулся вперёд – в пропасть.

Когда паритель оторвался от края платформы, Ульм замер с бешено бьющимся сердцем – на мгновение он был уверен в том, что машина сорвётся и, крутясь вокруг своей оси, понесётся вниз, белая, беззащитная, как весенний цветок... Но этого не случилось; Ульм моргнул – и вот паритель уже летел вверх, поджав ноги и расправив широкие белые крылья, прочь от города, оставляя за собой длинный серебристый след. Это было так невероятно, что казалось ненастоящим, игрушечным – будто при желании можно было ухватиться за этот след и притянуть паритель со всеми людьми в нём обратно.

Ульм продолжал стоять, глядя ему вслед – ему казалось, что вместе с серебристой точкой унеслось в далёкие края его сердце – пока Лудела не потянула его за рукав.

Теперь Унелм с ещё большим вниманием смотрел на проходивших мимо людей в тёмной форме. Он и прежде, читая о паритерах в книгах, представлял их небожителями, которым подвластны тайны неба и земли, но теперь, после того, что он видел, восторг перешёл всякие границы.

– Лудела, помнишь тех паритеров? – осторожно спросил он.

– Ну да? – она догрызла засахаренное яблоко и, быстро оглядевшись, бросила деревянную палочку через ограждение.

– Выходит, на парителях тоже механикеры работают, да? – спросил он как можно небрежнее. – И паритеры, значит, тоже механикеры, как и машинисты на поездах?

Она хмыкнула:

– Поняла, к чему ты клонишь. Но я бы на твоём месте ни на что подобное не рассчитывала.

– Почему? – Он почувствовал себя уязвлённым и от того, что она сразу угадала его мысли, и от того, как уверенно сказала, что ему ничего не светит. Возможно, не стоило принимать её слова всерьёз. Ей явно нравилось хвастать своей искущённостью перед жителем окраины.

– Сам как думаешь? Быть паритером – или даже летать механикером на одном из таких – это ещё как здорово. Многие мечтают о таком. Простым ребятам, вроде нас с тобой, это не предлагают. Но хватит об этом. Может, лучше поболтаем о чём-нибудь более интересном? – Она игриво пихнула его в бок.

Да, она немного заносилась – но, может быть, если он и дальше будет подыгрывать ей, Лудела выложит ему много такого, что хорошо известно ей, как жительнице столицы. В конце концов, не просто же так она тратит последние свободные денёчки с ним, а не с кем-нибудь

знакомым из Химмельборга? Как бы ни задирали нос, он ей нравится – грех было бы этим не воспользоваться.

– Не предлагают? – он постарался говорить как можно более простодушно. Хельна утверждала, что когда он говорил так, глаза у него делались синими-синими, и ему невозможно было отказать. – Но почему? В смысле... Разве все рекруты не равны между собой? Я думал, тесты...

Она фыркнула – и насмешливо, и недовольно – и снова прижалась к нему, поглядывая на ближайшую пустующую смотровую.

Он вздохнул и переплел её пальцы со своими:

– Ну, милая... Неужели ты мне не поможешь? Видишь ведь, как я здесь растерян – без твоих подсказок совсем пропаду. Расскажи, что нас ожидает. Буду тебе очень благодарен.

Он слегка поцеловал её около носа – промазал мимо губ, потому что она захихикала и ожила в его руках, как вода. По крайней мере, видимо, ласка подействовала – её щёки заалели.

Рука об руку они пошли к площадке, и Лудела заговорила:

– Я тоже не знаю всего, но знаю наверняка, что препараты из богатых семей – на совсем других условиях, не то, что мы... А ты как думал? Даже самые влиятельные родители не могут избавить отпрыска от Шествия – но вот найти ему потом дело побезопаснее и попрестижнее – это им по силам. Слышал про наследника-ястреба?

Унельм покачал головой:

– Нет. Он действительно был наследником трона?

– Ну да. То есть нет – не совсем наследником, но одним из Химмельнов точно.

Они встали в очередь, успевшую образоваться у смотровой, и Лудела прижалась к нему, поднырнула под руку.

– Не очень-то они о нём позаботились, нет? – спросил Ульм. – Я имею в виду, ястреб – не самая безопасная работа на свете, нет? Скорее наоборот.

Лудела пожала плечами, пребольно ткнув его в бок.

– По мне, так охотником быть куда опаснее. Если верить слухам, изначально он должен был стать механикером – и работать на какой-то очень безопасной работе, не требующей слишком часто даже прикасаться к препаратам. Но потом в ход пошли разные интриги, потому что от этого зависело, кто потом сядет на верхний трон. Кажется, кто-то там умер, и этот Химмельн стал ближе к трону, чем предполагалось...

– Разве препарат может сесть на трон?

Лудела снова пожала плечами:

– Наверное, тогда он перестал бы быть препаратом. В любом случае, никто не узнал, как бы оно сложилось, потому что в результате каких-то каверз его родного дяди он отправился не к механикерам, а к ястребам, и...

– Подожди, – Унельм нахмурился, – я же читал об этом. «Полёт над Химмельборгом» – это же старая трагедия Хольстона, её в школе проходят. Ты хочешь сказать, что всё это было на самом деле?

– Книжку не читала, но история настоящая. Его несколько раз пытались убить, подстроить всё как несчастный случай, но препараты каждый раз спасали его, потому что он стал одним из них. Потом он стал очень хорошим ястребом, на престол сел сын его дяди, дядя, кажется, помер – и наследника-ястреба оставили в покое.

– В книге он в итоге садится на трон, а как было на самом деле?

– Погиб на охоте. О! Наша очередь, можно идти смотреть!

На площадке Лудела приникла к его губам долгим влажным поцелуем, и Унельм почувствовал вкус сахара и яблока у неё на языке. Он постарался ответить ей с таким же пылом – хотя бы из вежливости, но мысли его витали далеко.

Когда она наконец оторвалась от него, они некоторое время смотрели на город – высокие башни дворца владетеля, сияющие храмовые крыши, изогнутые мосты над Химмой, петляю-

щей через весь город и сияющей на солнце, как стекло, бесчисленные улицы и улочки, обгоняющие друг друга, крошечных человечков и оленей; игрушечный поезд, едущий по игрушечной дороге.

– Вон там наше общежитие, – сказала Лудела и прижалась к нему всем телом. – Как думаешь, успеем к ужину? – её вопрос прозвучал двусмысленно, но Ульм не успел ответить, потому что люди сзади недовольно забормотали – кто-то уже хотел занять их место, и им пришлось сойти с площадки, пропуская другую парочку.

Всё ещё держась за руки, они медленно пошли в сторону подъёмника.

– Значит, – сказал Ульм, – если богатой семьи и связей нет, на хорошую работу можно не рассчитывать? Это ты имеешь в виду?

– Ну, может, стоит веселей на всё смотреть. – Кажется, после поцелуев у неё здорово поднялось настроение. – Ты же сам сказал: есть ещё и тесты, и всякое такое. Учёба – она не просто так. Я в прошлом году встречалась с одним парнем из кропарей. Он рассказывал, что работу выдавали как раз по итогам учёбы. Кто старался и показывал хорошие результаты на тестах, получал работу получше. И ты знал, что препараты при дворе бывают? Не все, те, кто лучше всех служит. За четыре срока службы вообще титул положен, слышал о таком? Ну, ястребам и охотникам. Кропарям и механикерам надо пять оттрубить.

– Пять сроков службы, – повторил Унельм. Ему трудно было поверить, что кто-то может вынести столько – и вообще добровольно на это пойти. – И что, часто такое случается?

– Не думаю, – легкомысленно отозвалась Лудела. – Да и кому нужен титул, тем более после стольких сроков, а? Тут один бы продержаться.

– Ты очень спокойно говоришь об этом. – Её в рука в его руке была прохладной и не дрожала.

Они ступили на платформу вместе с десятком других пассажиров, и медленно тронулись вниз. Лапы васок задвигались слаженно, легко. Сотни, тысячи лап. Каждая была добыта ястребом и охотником. Каждого из них отправлял в Стужу кропарь. Каждую лапку сделал препаратом механикер.

– Зачем волноваться? – спросила Лудела неожиданно серьёзно, и этот тон не вязался с её прежним поведением. – Всё равно ничего не изменить. К тому же... Ты, верно, думаешь, что все, кто живет в столице, осыпаются золотом и едят всё только на сливочном масле. Так это не так.

– Прости, – ему действительно стало неловко. – Если тебе показалось... Я ничего такого не имел в виду. Я понимаю, что тебе тоже, наверное, нелегко... Ты скучаешь по близким, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.